

Ирвин Уэлш

Экстази

Три истории о любви и химии

Сэнди Мак Наир

Говорят, смерть убивает человека, но не смерть убивает. Убивают скука и безразличие.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ты никогда не знаешь, когда начнется твоя шизофрения.

Экстази (МДМА) — сравнительно недавнее приобретение «химического» поколения, наркотик, по мнению многих, не вызывающий привыкания и сравнительно безвредный. Книга Уэлша изобилует сценами употребления экстази, ее даже можно назвать своего рода апологией препарата. У многих, возможно, возникнет желание попробовать наркотик, который считается «легким» и относительно доступен. К сожалению, информация о так называемых «легких» наркотиках чаще всего создается непрофессионалами и далека от реальности. Мы считаем своим долгом предостеречь любознательных экспериментаторов над своим организмом и психикой до того, как у них возникнет желание попробовать, а что же это за «волшебная» субстанция.

Что же такое «легкие» наркотики, чем они отличаются от «тяжелых», таких как героин и ЛСД, и насколько они безвредны?

Во-первых, экстази относится к психоактивным веществам (ПАВ), главная суть которых -наркогенность, т. е. то, что они в минимальных количествах стимулируют опиатные рецепторы нервной системы, включая так называемую «систему награды». Возникает измененное состояние сознания со стимуляцией центров удовольствия. В основе патологического пристрастия при употреблении наркотиков лежит угнетение ими синтеза эндорфинов — регуляторов биохимических и психических процессов в организме человека. Основные физиологические доминанты организма, такие как сон, еда, половое поведение, контролируются определенными эндорфинами. При приеме психоактивного вещества патологическая доминанта перекрывает любые другие физиологические доминанты, возникает компульсивное влечение. Наркотик как бы подменяет собой эндорфин. Механизм действия любого наркотика одинаков, будь то героин или экстази.

Во-вторых, опасность экстази заключается в том, что, как и любой психостимулятор, он вызывает состояние острого психоза, особенностью которого является так называемый «флэшбэк» — повторение наркотического опыта недели спустя после приема. При каждом возникновении такого психоза погибает какое-то количество клеток центральной нервной системы и печени. Повышается чувствительность к любым негативным воздействиям, конфликтность. Поражения внутренних органов и нервной системы приводят к таким органическим заболеваниям, как токсический гепатит и органический психосиндром, которые через некоторое время приводят человека к инвалидности. При систематическом приеме психостимуляторов развивается слабоумие.

Ко всему сказанному следует добавить, что экстази вызывает истощение центральной нервной системы, способствует развитию депрессивных состояний. А последние, в свою очередь, требуют компенсации за счет наркотиков противоположного действия, таких, в первую очередь, как героин. Поэтому мы считаем, что наркотики не могут делиться на «легкие» и «тяжелые», а оказываемый ими эффект всегда один — личностные расстройства, социальная декомпенсация, а в результате — общая деградация.

Мы можем дать лишь один совет — пусть те переживания, что описаны в этой книге, навсегда останутся для вас лишь литературным опытом, а сама книга послужит предупреждением о том, как дорого могут обойтись эксперименты над собой с помощью современной химии.

Дрейзин М. Е., психиатр-нарколог, директор клиники «КредоМЕД»

1. Шоколадная Ребекка

Ребекка Наварро сидела в просторной оранжерее собственного дома и смотрела на освещенный солнцем свежий сад. В его дальнем углу, у старинной каменной стены Перки подстригал розовые кусты. Об угрюмой озабоченной сосредоточенности, привычном выражении его лица, Ребекка могла лишь догадываться, рассмотреть его ей мешало солнце, которое ослепляюще било сквозь стекло ей прямо в глаза. Ее клонило в сон, она чувствовала, что плывет и расплавляется от жары. Отдавшись ей, Ребекка не удержала увесистую рукопись, она выскользнула из рук и глухо шлепнулась на стеклянный кофейный столик. Заголовок на первой странице гласил:

БЕЗ НАЗВАНИЯ — В РАБОТЕ

(Любовный роман № 14. Начало XIX века. Мисс Мэй)

Темная туча заслонила солнце, развеяв его сонные чары. Ребекка кинула взгляд на свое отражение в потемневшем стекле двери, которое вызвало в ней краткий приступ отвращения к себе. Она поменяла положение — профиль на анфас — и втянула щеки. Новый образ стер картину общего увядания и обвислых щек, причем так удачно, что Ребекка почувствовала себя достойной небольшого вознаграждения.

Перки полностью погрузился в работу по саду или просто делал вид. Семья Наварро нанимала садовника, который работал тщательно и умело, но, так или иначе, Перки всегда находил предлог самому поковыряться в саду, утверждая, что это помогает ему думать. Ребекка же, хоть убей, никогда не могла даже представить себе, о чем это ее мужу приходится думать.

Хотя Перки и не смотрел в ее сторону, движения Ребекки были предельно лаконичны — украдкой протянув руку к коробке, она приоткрыла крышку и быстрым движением достала два ромовых трюфеля с самого дна. Она запихала конфеты в рот и, на грани обморока от ощущения дурноты, начала яростно жевать. Фокус состоял в том, чтобы проглотить сладость как можно быстрее, — будто таким образом можно было обмануть собственное тело, которое переварит получаемые калории одним махом, обработав всего две маленькие конфетки.

Попытка солгать собственному организму не удалась, и тяжелая, сладкая дурнота заполонила Ребекку. Она физически ощущала, как ее организм медленно и мучительно перемалывает эти ядовитые мерзости, производя тщательный учет полученных калорий и токсинов, прежде чем распределить их по организму так, чтобы они нанесли наибольший вред.

Сначала Ребекка думала, что переживает очередной приступ тревожности: эта тянущая жгучая боль. Лишь через несколько секунд ее охватило сначала предчувствие, а потом и уверенность в том, что случилось что-то более страшное. Она начала задыхаться, в ушах зазвенело, мир закружился. Ребекка с перекошенным лицом и с тяжелым стуком повалилась на пол веранды, хватаясь обеими руками за горло. Струйка коричневой от шоколада слюны поползла из уголка рта.

В нескольких шагах от происходящего Перки стриг розовый куст. «Надо бы опрыскать пакостников», — подумал он, отступая, чтобы оценить свой труд. Краем глаза он увидел, как что-то дергалось на полу оранжереи.

2. Йасмин едет в Йовиль

Ивонн Крофт взяла в руки книгу под названием «Йасмин едет в Йовиль» Ребекки Наварро. Дома она злилась на мать за пристрастие к этой серии дешевых любовных романов, известных как *Любовные романы с Мисс Мэй*, но теперь сама не могла оторваться от чтения, да так, что с ужасом осознала, что книга захватывает ее чрезмерно. Она сидела, скрестив ноги, в огромном плетеном кресле — одном из немногих предметов мебели наряду с узкой кроватью, деревянным шкафом, комодом и мойкой, — составлявших обстановку в маленькой прямоугольной сестринской лондонской больницы Св. Губбина.

Ивонн с жадностью поглощала последние страницы книги — развязку любовного романа. Она заранее знала, что произойдет. Ивонн была уверена, что хитроумная сваха мисс Мэй (появлявшаяся во всех романах Ребекки Наварро в разных воплощениях) разоблачит невыразимое коварство сэра Родни де Морни; что чувственная, бурная и неукротимая Йасмин Делакур воссоединится со своим истинным возлюбленным, благородным Томом Резником, точно так же, как и в предыдущем романе Ребекки Наварро «Люси едет в Ливерпуль», в котором престестную героиню спасает из рук злодеев, прямо с борта корабля контрабандистов, избавляя ее от жизни в рабстве у негодая Мибуерна Д'Арси, блистательный Квентин Хаммонд, сотрудник Ост-Индской компании.

Тем не менее Ивонн продолжала увлеченно читать, переносясь в мир любовного романа, мир, где не было ни восьмичасового дежурства в гериатрической палате, ни ухода за увядающими стариками, страдающими недержанием мочи, превращающимися перед смертью в сморщенные, хриплые, искаженные карикатуры на самих себя.

Том Резник мчался, как ветер. Он знал, что его статный конь находился на грани истощения и что он рискует загнать жеребца, понукая с таким жестоким упорством верное и благородное животное. И ради какой щели? С тяжелым сердцем Том понимал, что не успеет достичь Бронди Холла до того момента, как Йасмин соединится в браке с негодным сэром Родни де Морни, обманщиком, который посредством грязной лжи приготовил этому прекрасному созданию рабскую долю наложницы вместо предназначенного ей светлого будущего.

В это самое время сэр Родни на светском балу был доволен и весел — Йасмин никогда не выглядела настолько восхитительно. Сегодня ее честь будет принадлежать сэру Родни, который вдоволь насладится падением упрямой девицы. Лорд Бомонт приблизился к приятелю.

— Твоя будущая невеста — сокровище. По правде говоря, друг мой Родни, я не ожидал, что тебе удастся завоевать ее сердце, поскольку был уверен, что нас обоих она считает недостойными дешевками.

— Мой друг, ты явно недооценивал настоящего охотника, — улыбнулся сэр Родни. — Я слишком хорошо знаю свое ремесло, чтобы приближаться вплотную к дичи во время преследования. Напротив, я спокойно дожидался идеального для себя момента, чтобы нанести окончательный coup de grace .

— Готов поспорить, это ты отправил докучливого Резника на континент.

Сэр Родни приподнял бровь и заговорил, приглушив голос:

— Прошу, будь осмотрительней, друг мой, — он боязливо оглянулся и, убедившись в том, что из-за шума оркестра, игравшего вальс, ничьи уши не слышат их беседы, продолжил. — Да, это я подстроил внезапный вызов Резника в отряд Суссекских Рейнджеров и назначение его в Бельгию. Надеюсь, что стрелки Боуни уже отправили молодца прямо в ад!

— Неплохо, неплохо, — улыбнулся Бомонт, — ибо леди Йасмин, к сожалению, не удалось произвести впечатление тонко воспитанной особы. Ни на каплю не смутилась, когда мы обнаружили во время нашего посещения, что она спуталась с безродным ничтожеством, никоим образом не заслуживающим внимания женщины из высшего света!

— Да, Бомонт, легкомысленность — одно из качеств этой девицы, и ему должен быть положен конец, когда она станет верной супругой. Именно это я и сделаю сегодня к вечеру!

Сэр Родни не знал, что высокая старая дева, мисс Мэй, находившаяся все это время за бархатной портьерой, слышала все. Теперь она покинула свое укрытие и присоединилась к гостям, оставив сэра Родни с его замыслами насчет Йасмин. Сегодня вечером...

Ивонн отвлек стук в дверь. Пришла ее подруга Лоррейн Гиллесли.

— Ты на ночном дежурстве, Ивонн? — Лоррейн улыбнулась подруге. Ее улыбка казалась Ивонн необычной, будто направленной куда-то далеко, за того, кому была предназначена. Иногда, когда Лоррейн смотрела на нее вот так, Ивонн казалось, будто это вовсе и не Лоррейн.

— Да, не повезло жутко. Мерзкая сестра Брюс — старая свинья.

— А эта гадина, сестра Патель, со своим говорком, — поморщилась Лоррейн. — По-ойди поменяй белье, а когда поменяешь, по-ойди раздай лекарство, а когда раздашь, по-о-ойди померь температуру, а когда померяешь, по-о-ойди...

— Точно... сестра Патель. Отвратительная баба.

— Ивонн, можно я чайку себе сделаю?

— Конечно, извини, поставишь чайник сама, а? Прости, тут я такая, ну это... просто не могу оторваться от книжки.

Лоррейн наполнила чайник из-под крана и включила в розетку. Проходя мимо подруги, она слегка склонилась над Ивонн и вдохнула запах ее духов и шампуня. Она вдруг заметила, что перебирает между большим и указательным пальцами белокурый локон ее блестящих волос.

— Боже мой, Ивонн, твои волосы так классно выглядят. Каким ты их шампунем моешь?

— Да обычным — «Шварцкопф». Тебе нравятся?

— Ага, — сказала Лоррейн, ощущая необычную сухость в горле, — нравятся.

Она подошла к мойке и выключила чайник.

— Так ты сегодня в клуб? — спросила Ивонн.

— Ну да, я же всегда туда готова, — улыбнулась Лоррейн.

3. Тела Фредди

Ничто так не возбуждало Фредди Ройла, как вид жмурика.

— Не знаю, как тебе эта, — неуверенно посетовал Глен, препаратор с патологоанатомии, вкатывая тело в больничный морг.

Фредди с трудом сохранял ровное дыхание. Он осмотрел труп.

— А а-ана была ха-аррошенькой, — просипел он своим соммерсетским прононсом, — ава-аррия, да-алжно быть?

— Да, бедняга. Шоссе M25. Потеряла много крови, пока ее не вытащили из-под обломков, — с трудом промямлил Глен. Ему становилось нехорошо. Обычно жмурик был для него не больше, чем жмурик, а видел он их в разных видах. Но иногда, когда это был совсем молодой человек или кто-то, чья красота еще угадывалась в трехмерной фотографии сохранившейся плоти, ощущение бесплодности и бессмысленности всего поражало Глена. Это был как раз такой случай.

Одна нога мертвой девушки была разрезана до кости. Фредди провел рукой по нетронутой ноге. Она была гладкой на ощупь.

— Все еще теплая, а, — заметил он, — слишка-ам теплая для меня, по правде гаваря.

— Э... Фредди, — начал было Глен.

— Ах, извиини, дружище, — улыбнулся Фредди, залезая в бумажник. Он достал несколько купюр и протянул их Глену.

— Спасибо, — сказал Глен, засовывая деньги в карман, и быстро удалился.

Глен ощупывал купюры в кармане, быстро шагая по больничному коридору, вошел в лифт и отправился в столовую. Эта часть ритуала, а именно передача налички, одновременно возбуждала и вызывала в нем стыд, так, что он никогда не мог определить, какая из эмоций была сильнее. Почему он должен отказывать себе в доле, рассуждал он, при том, что все остальные имели свою. А остальные были теми ублюдками, которые получали денег больше, чем он когда-либо будет иметь: управляющие больницей.

«Да, управляющие все знали про Фредди Ройла», — подумал с горечью Глен. Они знали о тайном увлечении знаменитого ведущего телешоу *Одиноких Сердец От Фреда с любовью*, автора многих книг, среди которых *Как вам это нравится — Фредди Ройл о крикете*, *Сомерсет Фредди Ройл*, *Сомерсет через букву З: острословие Запада*, *Прогулки по Западу с Фредди Ройлом* и *101 фокус для вечеринки от Фредди Ройла*. Да, директора-ублюдки знали о том, что делает с больничными жмуриками их знаменитый друг, всеобщий любимец, красноречивый дядя нации. И молчали, потому что Фредди привлекал для больницы миллионы фунтов через своих спонсоров. Директора почивали на лаврах, больница была образцом для близоруких управляющих фонда Национальной системы здравоохранения. И все, что от них требовалось, — это молчать в тряпочку и время от времени подкидывать сэр-у Фредди парочку-другую мертвых тел.

Глен представил, как сэр Фредди наслаждается в своем холодном раю без любви, наедине с куском мертвой плоти. В столовой он встал в очередь и ознакомился с меню. Отказавшись от булочки с беконом, Глен выбрал с сыром. Он продолжал размышлять о Фредди, и ему вспомнилась старая некрофильская шутка: как-нибудь какая-то гниль его сдаст. Но это будет не Глен, Фредди платил ему слишком хорошо. Вспоминая о деньгах и о том, на что их можно будет потратить, Глен решил пойти вечером в Самоволку, клуб в районе СВ-1. Он, возможно, увидит ее — она часто ходила туда по субботам — или в Гэрэдж Сити на Шафтсбери-авеню. Это ему рассказал Рэй Хэрроу, театральный техник. Рэй любил джангл, и его пути совпадали с путями Лоррейн. Рэй был нормальный парень, давал Глену кассеты. Глен никак не мог заставить себя полюбить джангл, но думал, что ему удастся — ради Лоррейн. Лоррейн Гиллесли. Прекрасная Лоррейн. Медсестра-студентка Лоррейн Гиллесли. Глен знал, что она много времени проводила в больнице. Он также знал, что она часто ходила в клубы: Самоволка, Галерея, Гэрэдж Сити. Ему хотелось узнать, как она умеет любить.

Когда подошла его очередь, он заплатил за еду и еще у кассы заметил сидящую за одним из столиков светловолосую медсестру. Он не помнил, как ее звали, но знал, что это была подруга Лоррейн. Судя по всему, она только начала смену. Глену захотелось подсесть к ней, поговорить и, возможно, разузнать что-нибудь про Лоррейн. Он направился к ее столику, но, повинуясь внезапной слабости, наполовину подскользнулся — наполовину рухнул на стул за несколько столиков от девушки. Поедая свою булку, Глен проклинал себя за трусость. Лоррейн. Если он не нашел в себе решимости заговорить с ее подругой, как он осмелится обратиться когда-нибудь к ней самой?

Подруга Лоррейн встала из-за стола и, проходя мимо Глена, улыбнулась ему. Глен воспрял духом. В следующий раз он точно заговорит с ней, а после этого заговорит с ней, когда она будет *вместе с Лоррейн*.

Вернувшись в бокс, Глен услышал Фредди в морге за стеной. Он не смог заставить себя заглянуть внутрь и стал подслушивать под дверь. Фредди тяжело дышал: «Ох, ох, ох, ха-арошенька-ая!»

4. Госпитализация

Хотя скорая приехала довольно быстро, время для Перки тянулось бесконечно медленно. Он смотрел, как Ребекка тяжело дышит и стонет, лежа на полу веранды. Почти бессознательно он взял ее за руку.

— Держись, старушка, они уже едут, — произнес он, возможно, пару раз.

— Ничего, скоро все пройдет, — пообещал он Ребекке, когда санитары усадили ее в кресло, надели кислородную маску и закатили в фургончик. Ему казалось, что он смотрит немое кино, в котором его собственные слова утешения звучали как дурно срежиссированный дубляж. Перки заметил, что Вилма и Алан прячутся на все это из-за зеленой ограды своего участка.

— Все в порядке, — заверил он их, — все в полном порядке.

Санитары в свою очередь заверили Перки, что именно так оно и будет, имея в виду, что удар был легким. Их явная уверенность в этом беспокоила Перки и немало способствовала падению его духа. Он понял, что страстно надеется на то, что они неправы и что заключение врача будет куда серьезней.

Перки сильно вспотел, перебирая в уме различные сценарии.

Лучший вариант: она умирает, и я — единственный наследник в завещании.

Немного хуже: она выздоравливает, продолжает писать и быстро заканчивает новый любовный роман.

Он понял, что заигрывает в уме с наихудшим из вариантов, и содрогнулся: Ребекка остается инвалидом, вполне возможно, парализованным овощем, не может писать и высасывает все их накопления.

— А вы не едете с нами, мистер Наварро? — несколько осуждающе спросил один из санитаров.

— Езжайте, ребята, я догоню на машине, — резко парировал Перки. Он привык сам указывать людям из низших классов, и его взбесило предположение, что он поступит так, как *они* считают нужным. Он обернулся на розы. Да, самое время для опрыскивания. В больнице его ожидала суматоха, связанная с приемом старушки. Самое время опрыскать розы.

Внимание Перки привлекла рукопись, лежавшая на кофейном столике. Заглавная страница была запачкана шоколадной блевотиной. С отвращением он стер самое ужасное носовым платком, обнажая сморщенные, мокрые листы

бумаги.

Перки открыл рукопись и начал читать.

5. Без названия — в работе

Даже самый скромный огонь в камине мог обогреть тесную классную комнатку в старом особняке в Селкирке. И именно это казалось главе прихода, преподобному Эндрю Биатти, вполне удачным положением дел, ибо он был известен своей бережливостью.

Жена Эндрю, Флора, как бы дополняя это его качество, обладала крайне широкой натурой. Она признавала и принимала то, что вышла замуж за человека небогатого и средства их были ограничены, и, хоть она и научилась в своих ежедневных заботах тому, что муж ее называл «практичностью», ее по сути своей расточительный дух не был сломлен этими обстоятельствами. Далекий от порицания, Эндрю обожал супругу за это ее качество еще более страстно. Одна мысль о том, что эта восхитительная и прекрасная женщина отказалась от модного лондонского общества, избрав скучную жизнь со своим супругом, укрепляла его веру в собственное предназначение и чистоту ее любви.

Обе их дочери, которые в данный момент уютно устроились перед очагом, унаследовали душевную широту Флоры. Агнес Биатти, белокожая красавица и старшая из дочерей, семнадцати лет от роду, откинула со лба жгуче черные кудри, мешавшие изучению

женского журнала.

— Смотри, какой изумительный наряд! Только взгляни на него, Маргарет, — воскликнула она с восхищением, протягивая журнал младшей сестре, которая медленно шевелила кочергой угли в камине, — платье из голубого сатина, скрепленное спереди бриллиантами!

Маргарет оживилась и потянулась за журналом, пытаясь выхватить его из рук сестры. Агнес не отпускала и, хоть сердце ее учащенно забило в страхе, что бумага не выдержит и драгоценный журнал будет порван, рассмеялась с восхитительным снисхождением.

— Однако, дорогая сестрица, ты еще слишком молода, чтобы увлекаться подобными вещами!

— Ну пожалуйста, дай мне взглянуть! — умоляла ее Маргарет, понемногу отпуская журнал. Увлечшись своей шалостью, девушки не заметили появления новой воспитательницы. Сухая англичанка, напоминавшая своим видом старую деву, поджала губы и строго произнесла громким голосом:

— Так вот какого поведения можно ожидать от дочек моей драгоценной подруги Флоры Биатти! Не могу же я следить за вами каждую минуту!

Девушки были смущены, хоть Агнес и уловила игривую нотку в замечании наставницы.

— Но, мадам, если уж мне предстоит попасть в общество в самом Лондоне, я должна позаботиться и о своих нарядах!

Пожилая женщина взглянула на нее с укором:

— Умения, образование и этикет — более важные качества для молодой девушки при вступлении в приличное общество, нежели детали ее убранства. Неужели ты согласишься, что твоя милейшая мать или отец, преподобный пастырь, несмотря на стесненные обстоятельства свои, позволят тебе быть хоть чем-то обделенной на пышных лондонских балах? Оставь беспокойство о своем гардеробе заботящимся о тебе, дорогая, и обратись к более насущным вещам!

— Хорошо, мисс Мэй, — отвечала ей Агнес.

«А у девушки строптивый нрав», — подумала про себя мисс Мэй, — совсем как у ее мамы, близкой и давней подруги наставницы — еще с тех далеких времен, когда Аманда Мэй и Флора Кирклэнд сами впервые предстали в лондонском свете.

Перки кинул рукопись обратно на кофейный столик.

— Какая чепуха, — произнес он вслух, — абсолютно гениально! Эта сучка в отличной форме — снова заработает нам кучу денег!

Он радостно потирал руки, направляясь через сад к розам. Внезапно в его груди зашевелилось беспокойство, и он бегом вернулся на веранду и снова взял в руки исписанные страницы. Он пролистал рукопись — она заканчивалась на странице сорок два и уже на двадцать шестой превращалась в неразборчивый набор предложений-скелетов и паутину неуверенных набросков на полях. Работа была далека от завершения.

«Надеюсь, старушка поправится», — подумал Перки. Он почувствовал непреодолимое желание оказаться рядом с женой.

6. Открытие Лоррейн и Ивонн

Лоррейн и Ивонн готовились к обходу. После смены они собирались купить что-нибудь из одежды, потому что вечером решили пойти на джангловую вечеринку, где должен был играть Голди. Лоррейн была слегка удивлена тем, что Ивонн все еще сидела, погрузившись в чтение. Ей, в общем-то, было наплевать, не ее палатой заправляла сестра Патель. Но только она собралась поторопить подругу и сказать ей, что пора двигаться, как в глаза ей бросилось имя автора на обложке книги. Она взглянула ближе на фотографию шикарной дамы, украсившей обратную сторону обложки. Фотография была очень старой, и, если бы не имя, Лоррейн не узнала бы в ней Ребекку Наварро.

— Ну ни хрена ж себе! — Лоррейн широко раскрыла глаза. — Эта книга, которую ты читаешь?

— Ну? — Ивонн бросила взгляд на глянцевую обложку. Молодая женщина в обтягивающем платье вытягивала губы в сонном трансе.

— Знаешь, это, кто ее написал? Вон фотка...

— Ребекка Наварро? — перевернув книгу, спросила

Ивонн.

— Ее привезли вчера вечером, в шестую. С инсультом.

— Вот это да! Ну и как она?

— Да не знаю... ну, ничего особенного, в общем! Мне она показалась слегка того, но, вообще-то, у нее ведь инсульт был, правильно?

— Ну да, с инсульта можно стать немного «того», — усмехнулась Ивонн. — Проверишь, передачи ей носят, а?

— И еще жутко толстая. От этого и инсульт. Просто — реальная хрюшка!

— Вот это да! Представь себе, такая раньше и это — все испортить!

— Слышь, Ивонн, — Лоррейн посмотрела на часы, — нам ведь уже пора

— Пошли... — согласилась Ивонн, закрывая книгу и поднимаясь идти.

7. Дилемма Перки

Ребекка плакала. Она плакала каждый день, когда он приходил к ней в больницу. Это серьезно беспокоило Перки. Ребекка плакала, когда была подавлена. А когда Ребекка была подавлена, она ничего не писала, не могла писать. А когда она ничего не писала... да, Ребекка всегда перекладывала деловую сторону на Перки, который, в свою очередь, рисовал ей куда более красочную картину их финансового положения, чем обстояли дела в реальности. У Перки были свои затраты, о которых Ребекка не подозревала. У него были свои потребности; потребности, которые, как он считал, эгоистичная и самовлюбленная старая карга никогда не смогла бы понять.

Всю их совместную жизнь он потакал ее эго, подчиняя себя ее беспредельному тщеславию; по крайней мере, так оно и выглядело бы, не будь у него возможности вести свою тайную личную жизнь. Он заслужил, как ему казалось, определенного вознаграждения. Будучи по природе своей человеком непростых вкусов, широтой души он не уступал персонажам ее чертовых романов.

Перки смотрел на Ребекку с пристрастием врача, оценивая степень поражения. Случай был, как сказали врачи, нетяжелым. Ребекка не потеряла дар речи (плохо, подумал Перки), и его заверили, что жизненно важные функции не пострадали (хорошо, решил он). Тем не менее эффект казался ему довольно омерзительным. Половина ее лица напоминала кусок пластмассы, которая слишком близко полежала у огня. Он пытался не дать озабоченной собой суке взглянуть на свое отражение, но это было невозможно. Она продолжала настаивать, пока кто-то не принес ей зеркало.

— О, Перки, я так ужасно выгляжу! — ныла Ребекка, разглядывая свое искаженное лицо.

— Ничего страшного, дорогая. Все пройдет, вот увидишь!

Давай — ка взглянем правде в глаза, старуха, ты никогда красотой не отличалась. Всю жизнь была уродиной, да еще эти чертовы шоколадки себе в рот запихивала, подумал он. И врач сказал то же самое. Ожирение, вот как он сказал. И это о женщине сорока двух лет, моложе его на целых девять лет, хоть в это и трудно поверить. Весит килограмм на двадцать больше нормы. Замечательное слово: ожирение. Именно так, как произнес его врач, клинически, по-медицински, в соответствующем ему контексте. Ей было больно, и он почувствовал это. Ее это задело за самое живое.

Несмотря на явную перемену в облике жены, Перки поразились, что не замечает серьезного эстетического ухудшения в ее внешности после перенесенного инсульта. На самом деле он понял, что она давно уже вызывает у него отвращение. А возможно, так было с самого начала: ее ребячливость, патологическая самовлюбленность, шумность и, больше всего, ее тучность. Она была просто жалкой.

— Ах, дорогой Перки, ты правда так думаешь? — простонала Ребекка больше сама себе, чем мужу, и обернулась к приближающейся медсестре Лоррейн Гиллесли. — Я правда буду лучше, сестричка?

Лоррейн улыбнулась Ребекке:

— Ну конечно, миссис Наварро.

— Вот видишь? Послушай эту молодую леди, — улыбнулся девушке Перки, приподнял густую бровь и, заглядывая ей в глаза немного дольше приличного, подмигнул.

«А она — медленный огонек», — подумал он. Перки считал себя знатоком женщин. Бывает, считал он, что красота сразу же поражает мужчину. И после шока от первого впечатления ты понемногу привыкаешь. Но самые интересные, как эта вот медсестра-шотландка, очень постепенно, но верно завоевывают тебя, снова и снова удивляя чем-то неожиданным в каждом своем новом настроении, с каждым новым выражением лица. Такие вначале оставляют смутно-нейтральный образ, который рассыпается от того особого взгляда, которым они могут вдруг на тебя посмотреть.

— Да-да, — поджала губы Ребекка, — дорогуша-сестричка. Какая ты заботливая и ласковая, ведь правда?

Лоррейн почувствовала себя польщенной и оскорбленной одновременно. Ей хотелось только одного — чтобы поскорей закончилось дежурство. Сегодня вечером ее ждал Голди.

— И я вижу, что Перки ты понравилась! — пропела Ребекка. — Он такой жуткий бабник, ведь правда, Перке? Перки выдавил из себя улыбку.

— Но он же такой милый и такой романтичный. Даже не знаю, что бы я без него делала.

Будучи кровно заинтересован в делах жены, Перки почти инстинктивно положил маленький диктофон на тумбочку рядом с ее кроватью вместе с парой чистых кассет. Возможно, грубовато, подумалось ему, но он был в отчаянном положении.

— Может, немного сватовства вместе с мисс Мэй слегка отвлечет тебя, дорогая...

— Ой, Перке... Ну не могу же я сейчас писать романы. Взгляни на меня — я же выгляжу просто ужасно. Как сейчас я могу думать о любви?

Перки ощутил, как тяжелое чувство ужаса придавило его.

— Глупости. Ты все равно самая прекрасная женщина на земле, — выдавил он сквозь сжатые зубы.

— Ах, милый Перки... — начала было Ребекка, но Лоррейн засунула ей в рот градусник, заставив ее замолчать.

Перке, на лице которого все еще расплывалась улыбка, оглядел холодным взглядом комичную фигуру. Ему хорошо удавался этот обман. Но его продолжала свербить пренеприятная мысль: если у него не будет рукописи нового романа о мисс Мэй, Джайлс, издатель, не даст ему аванса в сто восемьдесят тысяч за следующую книгу. А может, и того хуже — подаст в суд за невыполнение договора и потребует возместить девяносто, аванс за этот роман. Ох, эти девяносто тысяч, те, что теперь лежат в карманах лондонских букмейкеров, владельцев пабов, хозяев ресторанов и проституток.

Ребекка росла, и не только в буквальном смысле, но и как писатель. «Дейли Мэйл» упоминал о ней как о «величайшей из живущих романисток», а «Стандард» титуловал Ребекку «Британской Принцессой Классического Любовного Романа». Следующая книга должна была стать венцом ее творчества. Перксу нужна была рукопись, продолжение ее предыдущих книг «Йасмин едет в Йовиль», «Пола едет в Портсмут», «Люси едет в Ливерпуль» и «Нора едет в Норич».

— Я просто должна прочесть ваши книги, миссис Наварро. Моя подруга — большая ваша поклонница. Она только что закончила «Йасмин едет в Йовиль», — обратилась Лоррейн к Ребекке, вынимая градусник у нее из рта.

— Обязательно прочти! Перке, сделай одолжение, не забудь принести книжки сестричке... и, пожалуйста, сестричка, пожалуйста, пожалуйста, зови меня Ребеккой. Я уж все равно буду звать тебя сестричкой, потому что так уж я привыкла, хотя Лоррейн звучит очень мило. Да ты и выглядишь как молодая французская графиня... знаешь, ты в самом деле похожа на портрет леди Каролины Лэм, который я где-то видела. Портрет ей явно льстил, поскольку она никогда не была такой хорошенькой, как ты, дорогуша, но она — моя героиня: удивительно романтическая натура и не боится пожертвовать репутацией ради любви, как все знаменитые женщины в истории. А ты бы пожертвовала репутацией ради любви, дорогая сестричка?

«Свиноматку опять понесло» — подумал Перке.

— М-м, это... того... не знаю, — пожала плечами Лоррейн.

— А я уверена, что да. В тебе есть что-то дикое, неукротимое. А ты как считаешь, Перке?

Перки почувствовал, как давление его поднимается и как тонкий слой соли кристаллизуется на губах. Этот халатик... пуговички... расстегиваемые одна за другой... Он с трудом изобразил холодную улыбку.

— Да, сестричка, — продолжала Ребекка, — я вижу в тебе леди Каролину Лэм, на одном из пышных балов в начале восемнадцатого века, одолеваемую бесчисленными поклонниками, мечтающими вальсировать с тобой... Ты умеешь танцевать вальс, сестричка?

— Не-е, я люблю хаус, особенно джангл и все такое. Ну, транс, гэрэдж и техно тоже ничего, мне нравится ногами подрыгать.

— А ты бы хотела научиться вальсировать?

— Ну... не очень. Вот хаус по мне. И джангл в кайф. Голди меня прикалывает, вот.

— Но нужно, сестричка, нужно. — Распухшее лицо Ребекки приняло капризно-настойчивое выражение.

Лоррейн слегка смутилась, ощущая на себе пристальный взгляд Перки. Она почувствовала себя голой в этом халате, как будто она была чем-то экзотичным, объектом изучения. Но надо было идти. Скоро должна прийти сестра Патель, и если Лоррейн не поторопится, проблем не

избежать.

— Из какой ты части старушки Шотландии? — С улыбкой спросил Перке.

— Из Ливингстона, — быстро ответила Лоррейн.

— Ах, из Ливингстона, — откликнулась Ребекка, — звучит просто замечательно. А ты скоро поедешь в гости домой?

— Ну, это, мать навестить и все такое.

«Да, что — то такое есть в этой шотландке», — подумал Перке. Она действовала не только на его гормоны; она каким-то образом помогала и Ребекке. Похоже, девчонка зажигала ее, возвращала ее к жизни. Когда Лоррейн ушла, его супруга продолжила свои жалостливые всхлипывания. Ему тоже было пора идти.

8. Истинное лицо Фредди

Фредди Ройл пережил тяжелый, по своим меркам, день до своего позднего прибытия в больницу Св. Губбина. Все утро он провел на телестудии, снимая эпизод для передачи «От Фреда с любовью». Мальчик, который, по распоряжению Фреда, купался с дельфинами в аквапарке Моркамби, пока его дедушку с бабушкой возили на сцену их медового месяца, совсем раззадорился в студии и ерзал на коленках у Фредди, возбуждая его до такой степени, что им обоим потребовалось несколько дублей.

— Я люблю, кагда ани тиихие, — сказал он, — очень, очень тиихие.

Барри, продюсеру, было не до смеха.

— Ради Бога, Фредди, валил бы ты в больницу, оттянулся, трахнул жмурика, — простонал он. — Может, тогда отпустит тебя твое либидо хреново.

Совет был хорош.

— Нааверна, так и сделаю, старина, — улыбнулся Фредди и послал вызвать такси из Шефердз Буша в больницу Св. Губбина. В Вест Лондоне его взбесило по-черепашьи медленное передвижение в потоках транспорта, и он передумал и попросил водителя высадить его у книжного магазинчика в Сохо, куда частенько заходил.

Подмигнув человеку за прилавком оживленного заведения, Фредди быстро прошел в дальний угол. Там уже другой продавец в необычного вида роговых очках пил чай из большой кружки. Он улыбнулся Фредди:

— Все в порядке, Фредди? Как поживаешь, старина?

— Все путем, старина Берти. Как сам?

— Не жалуюсь. Вот, это я для тебя отложил... — Берти открыл ключом небольшой ящик, порылся среди коричневых конвертов и извлек тот, на котором черным фломастером было написано «ФРЕДДИ».

Фредди не стал открывать конверт, вместо этого кивнул на книжный шкаф, вмонтированный в стену. Берти ухмыльнулся:

— Сегодня уже многие сюда заходили.

Он потянул за ручку, открывая потайную дверцу. За ней была тесная узкая комнатка с металлическими стеллажами, забитыми журналами и видеопленками. Зайдя внутрь и захлопнув за собой дверцу шкафа, Фредди заметил двух мужчин, поглощенных просмотром литературы. Одного Фредди знал.

— Перке, дружище, неушшта ты?

Перки Наварро оторвал взгляд от обложки *Лесбо-Милашки-Длинные-Язычки № 2* и улыбнулся в ответ.

— Фредди, старина. Как ты? — Не удержавшись, он бросил быстрый взгляд на стойку, где заметил нечто похожее на медсестру Лоррейн Гиллеспи в *Новых Пизденках 78*. Он взял журнал в руки и рассмотрел попристальней. Нет, просто волосы такие же.

— Я а-атлична, старик, — начал было Фредди, но, заметив, что Перке не слушает, спросил: — Шшто-то интересное?

— Увы, нет, лишь показалось. — Перки был явно разочарован.

— Ну, я уверен, шшто ты найдешь, шшто тебе нузнно. А как наш Ангелочек себя чувствует?

— Ей уже намного лучше.

— Она попала в надежное место. Я зайду к ней сегодня — еду в Губбинса на встречу спонсоров.

— Да-да, я просто вижу, как дело идет на лад, — улыбнулся Перки, снова заметно оживляясь. — Она даже думает о продолжении романа.

— Да, это много значит.

— А эта сестра, которая за ней присматривает... маленькая шотландка... она на нее хорошо влияет. Премиленькая штучка. Я даже, не поверишь, искал здесь подобие...

— Есть что-нибудь стоящее?

— Есть тут кое-что новенькое, Берти сказал, что только вчера привезли из Гамбурга, но это все вот там. — Перке повел Фредди к одному из стеллажей.

Фредди взял наугад журнал, пролистал содержимое.

— Неплоха, саавсем неплоха. Я тут купил как-то журнальчик про еблю рукой. Как это девочки-мальчики кулачки засовывают в свои жопки — не представляю. Я бы точно обосрался, если бы по большому пару дней не ходил!

— Думаю, их пичкают этими мышечными релаксантами, — просветил его Перке.

Это предположение явно заинтересовало Фредди.

— Мышечные релаксанты... ммм... они ведь должны легко дырочку открывать, а?

— Да, это самый эффективный способ. Почитай-ка об этом. Ты сам-то не думаешь попробовать? — рассмеялся Перки.

Фредди ослабил на Перки, и тот содрогнулся от резкого запаха изо рта телезвезды.

— Я ничаво никагда не исключаю, дружище Перки, ты меня знаешь.

Похлопав приятеля по спине, знаменитость забрал свой конверт, вышел из магазина и принялся ловить новое такси. Он ехал навестить Ребекку Наварро, женщину, которой он, как и все ее знакомые, бесстыдно льстил. Это он, играючи и к ее вящему удовольствию, дал ей прозвище «Ангелок». И после свидания с Ребеккой он собирался навестить еще пару друзей, о которых большинство людей сказали бы, что они «покинули нас», но не Фредди, от него далеко не уйдешь, для Фредди они как раз то, что нужно.

9. В «Джунглях»

За день до того, как жизнь его изменилась, Глен упрасивал своего приятеля Мартина:

— Ну слушай, давай попробуем. У меня хорошие колеса, «плейбои» из Амстердама. Это самые сильные.

— Вот-вот, — ухмыльнулся Мартин, — и ты потратишь их на этот дерьмовый джангл. Я не собираюсь на эту фигню, Глен, я просто не могу плясать под джангл.

— Ну слушай, Мартин, ради меня. Давай попробуем.

— Ради тебя? А что это ты так страстно рвешься именно в этот клуб? И Кит, и Кэрол, и Эдди — все идут в Сэйбрасоник, а потом в Министри.

— Понимаешь, хаус — сейчас самое продвинутое в музыке, а джангл — самое продвинутое в хаусе. Музыка должна удивлять, а иначе становится общим местом, как кантри и вестерны, как то, что стало с рок-н-роллом. Джангл — это музыка, которая способна удивлять. Она на самой передовой. Мы просто обязаны попробовать, — умоляя, произнес Глен.

Мартин взглянул на него с любопытством.

— Там точно будет кто-то, кого ты хочешь встретить... кто-то из больницы туда ходит... уверен, что одна из медсестер!

Глен пожал плечами и улыбнулся.

— Ну... да... но...

— Ну вот и отлично. Хочешь бегать за девками, будем бегать за девками. Я на этот счет... сам знаешь. Но не грузи меня своей «продвинутой музыкой».

Они подъехали к клубу, и сердце Глена съежилось при виде очереди перед дверью. Мартин подошел прямо к входу и заговорил с одним из охранников. Повернувшись, он неистовыми жестами стал подзывать Глена. Они зашли внутрь, — очередь провожала Глена и Мартина приглушенными стонами зависти. Сперва Глен боялся, что они не попадут на вечеринку. Теперь, когда благодаря стараниям Мартина они были внутри, он с ужасом думал, что Лоррейн застрянет снаружи.

В клубе они сразу же направились в чил-аут. Мартин сбегал в бар и купил две газировки. Было темно, и Глен вытащил пакетик из кармана комбинезона. В пакетике было четыре таблетки с отштампованными изображениями плейбоевского кролика. Они проглотили по колесу каждый, запивая минералкой.

Минут через десять таблетка начала приходить к Глену, и, как с ним всегда происходило, он почувствовал неприятное ощущение сухости, на грани икоты. Ни он, ни Мартин нисколько не оживились; Глен вообще плохо переносил колеса.

Три девчонки присели рядом, и Мартин тут же начал с ними общаться. А Глен так же быстро свалил на танцпол. Колеса были и вправду хороши, но если ты не шел сразу же плясать, то легко мог проболтать всю ночь в чил-ауте. Глен пришел сюда плясать.

Глен обошел заполненный людьми танцпол и почти сразу наткнулся на Лоррейн с подругой. Он начал танцевать на безопасном расстоянии. Глен узнавал музыку — Murder Dem Нидзямэна переходила в G Spot Уэйна Маршалла.

Лоррейн с Ивонн танцевали, танцевали с упоением. Глен наблюдал за ними. Лоррейн отключила весь мир вокруг, сосредоточившись на Ивонн, полностью отдаваясь ей. «Боже, мне бы хоть долю такого внимания», — подумалось Глену. Ивонн, напротив, была не настолько увлечена подругой, она была отстранена, обращая внимание на происходящее вокруг. Так все это видел Глен. Таблетка начинала действовать, и музыка, к которой он когда-то испытывал неприязнь, проникала в него со всех сторон, волнами пронизывала его тело, порождая в нем эмоции. Раньше джангл казался ему дерганным и несвязным, сбивал с толку и раздражал, сейчас он начинал жить в его ритме, и его тело раскачивалось и плыло вслед за ревом басов и рваным рисунком ударных. В нем поднималась радость любви ко всему хорошему, при этом он продолжал видеть все гадости жизни в Британии; более того, этот урбанистичный блюзовый ритм двадцатого века оттенял их, позволяя рассмотреть еще отчетливей. Ему не стало страшно или плохо: он четко знал, что нужно делать, чтобы уйти, избавиться от дурного. Ответ был прост: танцевать; он чувствовал, что должен танцевать, танцевать в полную силу. Это единственный путь. Ты обязан показать, что еще жив. Политические лозунги и выступления ничего не значат; ты должен праздновать радость жизни, чтобы показать всей этой серой силе и мертвым духам, которые заправляют всем, засирают тебе мозги и умертвляют, пока ты сам не становишься одним из них. Ты должен показать им, что, несмотря на все их попытки сделать из тебя такого же, превратить тебя в мертвеца, ты все еще жив. Глен понимал, что это не решение проблемы и, когда ты остановишься, все останется по-прежнему, но в данный момент он был на лучшей вечеринке в городе. Именно на такой, на какой он хотел быть.

Глен посмотрел на Лоррейн и ее подругу. Он сам не замечал, что танцует, как маньяк, и только взглянув на девчонок, понял. Здесь не было выпендрежа, здесь всех охватило настоящее исступление. Это был не танец, это слово не подходило. И здесь были они: Лоррейн и ее подружка Ивонн. Богиня Лоррейн. И богиня умножилась. Она уже была не одна — просто Лоррейн с подругой, когда он впервые заметил их. Теперь это были Лоррейн и

Ивонн, захваченные безумной счастливейшей эмоцией танца, изначальная космическая скорость которого замедлялась до почти полной неподвижности под напором мигающих стробов и рваного брейк-битового ритма. Лоррейн и Ивонн. Ивонн и Лоррейн.

Единый оглушительный вопль поднялся из толпы, музыка достигла кульминации и сменила темп, постепенно входя в следующую тему. Обе девушки, в изнеможении, упали друг другу в объятия. В этот момент Глен почувствовал, что-то — то разладилось в языке их тел. Лоррейн и Ивонн целовались, и вдруг Ивонн начала сопротивляться и вырываться. Все происходило очень медленно в свете стробов. Казалось, что-то внутри у нее не выдержало и сломалось, что она переступила границу своей эмоциональной эластичности. Она вырвалась из их симбиотического объятия, с рывком, который не смогли сгладить вспышки стробов, и застыла в неестественной позе. Лоррейн, казалось, взглянула на нее с изумленным презрением, затем перестала ее замечать.

Ивонн ушла с танцпола и направилась к бару. Глен смотрел на уходящую Ивонн, потом на Лоррейн. Лоррейн. Ивонн. Он пошел за Ивонн. Она стояла у стойки бара и пила воду. Этой ночью, которая изменила его жизнь, он дотронулся до ее плеча.

— Ивонн?

— Да... — медленно ответила Ивонн. — А ты Глен, да? Из больницы.

— Да-да, — улыбнулся Глен. Она была прекрасна. Именно Ивонн. Ивонн и есть та единственная. Ивонн, Ивонн, Ивонн.

— А я не думала, что ты этим увлекаешься, — с улыбкой сказала она. Ему показалось, будто она своими крупными белыми зубами вгрызается в его грудь и прокусывает дыру прямо в сердце. «Она охуенно красива, — решил про себя Глен. — За такую можно умереть».

— А, да, — ответил Глен, — конечно, да.

— Тебе хорошо? — спросила Ивонн. «Он просто красавец, — подумала она. Охуенный мужик. И на меня серьезно запал, как раз вовремя».

— Лучше никогда не бывало, а тебе?

— Становится гораздо лучше, — улыбнулась Ивонн. Жизнь Ивонн тоже изменилась этой ночью.

10. Ребекка выздоравливает

Лоррейн измеряла Ребекке температуру, когда к ее знаменитой пациентке вошел ее не менее знаменитый посетитель.

— Ангелок! — воскликнул Фредди. — Как ты? Я еще вчера хотел было заглянуть, но эта встреча со спонсорами никак не кончалась. Ну, как у нас дела?

— Мм, — начала было Ребекка, и Лоррейн дрожащей и нетвердой рукой вытащила у нее изо рта градусник. — Фредди! Дорогуша! — Ребекка протянула руки и театральным жестом обняла гостя.

— Это же ты, Ребекка. — Лоррейн с трудом изобразила улыбку. Ей было нехорошо после вчерашнего, и ее мучила эта история с Ивонн. Она так глупо вела себя, потеряла над собой контроль... Нет, контроль над собой потеряла она *сама*... Лоррейн усилием воли пресекла зарождающийся приступ самобичевания. Сейчас явно был не тот момент.

— Спасибо, дорогая Лоррейн... ты не знакома с дорогушей Фредди?

— Не-а... — ответила девушка. Она подала ему руку. Фредди пожал ее с усердием, после чего поцеловал в щечку. Лоррейн поморщилась от холодного и мокрого ощущения, которое оставила маслянистая слюна Фредди на ее лице.

— А я слышал о тебе, как ты отлично ухаживаешь за Ангелком, — с улыбкой произнес Фредди. Лоррейн пожала плечами.

— Ах, Фредди, Лоррейн обо мне так заботится, правда, милая?

— Ну что вы, это же моя работа, в самом деле.

— И все же, ты делаешь ее с такой отдачей, с таким *savoir faire*. Я просто настаиваю, дорогуша Фредди, используй все свое влияние, чтобы Лоррейн повысила в этом лечебном учреждении.

— Я думаю, ты, это, того... сильно преувеличиваешь возможности простого деревенского па-а-рня из Коммерсета, Ангелочек, но я уж, как говорится, постараюсь вложить нужные слова в правильные ушки.

— Сделай одолжение, Фредди. Ведь лишь благодаря моей сестричке Лоррейн я могу вернуться домой на следующей неделе. И я похудела килограмм на пять. Ах, дорогуша Фредди, я *так* опустилась за последние годы. Обещай мне, что честно скажешь, когда я снова начну толстеть, и не будешь мне больше лстить. Ну пожалуйста, дорогуша, ну пообещай же!

— Как скажешь, Ангелочек! Очень рад, что тебя скоро отпустят домой, — с улыбкой сказал Фредди.

— Да-да, и Лоррейн приедет ко мне в гости, правда, милая?

— Ну, вообще-то... — промямлила Лоррейн. Меньше всего сейчас ей хотелось именно этого. У нее болели ноги; и она знала, что к концу смены заболят еще сильнее. Глаза устали смотреть; посмотрев на кровати, на которых надо было поменять белье, ей ужасно захотелось прилечь прямо сейчас на одну из них.

— Ну же, пообещай, что приедешь, — надулась Ребекка.

Ребекка вызывала у Лоррейн странное чувство. С одной стороны, ей претил ее покровительственно-капризный тон. С другой стороны, Лоррейн испытывала дикое желание растормошить это глупое, раздувшееся существо, эту наивную и обманутую женщину, сказать ей, какая она дура, как ей нужно посмотреть реальности в глаза и забыть свои детские фантазии. И все-таки, где-то в глубине души ей было жаль Ребекку, хотелось защитить ее.

Лоррейн видела, что, несмотря на всю свою навязчивость и жалкость, Ребекка была хорошей, честной женщиной.

— Ладно, приду, — ответила она.

— Вот и замечательно! Видишь, Фредди, Лоррейн даже вдохновляет меня снова писать. Я хочу написать с нее героиню нового романа. И назову ее Лоррейн. Хотя я и собиралась прозвать ее Агнес, думаю, ничего страшного, если имя будет звучать немного по-французски. Быть может, у Флоры был любовник-француз, пока она не встретила священника. Старая связь, понимаешь? Боже, у меня снова столько идей! Я определенно посвящу эту книгу тебе, дорогая, дорогая сестричка Лоррейн!

Лоррейн внутренне содрогнулась.

— Вот и здорово, — заключил Фредди, с нетерпением предвкушая поход в патологоанатомию, — но мне пора. А что, Ангелок, с женщиной в соседней палате?

— Ах, она очень больна. Думаю, ей остались считанные дни, — вздохнула Ребекка.

— Какой ужас, — ответил Фредди, с трудом скрывая радость предвкушения на лице. Женщина была довольно грузной — счастливое забытие в такой массе плоти. «Покорить всю эту грудку мяса — все равно что на Эверест забраться», произнес он про себя с чувством глубокого удовлетворения.

11. Без названия — в работе

Уже наступил коней, марта, когда Лоррейн с мисс Мэй отправились в свой дальний путь, конечным пунктом коего был Лондон. Для девушки с далекой границы Шотландии, единственным путешествием которой была давняя поездка в Эдинбург, каждый новый день в пути был полон впечатлений. К тому же она, особенно вначале, пребывала в радостном возбуждении, связанном с той небольшой, но неожиданной суммой денег, шестидесятью фунтами, которыми заботливый отец наделил ее перед отъездом.

Женщины передвигались на старой повозке, влекомой двумя статными лошадьми под управлением Тама Крейга, мужика из Селкирка, который до того неоднократно уже проделывал этот путь. Для человека, привыкшего к езде в почтовой карете, неповоротливая и скрипучая повозка, запряженная всего лишь двумя лошадьми, сулила мучительно медленное путешествие. И если Лоррейн оно казалось настоящим приключением, то для ее спутницы, мисс Мэй, — невыразимо скучным. Она рассудила, что единственным преимуществом такого способа передвижения был повышенный комфорт.

Но, несмотря на все, путешествующим дамам доставляли удовольствие отменные угощения на частых остановках, да и кровати в постоялых дворах обычно были вполне удобны. Лоррейн пришла по душе трехдневная остановка в Йорке, которая с лучилась по совету Тама Крейга, заметившего усталость одной из лошадей. Лоррейн так полюбилась город, что она упрашивала остаться здесь еще хоть на день, но неумолимый шотландец-кучер заявил, что лошади вполне готовы, а мисс Мэй, как и обычно, воспользовалась правом решающего голоса.

— Мой долг — доставить тебя к леди Хантингтон, дорогая. И хоть срок твоего приезда не был назван, я не могу позволить тебе задерживаться в каждом интересном пункте нашего пути! Промедление — для нас помеха!

С этим они и отбыли.

Дорога до Грантамы была не богата приключениями. Сильный дождь застал их при приближении к Гонерби Морю, затопив живописные линкольнширские поля. Вдруг, будто из ниоткуда, их обогнала почтовая коляска, запряженная четверкой, причем с такою быстротой, что смирные животные, тащившие повозку наших женщин, понесли, и она съехала на обочину. От резкого рывка мисс Мэй стукнулась головой.

— Что...

— Мисс Мэй, — Лоррейн схватила ее за руку, — с вами все в порядке?

— Да, да, девочка... Я испугалась, что повозка могла перевернуться... Скажи мне, что случилось?

Выглянув в окошко, Лоррейн увидела, что Там Крейг яростно машет кулаком, и слышала проклятия на гортанном шотландском, каких она прежде не слыхала.

— Ах вы, черти! Я повырезаю вам трусливые английские сердца!

— Мистер Крейг! — возмутилась мисс Мэй.

— Простите, мэм, — меня взбесила неучтивость тех военных, что были в той коляске. Пускай они и офицеры, но никакие не джентльмены, это точно.

— Возможно, они торопились скорей добраться до ночлега, — произнесла мисс Мэй. — Нам тоже надо поспешить.

— Простите, мэм, но одна лошадь охромела. Придется в Грантаме ее заменить, и, боюсь, на это у нас уйдет уйма времени.

— Отлично, — тяжело вздохнула мисс Мэй. — Ах, Лоррейн, как меня утомило это путешествие.

Путь в Грантаму оказался дольше, чем предполагалось, по причине хромоты одной из лошадей. В «Голубой Таверне» мест не оказалось, — путешественницам пришлось довольствоваться менее благородными условиями. Выходя из повозки, кучер Там заметил, как мимо них быстрым шагом прошли четверо офицеров из почтовой коляски, причинившей им столько неудобств, и не смог удержаться, чтобы не заворчать им вслед.

Один из них, темноволосый молодой человек приятной наружности со слегка вызывающей улыбкой, пристально взглянул на Лоррейн, отчего девушка, зардевшись, потупила взор. Заметив этот взгляд, мисс Мэй с одобрением кивнула, отмечая поведение Лоррейн.

Стоянка в Грантаме продлилась еще два дня, но остаток пути в Лондон прошел без приключений, и вскоре наши героини в отменном расположении духа прибыли в роскошный кенсингтонский особняк графа Денби и леди Хантингтон.

Лондон потряс Лоррейн; размеры и масштаб столицы превзошли самые смелые ее ожидания. Леди Хантингтон, прелестная женщина, на вид гораздо моложе своих тридцати шести (а мать Лоррейн была одного возраста с подругой), была заботливой хозяйкой. К тому же у Лоррейн была мисс Мэй, к которой

лишь леди Хантингтон смела обращаться по имени — Аманда и которая неотрывно следила за девушкой на каждом шагу ее выхода в свет. Граф Денби — благородный и красивый мужчина — вместе со своей супругой казался воплощением жизнелюбия и веселья.

Обеды в Рэдком Хаусе всегда были событием, даже если в доме было совсем немного гостей.

— Ну, разве это не восхитительно? — обращалась Лоррейн к неизменной своей спутнице мисс Мэй.

— И это еще довольно скромно. Наберись терпения, и ты увидишь Торндайк Холл, моя девочка, — с улыбкой отвечала мисс Мэй. Лоррейн с нетерпением ожидала поездки в Торндайк Холл — древнее родовое поместье Денби в Уилтшире.

Однажды вечером, на одном из скромных обедов в присутствии всего лишь нескольких гостей, Лоррейн ощутила на себе игривый взгляд молодого и симпатичного мужчины. Он показался ей знакомым — Лоррейн подумала, что уже видала его на одном из обедов. Мужчина же, одетый безупречно согласно современной моде, кинул слегка насмешливый взгляд на своего друга и хозяина дома, графа Денби, и воскликнул по-театральному громким голосом:

— Ах, Денби, старый негодник, ты обещал, что мы отлично повеселимся с гончими на выходных в Уилтшире, но, скажи, чем развлечешь ты меня

сегодня?

Юный возмутитель спокойствия улыбнулся Лоррейн, и она тотчас вспомнила, где видала его раньше: он был одним из офицеров из почтовой коляски, задержавшей ее путешествие в Лондон, и именно тот, который смотрел на нее в Грантаме.

— Мою повариху, — слегка встревоженно ответил Денби, — многие считают искусницей...

— Но, — своенравно перебил его мужчина, еще раз бросив игривый взгляд в сторону Лоррейн, которая зарделась, как и в первый раз, — меня не ублажить пресловутым искусством поварихи! Я приехал в надежде увидеть здесь всевозможные неприличные оргии! — громко воскликнул он. Лорд Хакур, сидевший рядом, чуть не поперхнулся своим вином и с неодобрением покачал головой.

— Любезный Маркус! Какой же ты непристойный! — с беззлобным укором сказала леди Хантингтон.

— Моя дорогая, — вступил лорд Хакур, — вы уподобляетесь этому молодому нахалу, с такой готовностью обращая внимание на его наглую и непристойную болтовню!

— Вот оно — разлагающее общество влияние лорда Байрона и когорты его сподвижников! — с легкой ноткой презрения произнес, улыбаясь, Денби.

— Да-да, этот чертов поэтишка поднял тучи пыли! — воскликнул Хакур.

— Скажите мне, — продолжал тем не менее молодой человек, — как это через месяц я отправлюсь на встречу с головорезами Боуни, так и не занявшись чем-то посерьезней?

— Те занятия, на которые вы, кажется, намекаете, никогда не будут позволены под крышей этого дома, Маркус! — сердито отвечал Денби.

— Маркус, будьте умницей и умерьте ваш огненный пыл хотя бы на время обеда, а то ваши речи отдают скандалом! Расскажите нам лучше что-нибудь из своих военных историй, — мягко обратилась леди Хантингтон к неугомонному гостю.

— Не могу отказать вам, прекрасная миледи, — с улыбкой отвечал молодой человек, усмирленный и поверженный ласковым тоном и успокаивающей кра сотой хозяйки дома. Именно так он и поступил и весь остаток вечера забавлял гостей историями из своей военной службы, выказывая необыкновенное остроумие и искусство рассказчика.

— Кто был этот молодой человек? — не сдержав любопытства, спросила Лоррейн у леди Хантингтон, когда гости наконец разъехались.

— Это был Маркус Кокс. Милейший юноша, один из самых престижных лондонских женихов, но, к несчастью, и ужасный сердцеед! В столице множество мужчин, имеющих не очень приглядную изнанку, и с ними нужно быть поосторожней. Но не сомневаюсь, твоя любезная матушка и наша дорогая Аманда рассказывали тебе об этом. Увы, но многие молодые удалыцы готовы сделать и сказать что угодно, чтобы только завоевать сердце и честь неопытной девушки. Когда мужчинам, даже с таким воспитанием, как у Маркуса, предстоит отправиться на войну, в их речах и поступках появляется отчаянная беспечность. Ибо, как это ни грустно, многие из них не возвратятся домой, и они прекрасно это

понимают.

— Как хорошо вы знаете жизнь...-заметила

Лоррейн.

— И именно поэтому мой долг — передать тебе те знания, которые мне посчастливилось приобрести,

дорогая Лоррейн. Но сейчас нам пора за работу. Нам предстоит, как это ни утомительно, выполнить труднейшую и серьезнейшую задачу — выбрать наряды для завтрашнего бала.

Весь следующий вечер Лоррейн готовилась к балу под чутким руководством леди Хантингтон. Ей даже не пришлось смотреться в зеркало, чтобы понять, что ей это удалось. В глазах хозяйки дома росло неподдельное восхищение ее убранством, и зеркало казалось уже ненужным. Лоррейн и в самом деле была божественно красива в своем платье алого цвета из индийского шелка.

— Как восхитительно ты выглядишь, дорогая, просто божественно! — ворковала леди Хантингтон.

Лоррейн подошла все-таки к зеркалу и, взглянув на отражение, воскликнула:

— Неужели это я? Не может быть!

— Конечно же ты, дорогая, конечно ты. Как ты похожа на свою милую матушку...

На балу красавицы-офицеры наперебой приглашали ее танцевать, все искали знакомства с молодой красавицей. Вальс — самый восхитительный танец на свете, и Лоррейн была опьянена музыкой и движением.

После танца с одним высоким офицером леди Хантингтон и лорд Денби отозвали Лоррейн в сторону.

— Дорогая Лоррейн, мы так гордимся тобой! Как жаль, что твоя милейшая матушка не видит тебя сейчас, — одобрительно прошептала на ухо девушке ее благородная покровительница.

С теплотой и любовью вспомнила Лоррейн своих любезных родителей, оставшихся на самом краю Шотландии в своем одиноком жилище, и жертвы, что они принесли ради исполнения ее мечтаний.

— Да, милая, твой выход в свет прошел даже с большим успехом, чем я мог предполагать! Каждый молодой офицер моего полка просил о чести танцевать с тобой! — радостно сказал лорд Денби.

— Увы, но я — всего лишь тень блистательной красоты вашей супруги, милорд, — с улыбкой отвечала Лоррейн.

Присутствующие видели, что это замечание прелестной дебютантки было скорее откровенным признанием правды, нежели корыстной демонстрацией преклонения или признательности по отношению к своей покровительнице.

— Ты, конечно, льстишь мне, милая! Все взгляды обращены только на тебя, моя малышка. Смотри внимательно и терпеливо жди, мой ангел, — держи в узде необдуманные стремления. Ты узнаешь свой идеал, когда он тебе явится, — уверила леди Хантингтон девушку, улыбаясь своему супругу, который нежно пожимал ей руку.

Лоррейн была тронута до слез. Она почувствовала, что хочет танцевать с самым красивым мужчиной в этом зале.

— Могу ли я пригласить вас, милорд? — обратилась она к Денби.

— Нет, нет, ни за что! — рассмеялся Денби в притворном гневе.

— Ты ни за что не сможешь заставить танцевать его вальс, мое дитя; его светлость — яркий противник распространения подобной музыки в Британии.

— Не могу не согласиться с его светлостью на этот счет, — с резкостью заметил лорд Хакур, приближаясь к компании, — ибо эта упадническая музыка — не что иное, как подлая уловка наших заморских врагов, лелеющих надежду в танце высадиться на нашем берегу.

Лоррейн была поражена, что мудрый лорд так невзлюбил эту прекрасную музыку.

— Что заставляет вас говорить так, милорд? — обратилась она к Хакуру.

Лорд отступил на шаг, и подбородок его уткнулся в шею.

— Что? — начал он возмущенно, впервые встречая такую вольность от молодой женщины. — Подобная близость джентльмена и леди неприлична и непозволительна и не может быть ничем иным, как попыткой заморских врагов империи ослабить боевой дух британского офицера путем морального разложения и склонения его к разврату! И грязь эта распространяется подобно злому вирусу по всему приличному обществу, и я содрогаюсь при мысли о тех опасностях, что подстерегают наших доблестных воинов, следующих этому дьявольскому примеру!

— Ах, оставьте, дорогой Хакур, — улыбнулась леди Хантингтон и, заставив благородного лорда пропустить ее, будто летя, побежала вниз по мраморным ступеням. Муж с одобрением провожал супругу взглядом, от которого не могли скрыться направленные на нее такие же восхищенные взгляды других гостей.

Лоррейн не оставила без внимания выражение его лица и поспешила обратиться к Денби:

— Милорд, я лишь могу надеяться, что когда-либо буду восхищать людей такой божественной красотой, как сегодня восхищает ваша супруга, леди Хантингтон. Я преклоняю колени перед благородной грацией

этой дамы, я...

Лоррейн не суждено было закончить, ибо леди Хантингтон, запутавшись в многочисленных юбках, споткнулась, упала и покатилась вниз по мраморным ступеням лестницы. Гости застыли в молчаливом ужасе, но все они находились достаточно далеко от падающей женщины, чтобы подхватить ее, а сама несчастная не могла остановить падения и продолжала скатываться, ударяясь о каждую ступеньку, все ниже и ниже. Тяжелое мгновение длилось вечность, пока истерзанное тело не прекратило падения, остановившись в самом конце лестницы.

Граф Денби первым подбежал к пострадавшей. Он прижал к груди ее растрепанную, светловолосую голову, и глаза его наполнились слезами, когда он почувствовал, как кровь струится по его ладоням и капает на мраморные плиты. Денби поднял глаза к небу, проникая взглядом за шикарную роспись потолка балльного зала. Он понимал одно, — что, по неведомой, случайной, злой воле небес он разом лишился всего, что было ему дорого, всего, что он так страстно любил.

— Нет Господа на небе, — тихо, почти шепотом, сказал он, затем еще тише повторил: — Нет Господа.

12. Ребекка возвращается к старому

Ребекке казалось, что у нее новый инсульт. Сердце ее отчаянно колотилось, пока она листала лежащий перед ней журнал. В нем были фотографии двух женщин в разных позах. Одна из них, что было ясно даже из названия — *Ярые феминистки трахаются кулаками*, засовывала сжатый кулак в вагину партнерши.

Ребекка мысленно вернулась к прошлой пятнице, тому дню, когда мир ее перевернулся. Это было хуже инсульта, гораздо обыденней, злей и тошнотворней. В этом было больше унижения, чем в болезни, со всей ее беспомощностью и уродством. В прошлую пятницу, после выписки, Ребекка отправилась по магазинам. Она только вышла из Хэрродса с новыми нарядами, морально наслаждаясь тем, что теперь ее одежда была на размер меньше, чем раньше. *И тут, из окна такси по дороге домой, она заметила Перки, прямо посреди оживленной Кенсингтон-стрит. Она попросила таксиста остановиться и вышла из машины с мыслью проследить за мужем, представляя себе, как забавно будет пошпионить за возлюбленным Перксом.*

Ей стало слегка не по себе, когда Перки зашел в один из домов и скрылся в маленькой квартирке. Первой мыслью Ребекки было, что здесь замешана другая женщина, и сердце ее екнуло. Она вернулась домой мрачнее тучи, борясь со страстным желанием набить живот едой до отказа, пока желудок ее не разорвется. Когда позыв прошел, она ощутила, что не смогла бы проглотить и кусочка, хоть бы ее и заставляли. Ей хотелось только одного — узнать правду.

После того случая она следила за Перки несколько дней, но каждый раз он заходил в квартиру один. Ребекка целую вечность подглядывала за дверью, но не видела, чтобы кто-нибудь заходил внутрь или выходил наружу. Скорее всего, в квартире никто не жил. Один раз она подошла к двери и позвонила. Никто не открыл. Ребекка проделала это несколько раз, но каждый раз никого не оказывалось дома. Она рассказала о своем открытии Лоррейн, которая зашла как-то к Ребекке по ее просьбе на чай. Именно Лоррейн предложила порыться у мужа в кармане на предмет ключа. Ребекка и в самом деле обнаружила ключ и сделала с него дубликат. Зайдя в дом одна, она обнаружила, что квартира была небольшой студией. Там была целая порнографическая библиотека: журналы, видео и, самое ужасное, видеокамера, установленная на треноге перед кроватью, которая, вкуче с телевизором и стеллажом с книгами, журналами и кассетами, составлял всю обстановку комнаты.

И вот она сидит здесь в одиночестве, разглядывая вот этот журнал — *Ярые феминистки трахаются кулаками*. Ребекка не смогла заставить себя просмотреть видеопленки, в особенности домашнее видео. На кассетах были приклеены ярлыки с именами женщин. «Именами шлюх», — подумала она с горечью: Кэнди, Джэйд, Синди и им подобные. Ребекка снова почувствовала пораженную половину лица. На этот раз не жжение, — щека стала влажной. Ребекка в сердцах бросила *Ярых феминисток* Перки на пол.

Внутренний голос посоветовал ей прибегнуть к дыхательному упражнению. Она глубоко задышала, срываясь на периодические рыдания, затем вошла в нужный ритм. Наконец она громко и холодно произнесла:

— Ублюдок!

Странное ледяное спокойствие овладело Ребеккой, и она непроизвольно продолжила осмотр квартиры. И тут обнаружила нечто, сыгравшее роль последней капли, — коробку с папками, в которых были собраны многочисленные финансовые балансы, квитанции и счета. Ребекку начало трясти. Она почувствовала потребность оказаться с кем-то рядом. И единственным человеком, о ком она подумала в этот момент, была Лоррейн. Ребекка набрала ее номер, и бывшая когда-то ее медсестрой, а теперь и подруга известной писательницы, сняла трубку.

— Пожалуйста, приезжай, — тихим голосом попросила Ребекка, — пожалуйста, приезжай.

Лоррейн только что освободилась после смены и собиралась лечь спать. Прошлой ночью она неплохо повеселилась в клубе и сегодня целый день страдала, но, услышав голос Ребекки на другом конце провода, она быстро накинула на себя первое, что попало под руку, выскочила на улицу и поймала такси до Кенсингтона. Она никогда раньше не слышала такой боли и отчаяния в голосе человека.

Лоррейн встретилась с Ребеккой в баре рядом со станцией метро, за углом от потайной квартиры. Она сразу заметила, что случилось что-то страшное.

— Меня предали, меня подло предали, — произнесла Ребекка полным холода, дрожащим голосом. — Это я оплачивала все его... Все это была ложь, Лоррейн... все это была мерзкая ложь! — *зарыдала она.*

Лоррейн было тяжело видеть Ребекку в таком состоянии. Она сильно изменилась: эксцентричная женщина, какой ее знала в больнице Лоррейн, интригующая и раздражавшая в одно и то же время, исчезла бесследно. Сейчас она выглядела беспомощной и в то же время настоящей. Безумная тетюшка превратилась в обиженную сестру.

— Что мне теперь делать?... — плача, обратилась она к Лоррейн.

Лоррейн посмотрела ей в глаза.

— Вопрос не в том, что ТЫ теперь будешь делать. Вопрос в том, что этот долбаный урод, мерзкий паразит будет теперь делать. Деньги у тебя. Тебе никто не нужен, Ребекка, тем более какой-то жалкий мудака. Оглянись вокруг. Ему сходило все это с рук, потому что ты зарылась головой в пизду в своем сказочном нереальном мире. Именно поэтому он мог зарабатывать на тебе, дурачить тебя!

Ребекка была неприятно поражена внезапной вспышкой Лоррейн, хотя она понимала, что все это было не

просто так. Несмотря на собственную боль, она сочувствовала эмоциональному порыву девушки.

— Лоррейн, в чем дело? Что у тебя стряслось? — Ей не хотелось верить тому, что все это сказала Лоррейн. Только не она, только не ее сестричка...

— В чем дело? А в том, что я каждый день вижу в больнице людей, у которых нет ни гроша за душой. Потом я еду домой, в Ливи, и там тоже ни хрена ни у кого нет. А у тебя, у тебя есть все. И что ты с этим всем делаешь? Ты позволяешь какой-то мерзкой свинье все спустить!

— Да, я знаю... Я знаю, что живу в романе... в стране мечты, как ты сама сейчас сказала. Быть может, я столько времени писала всю эту чепуху, что сама начала в нее верить... Не знаю... Все, что я знаю, так это, что Перки всегда был со мной, Лоррейн, Перки всегда был рядом.

— Всегда с тобой рядом, глядя, как ты толстеешь всем на потеху, и сам потакал тебе, чтобы ты задницу с дивана не поднимала, превращаясь в тупой жирный овощ. Выставлял тебя на посмеище... знаешь, как о тебе говорили в палате? Все говорили: какая она тупица. Потом моя подружка, Ивонн, говорит: не такая уж она и дура, столько денег себе заработала, а мы тут вкалываем круглые сутки за какие-то гроши. Да, и я согласилась. Я решила про себя: а ведь правда, она только делает вид, что дура, а сама все сечет. Теперь ты мне рассказываешь, что он тебя обкрадывал все это время, а ты даже ни о чем не подозревала.

Ребекка почувствовала растущее в ее груди возмущение.

— Ты... ты... да ты просто ненавидишь мужчин. Как я раньше не заметила... ты не любовные романы ненавидишь, а всех мужчин на свете, да? Да!

— Да не ненавижу я мужчин, ну только таких, какие мне попадаютс!

— Какие это такие?

— Ну, в школе хотя бы. Знаешь, как меня прозвали дома в Ливи, в школе Крейгшиле, — Лоррейн Гиллесби. Меня лесбиянкой считали только потому, что хоть у меня грудь уже в тринадцать лет появилась, а я не собиралась трахаться с первым, кто ко мне подъезжал или глазки мне строил. Только потому, что я не желала этого дерьма. У меня восемь двоек было, я выпускные экзамены сдавала, хотела в университет поступать. А новый материн муж из лап своих меня не выпускал, так что я даже к экзаменам не могла доготовиться. Мне оттуда нужно было уехать, вот я и устроилась сюда медсестрой. И даже здесь все равно ко мне все лезут, все эти мудаки больничные. Я сама не знаю, кто я, может, и правда лесбиянка... Я просто хочу побыть одна, чтобы все для себя самой понять.

Теперь уже Ребекка утешала разрыдавшуюся Лоррейн.

— Все будет хорошо, дорогая... все будет хорошо. Ты еще такая молодая... все это, конечно, очень сложно. Но ты обязательно найдешь кого-нибудь...

— Вот именно, — глотая слезы, произнесла Лоррейн, — я никого не хочу находить, пока не хочу, во всяком случае. Я себя сначала хочу найти.

— А я — себя, — тихо ответила Ребекка, — и мне нужен друг, который бы мне помог.

— Да, и мне тоже, — улыбнулась Лоррейн. — Ну, что будем теперь делать?

— Ну, сперва мы надеремся как следует, потом пойдем, посмотрим кассеты Перки — проверим, что он там наснимал, а потом я займусь тем, что делала всегда.

— А что это? — спросила Лоррейн. — Буду писать дальше.

13. Перке читает рукопись

Все было замечательно — молоденькая сестра-шотландка вертелась дома почти постоянно, старушка продолжала строчить роман с дьявольской скоростью. Случалось, что, когда сладкая малышка Лоррейн была неподалеку, Перки не мог даже заставить себя отлучиться на свою потайную квартиру. Он сладострастно представлял себе, как он однажды придет туда вместе с Лоррейн. Он был морально готов отвезти ее на эту квартиру, он *должен* был сделать свой заветный ход.

И однажды Перки наконец решился. Он слышал, как Лоррейн с Ребеккой хохотали в ее кабинете, и, когда девушка собралась уходить, как бы невзначай спросил:

— В какую сторону направляешься, Лоррейн?

— Да обратно, в больницу.

— Отличненько! — пропел Перке. — А я еду как раз в ту сторону. Давай подвезу тебя до работы.

— Ну просто замечательно, Перки, — заметила Ребекка. — Видишь, какой он милый, Лоррейн? Что бы я делала без него?

Обе женщины обменялись многозначительными взглядами, не замеченными Перксом.

Лоррейн забралась на переднее сиденье, и Перки нажал на газ.

— Слушай, Лоррейн, надеюсь, ты не против, — начал он, притормаживая и сворачивая на маленькую улочку, где он припарковал машину, — нам надо поговорить по поводу Ребекки.

— Ну-у?

— Ты стала ей такой хорошей подругой, и я подумал, что должен как-то отблагодарить тебя за трогательную заботу о ее выздоровлении.

Перке порылся в бардачке и вручил Лоррейн коричневый конверт.

— Что там?

— Открой и посмотри!

Лоррейн и так знала, что там были деньги. Она заметила крупные купюры и могла сказать наверняка, что в конверте было не меньше тысячи фунтов.

— Здорово, — сказала она, пряча конверт в сумочку, — очень приятно.

«А маленькой сучке нравится звон монет», — с удовлетворением подумал Перке. Он вплотную придвинулся к Лоррейн, и рука его, как бы невзначай, опустилась на ее

коленку.

— И там, откуда вот это, есть гораздо больше, скажу я тебе, моя маленькая красавица... — на выдохе прошептал он.

— Ага, — улыбнулась Лоррейн. Ее рука дотянулась до его паха. Она расстегнула ширинку и запустила руку в штаны Перки. Лоррейн нащупала его мошонку и крепко сжала. Перки глубоко вдохнул. Он был на седьмом небе. Она сжала чуть сильнее, затем еще сильнее, и рай Перкса начал превращаться в нечто иное.

— Еще раз тронешь меня — я тебе, мудака, шею сверну, — оскалила зубы Лоррейн.

Блаженная улыбка мгновенно стерлась с лица Перки, когда ее крепкий лоб с силой врезался в его переносицу.

Когда Лоррейн ушла, Перки остался в машине, одной рукой прижимая к носу окровавленный платок, а другой массируя пострадавшую мошонку. Некоторое время он просто сидел, пытаясь прийти в себя.

— О боже, — простонал он, заводя машину и направляясь к потайной квартире. Руки его дрожали. «Мне нравится, когда они яростные, но не настолько же, черт возьми», — подумал он страдальчески.

Просмотр нескольких старых видеофильмов слегка взбудрил Перки. Особенно его любимое видео с Кэнди. Вот кто за деньги мог вытворять что угодно, именно как и должна вести себя настоящая шлюха. У многих из них были свои предсказуемые границы, и это было плохим качеством для шлюхи, размышлял Перки. Нет, ему точно нужно еще раз встретиться с Кэнди.

Вернувшись домой в более приемлемом расположении духа, Перки Наварро с удовлетворением заметил, что рукопись Ребекки стала еще толще. Сама Ребекка, как ни странно, похудела. Диета и упражнения, казалось, вершили чудеса. Ребекка теряла вес. Она сменила стиль одежды и даже, каким-то образом, изменилась в целом. Это замечали и посторонние. Она похудела килограмм на пятнадцать со времени инсульта. Лицо ее тоже вернулось к норме. Эти перемены были интересны Перксу, однако новые незнакомые ощущения вызывали в нем беспокойство и смущение. Он даже почувствовал как-то легкое возбуждение в ее присутствии и

предложил нарушить правило спать в разных комнатах и лечь вместе впервые за последние три года.

— О нет, дорогой. Я так сильно устала, мне же надо закончить книгу, — ответила на его предложение Ребекка.

«Ничего — ничего, -подумал он про себя, — главное, работа над рукописью продвигается». Она строчила, как пулемет. И это утешало Перки. Ребекка завела привычку за чем-то запирает свой кабинет. Но в этот вечер, когда она ушла из дома, а делала она это все чаще и чаще, дверь кабинета была не только не заперта, а широко распахнута. Перки зашел в кабинет, взял рукопись и начал читать.

14. Без названия — в работе

Грусть воцарилась в Рэдком Хаусе после кончины леди Хантингтон. Лоррейн, теперь исполнявшая роль хозяйки дома, была крайне озабочена душевным состоянием графа Денби, который стал все чаще и чаще искать утешения в вине и посещении опиумных курилен Лондона. Благородный граф так пал духом, что Лоррейн не могло не обрадовать известие о скором возвращении в Англию старого его приятеля Маркуса Кокса.

Однако Маркус тоже изменился. Война оставила неизгладимый след на беспечной прежде натуре, и он вернулся с лихорадкой. Лоррейн охотно разделяла его уверенность в том, что боль его светлости можно унять, не прибегая к низменным привычкам падшего

духа.

— Нужно увезти Денби из Лондона, — убеждал ее Маркус. — Мы все должны отправиться в родовое поместье Торндайк Холл в Уилтшире. Графу необходимо развеяться и стряхнуть свою меланхолию, пока она не сгубила его душу.

— Да, отдых в Торндайк Холле поможет ему воспрянуть духом, — согласилась Лоррейн.

Перки отложил рукопись и налил себе шотландского виски. Пролистав еще несколько страниц, он одобрительно кивнул. Все было идеально. Но дальше, дальше текст менялся. Перки не верил своим глазам.

Тринадцатый граф Денби стоял посреди просторного сарая в нескольких милях от Торндайк Холла по дороге в деревню с повязкой поверх глаз и связанными за спиной руками. Его эрегированный пенис торчал из прорези в длинной белоснежной тунике, покрывавшей его грудь, живот и бедра.

— Дайте же мне задницу, черт вас подери! — пьяным голосом вскричал он, и толпа зевак, собравшаяся в хлеву, ответила ему нестройным веселым гоготом

— Терпение, Денби, старый мошенник!

Граф узнал голос своего приятеля Хакура. И в самом деле, Денби не терпелось приступить к развлечению, которое готовило ему это пари.

Три деревянных помоста были установлены напротив Денби. На первом — обнаженная, связанная девушка с заткнутым кляпом ртом стояла на коленях так, что ягодицы ее находились за границей помоста. На следующем в таком же положении находился мальчик. И наконец, на третьем была помещена крупная черномордая овца, тоже связанная, с засунутым в глотку кляпом.

Высота помостов регулировалась лебедками, что позволяло сгладить разницу в росте участников — предметов пари. Хакур распорядился предпринять необходимые меры, с тем чтобы задние отверстия всех троих находились на одном уровне и были одинаково готовы принять набухший член Денби.

Хакур прошептал графу в ухо:

— Помни, Денби: ни для мальчика, ни для девушки, ни для овцы содомия не будет в новинку.

— Я отлично осведомлен как о них самих, так и о прошлом опыте всех троих, лорд Хакур. Неужто ты боишься проиграть, мой давний друг? — насмешливо спросил приятеля Денби.

— Как бы не так! Видишь ли, Денби, я просто твердо убежден, что ты превратился в жалкого старика и не способен, после алкогольных возлияний, определить, с кем ты совокупишься, — самодовольно

отвечал Хакур.

— Ставлю на моего друга графа, — провозгласил Маркус Кокс, вызывая хохот толпы молодчиков и опуская флорин в ладонь хозяина.

Труднее всего было заставить стоять спокойно девушку. Обычно покладистая, девушка-служанка, не обделенная вниманием большинства из здесь собравшихся, впала в легкую панику, будучи лишенной возможности видеть и двигаться из-за веревок, кляпа и повязки на глазах.

— Тише, моя сладкая, — прошептал Хакур, взбираясь ей на спину и раздвигая ягодицы, открыв тем самым путь для члена графа Денби. Грубыми движениями он смазал маслом ее анус и, пробуя вставить в него свой палец, с удивлением отметил напряжение, видно, вызванное страхом, какого он не встречал в девице ранее, с тех самых пор, как самолично ее обесчестил. Он посчитал, что и мальчуган и овца пребывают в таком же напряжении и что в этом смысле участники будут на равных.

Арланд с облегчением смотрел, как член Денби входит внутрь, практически не встретив сопротивления. Он порадовался своему выбору — девчонку имели в задний проход с восьми лет от роду, и сфинктер ее был привычен к такому обхождению.

— т мм, — улыбнулся Денби, вводя свой член глубже и резкими движениями заталкивая его

внутри.

Произведя ряд фрикций, Денби, не пролив семени, вытащил сохранивший эрекцию пенис наружу.

Хакур встал рядом с мальчуганом, раздвинул ему ягодицы и обмазал его маслом с большей нежностью и старанием, чем он выказал по отношению к девице. Мальчишка был его любимцем, и он боялся, что Денби своим напором может вывести его на время из строя. Будучи направляем прислугой, покрытый кровью и фекалиями член Денби нащупал возжеленную цель,

— Черт побери... — с чувством выдохнул Денби, когда мальчуган, который, как и его предшественница, с ранних лет был привычен к анальным развлечениям своего хозяина, застонал под маской.

— Следующий! — взревел Денби, вынимая пенис под одобрителный шум толпы.

Хакур пренебрежительно взобрался на овцу верхом, и двое прислужников развели ей в стороны задние ноги. Лорд осмотрел гладко выбритый участок вокруг заднего прохода животного. Затем, по поданному им знаку, один из слуг смазал маслом анус скотины.

Несмотря на силу, с которой ее держали слуги, овца оказала отчаянное сопротивление, извиваясь и отбрыкиваясь, пока Денби с трудом входил в нее. Граф затолкнул свой пенис глубже, лицо его залилось краской, и громогласный крик заполнил помещение:

— ПОДЧИНИСЬ МНЕ, ЧЕРТ ПОДЕРИ!... Я -ГРАФ ДЕНБИ! Я ПОВЕЛЕВАЮ ТЕБЕ ПОДЧИНИТЬСЯ!

Овца отчаянно сопротивлялась, и Денби был не в силах умерить свои восторги.

— Я — ДЕНБИ... — вскричал он, заливая анус животного своей спермой.

Крики одобрения раздались из толпы, когда Денби, тяжело дыша, вытащил свой пенис из сладострастного укрытия и пришел в себя.

— Ну же, Денби? — обратился к нему Маркус Кокс.

Графу не сразу удалось вновь обрести дар речи.

— Никогда еще я не наслаждался так, как сегодня этим пари, любезный сударь, и никто не удовлетворял мою похоть так, как это последнее существо, достойное всяческого обожания. Слепая покорная тварь, откормленная на убой, не смогла бы увлечь меня так своею страстью... нет, это было больше, чем простое совокупление, — духовное слияние, какое я пережил с моим сладостнейшим и восхитительным партнером, превзошло все мыслимые пределы... это была истинная встреча наших душ... это было волшебное и самое что ни на есть человеческое соитие.

Слушавшие его молодчики с трудом сдерживали смешки, но Денби продолжал:

— Это последнее прекрасное совокупление было либо с прелестной девицей, либо с послушным мальчиком-слугой... да это и не важно. Я знаю лишь, что, кто бы это ни был, этому партнеру суждено стать моим. Я заявляю, что уплачу хозяину награду в сто фунтов стерлингов за услугу этого

соития!

— Это щедрая награда, граф Денби, и я ее без колебаний принимаю.

Денби узнал голос Хакура.

— Так это был парень! Я так и знал! Восхитительный мальчуган! Сто фунтов потрачены не зря! — воскликнул Денби, вызвав приступ смеха у своих зрителей. — Овца, девица и мальчишка, в таком порядке — держу пари!

Последние слова Денби потонули во взрыве бурного хохота. Когда повязку сняли с его глаз, граф вскричал с вынужденным весельем в голосе:

— Мой Бог! Овца! Глазам не верю! Прекрасное животное — и с таким божественным терпением!

— Джентльмены! — Хакур поднял свой бокал и голос. — Джентльмены! Как человек, далекий от салонных споров праздных теоретиков, хочу отметить интересный факт! Пусть нас рассудят друзья-юристы, — но содомия — есть содомия!

Деревенские молодчики запели нестройными голосами:

Пусть кто-то любит мальчуганов, А для кого-то лучше тетки, Моя овечка всех милее, Люблю чесать ее по холке.

Рукопись упала из рук Перкса на пол кабинета. Он поднял трубку телефона и набрал номер издателя Ребекки.

— Джайлз, я думаю, ты должен срочно приехать. Срочно.

Джайлз по голосу понял, что Перке в панике.

— Что случилось? Что с Ребеккой? Она в порядке?

— Нет, — зло усмехнулся Перки, — она совсем, блин, не в порядке. Она очень даже не в порядке.

— Сейчас буду, — ответил Джайлз.

15. Перкс расстроен

Джайлз, не мешкая, приехал в дом Перки и Ребекки в Кенсингтоне. Он с ужасом читал рукопись, которая становилась чем дальше, тем хуже. Ребекка вернулась позже и застала обоих в своем кабинете.

— Джайлз, дорогой! Как дела? Ага, вижу, вы читаете рукопись. Ну, что вы думаете?

Джайлз, несмотря на свои злобу и беспокойство, был готов потакать Ребекке. Он ненавидел всех писателей; они неизменно бывали скучными, правильными, избалованными занудами. А самыми невыносимыми были те, кто считал себя истинными художниками. Вот что, по-видимому, случилось со старой коровой решил он про себя, — слишком много времени для раздумий в этой больнице, и — вот тебе раз, решила заняться искусством! Задумалась о смерти из-за своей болезни и решила свой след оставить, и все за счет его прибылей! Но, так или иначе, раздражая ее, ничего не добьешься. Ее надо осторожно и вкрадчиво заставить понять ошибочность своих новых взглядов. Джайлз только собрался пустить в ход безошибочный подход типа «интересное направление, дорогая, но...», но Перки, снедаемый гневом, опередил его.

— Бекка, дорогая, — заговорил Перке, скрежеща зубами, — не знаю даже, что ты нам тут пытаешься выдать...

— Тебе что, не нравится, Перки? Тебе не кажется, что это эпатирует, что это более... дико, что ли?

— Но это уже не любовный роман с участием мисс Мэй, дорогая, — прошепелявил Джайлз.

— Зато теперь, Джайлз, в нем — реализм. Нельзя же, как бы это выразиться, всю жизнь прожить, засунув голову в пизду, ведь правда?

«Это все лекарство, — подумал Перке. — Старушка совсем рехнулась».

— Дорогая Ребекка, — умоляя, увещевал ее Джайлз. — Постарайся меня понять. — Он принялся ходить взад-вперед по комнате, размахивая руками. — Кто читает твои книги? Наша Ухти-Тухти, конечно же, та, на которой зиждется все здание нашего общества. Та, что несет на себе заботу о мужичке, который ходит работать, та, что растит детишек. Ты ее знаешь, ты ее видишь на всех рекламках стирального порошка. Да, она много и тяжело трудится; и, как и раб на полевых работах, она делает это с улыбкой на лице, и, да-да, с песней в сердце! Это — скучная, серая, неблагодарная жизнь, и ей нужен хоть небольшой просвет. Да, разумеется, телевидение днем решает часть проблемы, но что же это за маленькая сладкая пиллюля, которая поможет ей пережить все тяготы жизни? А это — взять с полки роман Ребекки Наварро о мисс Мэй и забыться в прекрасном мире любви и великолепия, который ты с таким чувством воссоздаешь. Это нужно всем Ухтям-Тухтям, да и молоденьким будущим Ухтям-Тухтям тоже.

— Вот именно, — соглашаясь, закивал Перки, — стоит тебе начать пророчить содомию и революцию, как эти накаченные валиумом коровы в ужасе выбросят твои книги на помойку — и где тогда окажемся мы?

— Скажи мне где, дорогой.

— На чертовой улице, продавая бульварные газетки, вот где! — взревел Перки.

16. Содомист на бейсбольном поле

Ник Армитаж-Уэлсби подхватил мяч на самой границе поля и разогнался, забегая далеко в глубь территории противника и ловко обходя неумелую защиту. Немногочисленные зрители на стадионе в Ричмонде застыли в предвкушении, — Армитаж-Уэлсби имел все шансы добежать до заветной черты. Однако пока противник беспорядочно перестраивался, Армитаж-Уэлсби передал слабый пас коллеге, затем грохнулся на грязный песок.

Он умер от обширного инфаркта еще до прибытия в больницу Св. Губбина.

Фредди Ройл с интересом осматривал тело, покоившееся на каталке больничного морга.

— О-о да, хорош, хорош! А-асобенно попка ничаво, как я погляжу... -Тут Фредди приготовился взглянуть поближе.

— Э-э, Фредди, — осторожно вступил Глен, — у нас тут новый патологоанатом, парень по имени Клементе, и он... ну, не совсем в курсе наших дел. Он сегодня дежурит и точно захочет повидать нашего приятеля, так что будь с

ним понежнее.

— Ка-анечна, я буду с тобой нежен и ласков, мой цветочек, — улыбнулся Фредди, подмигивая мертвецу. Затем, обращаясь к Глену, он сказал: — Слушай, будь другом, найди-ка для Фредди веревочку.

Глен с неохотой порылся в ящичке и вытащил спутанный комок бечевки. Пусть делает что хочет, подумал он. Сегодня Глен встречается с Ивонн. Сначала они пойдут в кино, потом в клуб. А на деньги от Фредди он купит ей что —нибудь хорошее. Духи. Дорогие духи, подумал он. Глен представил себе лицо Ивонн, когда он вручит их ей. Это будет его праздник.

Фредди взял пару веревочек и подвязал их к вялому пенису Армитаж-Уэлсби. Затем он вставил жестяную коробочку между ног покойника, укрепляя подвязанный пенис сверху.

— Подожди, вот увидишь, как наш красавец зашевелится, с таким-то стояком, вот тут мы и повеселимся вволю! — с улыбкой произнес Фредди.

Глен извинился и поскорей вышел в приемную.

17. Лоррейн и любовь

Лоррейн много времени проводила у Ребекки. Она помогала ей в работе над рукописью. Вместе они ходили в Британский музей, в «картонный город», по станциям подземки, где они видели матерей, просящих милостыню, поднимающих вверх своих исхудалых детишек.

— Я видела такое в Мехико лет десять тому назад, — вздыхала Ребекка, — и мне всегда казалось, что подобное не может происходить здесь, только не в Англии. Всегда смотришь в другую сторону и готов верить чему угодно, что все это не так, неправда; ты готов смотреть куда угодно, только не правде в глаза.

— Которая заключается в том, что у этих людей просто нет денег, чтобы прокормить своих детей, а правительство даже и не чешется, — усмехнулась Лоррейн, — а заботится лишь о том, чтобы богатые стали еще богаче.

Лоррейн бывает иногда такой жестокой, подумала Ребекка. Это плохо. Если ты позволяешь тем, кто тебя подавляет, озлобить себя, то ты проиграл, а они добились своего. Любовь не ограничивается творческим воображением. Именно так, любовь нужна людям, настоящая любовь. Любовь для всех, а не только на страницах книжки.

Такие мысли звучали в голове Ребекки, когда Лоррейн вернулась в свое сестринское общежитие. У нее тоже были свои поводы для беспокойства. Она уже целую вечность не говорила с Ивонн, избегая ее с той самой ночи в клубе. Ивонн теперь встречалась с этим парнем — Гленом и казалась совершенно счастливой. Вернувшись домой, Лоррейн услышала, что в комнате Ивонн играл хаус. Это была пленка *Slam*, которую Лоррейн подарила подруге уже тысячу лет назад.

Лоррейн собралась духом и постучала в дверь.

— Открыто, — ответила Ивонн. Она была одна.

— Приветик, — сказала Лоррейн.

— Привет, — ответила ей Ивонн.

— Слушай, Ивонн, — нерешительно начала Лоррейн, а затем быстро выпалила: — Я пришла извиниться за ту ночь в клубе. Глупо, конечно, но я была так накачена и в таких эмоциях, а ты была настолько охуение красива, и ты все-таки моя лучшая подруга, и еще единственный человек, кто меня не напрягает...

— Да-да, все хорошо, все нормально, но я не такая, понимаешь...

— Конечно, но, видишь, — рассмеялась Лоррейн, я сама не уверена, что я — лесбиянка. У меня просто период такой с мужиками... сама не понимаю... может, я и лесбиянка, черт знает, что у меня не в порядке! Когда я поцеловала тебя там, я вела себя, как большинство ребят ведут себя со мной... и это самое странное. Мне вроде как хотелось понять, что они ощущают. Мне хотелось почувствовать себя, как они. Мне хотелось захотеть тебя, но у меня не получилось. Мне кажется, если бы я была лесбо, мне было бы легче, я хотя бы знала что-то про себя. Но ты меня не возбуждала.

— Не знаю, радоваться мне или плакать, — улыбнулась Ивонн.

— Понимаешь, парни меня тоже не привлекают. Каждый раз, как я пробовала с кем-то, было сплошное разочарование. Никто меня так не может удовлетворить, как я сама... — Лоррейн прикрыла рот ладонью, — какая я глупая королева, да?

— Ты просто не нашла своего человека, Лоррейн. Неважно, кто это будет — парень или девчонка, главное — найти своего человека.

— Собственный опыт подсказывает, да?

— Ну да, — с улыбкой согласилась Ивонн, — хочешь, сходим вместе в клуб сегодня вечером, а?

— Не-а, хочу сделать паузу с таблетками, а то уже с головой не в порядке. Сначала кажется, что всех любишь, потом все вдруг перестают нравиться. Да и отходняки становятся все тяжелее.

— И правильно делаешь, ты свое за последние пару лет отъела. И, знаешь, хорошо еще отделалась, подружка. — Ивонн рассмеялась, затем поднялась и обняла Лоррейн. И этот жест значил для обеих девушек больше, чем они могли бы сказать друг другу словами.

Лоррейн вышла и задумалась о любви Ивонн и Глена. Нет, она не собиралась идти с ними в клуб. Когда двое любят друг друга, самое правильное — оставить их вдвоем. Особенно если ты сам не влюблен, а хочешь. Это смутит их. Может, им даже будет неприятно.

18. Без названия — в работе

Ничто не могло остановить падения графа Денби. Слуги жаловались на беспорядок в доме, причиной которого было присутствие овцы Флосси, но тем не менее граф настаивал, чтобы ей прислуживала целая команда горничных, которая должна была содержать скотину в роскоши и довольстве и в особенности заботиться о том, чтобы шерсть ее была безукоризненно ухожена.

— Флосси, мой ангел! — говорил Денби, потираясь возбужденным членом о шерстку своей черномордой возлюбленной. — Ты спасла меня от пустой и никчемной жизни, уготовленной мне безвременной кончиной моей прекрасной супруги... ах, Флосси, прости, что я в твоём присутствии вспоминаю об этой божественной женщине. Как желал бы я, чтобы вы когда-нибудь встретились! Как прекрасна была бы эта встреча. Увы, быть этому не суждено, нас осталось лишь двое, моя драгоценная. Как же возбуждаешь и терзаешь ты меня! Я целиком во власти твоих чар... — Граф почувствовал, как член его проникает в овечку. — Какое блаженство...

19. Докладная патологоанатома

Председатель правления Алан Свит ощутил то самое щемящее чувство, которого уже давно ждал. Кому-то суждено было принести плохую весть. С самого начала Свит невзлюбил молодого нахального Джеффри Клементса, нового патологоанатома. Теперь Клементе без стука зашел к нему в кабинет, сел в кресло и бросил на стол отпечатанную докладную. Позволив Свиту пробежать ее глазами, он твердым непреклонным тоном заговорил:

— ... и я был вынужден заключить, что тело мистера Армитаж-Уэлсби подверглось описываемому мной обращению в период, пока оно находилось в нашем ведении, тут, в больнице Св. Губбина.

— Послушайте, Клементе... — произнес Свит, глядя на докладную, — э-э, Джеффри... мы должны быть здесь абсолютно уверены.

— Я абсолютно уверен. Поэтому и докладываю, — резко парировал Клементе.

— Но, разумеется, необходимо учесть все возможные факторы...

— А именно?

— Я хочу сказать, — начал Свит, дружески подмигивая Клементсу, и сразу же, еще до того, как бородатое лицо Клементса скривилось в презрительной гримасе, осознал всю неуклюжесть этого жеста, — Ник Армитаж-Уэлсби посещал частную школу для мальчиков и всю жизнь играл в регби. Оба этих фактора могут стать достаточным основанием для предположения, что он был не чужд подобному, э-э, обхождению...

Лицо Клементса выразило крайнее удивление.

— Я хочу сказать, — продолжил Свит, — не могли ли разрывы и контузии в области сфинктера появиться в результате игр и забав в раздевалке, которым бедняга, возможно, предавался во время перерыва незадолго до того, как его привезли сюда?

— Как профессионал решительно заявляю, что не могли, — холодно парировал Клементе. — И, кстати, хочу вам заметить, что я и сам посещал частную школу для мальчиков и с удовольствием играю в регби, хоть и далеко не на уровне Ника Армитаж-Уэлсби. Но тем не менее я ни разу не сталкивался с обычаями, о которых вы говорите, и крайне оскорблен подобными необдуманно и обидными для меня инсинуациями.

— Извини, если ненароком задел тебя, Джеффри. Однако ты должен понимать: как председатель правления я несу определенную ответственность перед управляющими, которым предстоит ответить за малейшее подозрение на нарушения врачебной этики в больнице...

— А как насчет ответственности перед больными и их родственниками?

— Ну конечно, разумеется. Я рассматриваю и то и другое как синонимы. Но главное в том, что я не могу просто так обвинить персонал в некрофилии. Если об этом узнает пресса, для журналистов это будет просто Днем победы! Общественное доверие к больнице и к ее руководству серьезно пострадает. Правление в большой степени полагается, и особенно в отношении модернизации больницы, как, например, самое современное скрининговое оборудование на отделении превентивной медицины, на изъятие доброй воли своих состоятельных покровителей, выраженной посредством благотворительных взносов. И если я начну без повода нажимать на кнопку «паника»...

— Как руководитель больницы вы и ваша команда отвечаете перед общественностью за расследование этого случая, — резко ответил Клементе.

Для Свита Клементе воплощал все, что было ему ненавистно, может, даже в большей степени, чем рабочий класс, из которого вышел сам председатель правления. Эта самоуверенно выставляемая напоказ высокая мораль воспитанника частной школы. Такие ублюдки, как он, могли себе это позволить; им нечего было беспокоиться из-за денег. Сам же Свит поставил все на карту ради покупки этого огромного дома на Темзе в Ричмонде, пустом, как сарай, на момент приобретения. Теперь ему предстояла оплата многочисленных счетов по ремонту, и, благодаря покровительству Фредди, до сегодняшнего дня все шло отлично. И все это, самая суть его жизни, теперь под угрозой, а все из-за этого самонадеянного маленького скандалиста из богатой семьи!

Глубоко вдохнув, Свит постарался восстановить вид хладнокровного профессионала.

— Разумеется, будет проведено доскональное расследование...

— Вот-вот, — самонадеянно перебил его Клементе, — и пускай меня держат в курсе.

— Естественно... Джеффри... — прошипел Свит сквозь сжатые зубы.

— До свиданья, *мистер* Свит, — закончил разговор Клементс.

Свит сжал в кулаке ручку и нацарапал слово «СУКА» на линованном листке настольного блокнота с такой дозой злобы, что перо проткнуло бумагу на шести страницах и оставило след на десятке листов под ними. Затем он поднял трубку и набрал номер:

— Фредди Ройл?

20. Без названия — в работе

Лоррейн следовала за графом Денби всю дорогу из города до опиумной курильни в Лаймхаусе, часто посещаемой лордом. В старой одежде и шарфе, замotanном на лице, чтобы не быть узнанной графом, Лоррейн в глазах окружающих казалась не более чем простой горничной. Маскарад ее оказался успешным; и, в некотором смысле, даже слишком успешным, — Лоррейн приходилось сносить назойливые приставания разного рода темных личностей, возвращавшихся домой после разгульной ночи.

Лоррейн тем не менее держалась достойно и продолжала путь до тех пор, пока провожавшие ее ранее своими выкриками двое одетых в военные мундиры настырных молодых парней не преградили ей дорогу.

— Держу пари, эта хорошенькая горничная позабавит сегодня одного молодца, — игриво сказал один из них.

— И, кажется, я знаю, кого из молодцов ты имеешь в виду, — похотливо улыбнулся второй.

Лоррейн застыла на месте. Эти пьяные солдафоны приняли ее за простую служанку. Она попыталась заговорить, но тут почувствовала, что кто-то стоит у нее за спиной.

— Предупреждаю вас, не троньте эту леди, — послышался голос.

Лоррейн обернулась и увидела шагнувшего к ней из тени молодого красивого мужчину.

— Да кто ты такой? — прокричал один из молодых парней. — Иди своей дорогой!

Неожиданный спаситель остановился в бесстрастной позе. Лоррейн показалась знакомой слегка презрительная усмешка на устах, несмотря на то, что тень от широкополой шляпы скрывала глаза незнакомца. Когда он, наконец, соблаговолит заговорить, речь его, обращенная к молодым офицерам, была преисполнена сознания собственного превосходства.

— Я наблюдал за вашим разгулом, судари, и должен сообщить, что ваша пьяная болтовня полна непристойности, постыдной даже для самого разнузданного призывника из угольного городка Ланкашира!

Второй солдат, узнав по тону в незнакомце офицера, на этот раз обратился к нему с большей осторожностью:

— А кто вы сами будете, сударь?

— Полковник Маркус Кокс, из рода Крэнборо, из 3-го полка Суссекских стрелков. А что до вас, то как назвали бы вы негодяя, марающего знамя своего полка оскорблением женщины из высшего света — питомицу самого графа Денби?

— Так вы все знали, сударь? — воскликнула пораженная Лоррейн. Маскарад ее оказался хорош для охваченного горем графа, с нетерпением ждавшего завершения лондонских дел и возвращения к своей тупой овце, но он не был способен обмануть Маркуса, к которому вернулись его здоровье и жизнелюбие.

— Прошу прощения, моя дорогая мисс Лоррейн, — отвечал галантный молодой полковник и вновь обратился к наглецам: Итак, что вы можете сказать в

свое оправдание?

— Тысяча извинений, мадам... мы приняли вас за

прислугу...

— Не сомневаюсь в этом, — заметил Маркус, — и, поскольку я сам отвечаю за дисциплину в собственном полку, хочу спросить вас, как поступил бы с вами мой хороший друг, полковник Александр «Песчаный», узнав о том, что его молодые офицеры подают такой неблагоприятный пример пьяного дебоширства?

— Сударь... позвольте мне объясниться... нас скоро отправляют на фронт воевать с бандами Боуни. Мы... не понимали, что эта леди... из высшего света... мои родители бедны, сударь, и должность моя так много для них значит... я умоляю вас... — открыто упрашивал молодой солдат, прежде наиболее нахальный из двоих, в выражении лица его читалось истинное раскаяние.

Его жалобная речь заставила Лоррейн вспомнить о своем положении и о тех жертвах, что принесли ее собственные родители ради ее вступления в высший свет.

— Моя вина, что я так одета, Маркус, но все — ради того, чтоб незаметно следовать за нашим дорогим Денби... — произнесла она на грани слез.

Маркус Кокс на какой-то миг обернулся к ней, затем суровым взглядом обвел ее обидчиков. Выпятив нижнюю губу, рукой упершись в бок, он, глядя сверху вниз, произнес:

— Я по природе не лишен сочувствия и не могу сказать, что избегаю развлечений, особенно перед тяжелой битвой, с которой я, увы, знаком не понаслышке. Однако же, когда британский офицер оскорбляет леди, тем более знакомую мне лично, я не могу не требовать от него сатисфакции. И прочь любые оправдания, — добавил он жутко, почти шепотом. Затем голос его снова загредел: — Дадите ли вы мне удовлетворение?

— Любезный сударь, — отвечал ему тот, что держался скромнее, теперь он выглядел крайне огорченным и дрожал, будто на него ошетились наполеоновские штыки, — мы не можем пойти на дуэль со старшим офицером! Тем паче вашего звания! Это будет истинным варварством! Сражение с мужчиной, с которым бок о бок собираешься защищать родину, нельзя расценить иначе как извращение! Прошу вас, благородный сударь, мы признаем, что поступили дурно и заслужили наказание за свое неподобающее поведение по отношению к благородной даме, но умоляю, не требуйте удовлетворения от нас подобным образом!

— И вы оба с этим согласны? — обратился к солдатам Кокс.

— Да, сударь, точно так, — отвечал ему второй.

— Я все же получу удовлетворение, черт вас подери! — проревел в ночи полковник. — Вы дадите ж мне его?

— Сударь... прошу... как можно? — униженно лепетали молодые вояки, склонив головы перед яростным напором, звучавшим в тоне старшего офицера.

Маркус почувствовал, как пена выступила на его в бешенстве сжатых губах и как сердце гневно забилося в груди.

— Я вижу перед собой никчемного труса, недостойного мундира, который он носит, а также самонадеянного молокососа, готового душу продать дьяволу ради спасения своей жалкой дрожащей шкуры!

— Прошу вас, сударь... умоляю, именем самой Англии! Как можем мы удовлетворить вас, избежав кровопролития?

— Хорошо, — ответил Кокс после задумчивого молчания. — Раз вы отказываетесь выполнить требование уладить дело в честном бою, мне остается лишь прибегнуть к способу, ставшему традицией в моем собственном полку. Я вынужден назначить наказание, издавна применяемое к младшим офицерам, нарушающим дисциплину подобно вам сейчас. Спускайте штаны, вы оба! Выполняйте мой приказ! — Маркус обернулся к Лоррейн: — Прошу вас, сядьте в коляску, мисс, ибо зрелище это не для глаз молодой леди.

Лоррейн послушно исполнила распоряжение полковника, но не смогла удержаться и приоткрыла занавеску, наблюдая, как оба обнажились ниже пояса и склонились через ограду у дороги. Далее Лоррейн смотреть не решилась, но до ее слуха донеслись их крики, а также возбужденные возгласы Маркуса:

— Я получу удовлетворение!

Вскоре, слегка запыхавшись, он вернулся к ней в коляску.

— Прошу прощения, Лоррейн, за то, что вам пришлось столкнуться с грубой правдой военной жизни. Мне крайне больно было прибегать к такому наказанию, но доля старшего армейского офицера не всегда приятна.

— Обычен ли подобный метод наказания, Маркус? Маркус приподнял бровь.

— Существует много действенных путей, но в этой ситуации именно этот я счел бы самым эффективным. Когда на тебя возложена ответственность за выбор меры пресечения для своих братьев-офицеров, нельзя забывать немаловажную и даже обязательную заботу о поддержке *esprit de corps*, чувства единения и, да-да, любви к полку и братьям-офицерам. И это в высшей степени положительно влияет на моральный дух в войсках.

Лоррейн, хоть и не вполне убежденная его словами, так или иначе была тронута красноречием Маркуса и признала:

— Увы, сударь, как женщина, я далека от знания военных правил...

— Так это и должно быть, — согласился Маркус. — Теперь поведайте мне, что происходит с нашим другом графом Денби?

— Ах, Маркус, наш милорд, к несчастью, опускается все ниже! Мое сердце разрывается! Неужели пристрастие к вину и к опиуму, нелепый союз с этой глупой овцой... ах, как мне больно! Он возвращается в Уилтишир через пару дней и снова будет проводить все дни свои с этой скотиной!

— Мы оба должны поехать вместе с ним. И мы должны придумать нечто, что вернет ему обратно его разум. И если душевная травма так ослабила его рассудок, то, вполне возможно, что лишь новая травма избавит его от этой напасти. Нам надо хорошенько поразмыслить.

— Послушайте, Маркус, — начала Лоррейн, как показалось, слишком скоро для такой догадки, — мне кажется, я кое-что придумала...

21. Повелитель колен

Труп рано утром вытащили из обгоревшего склада. Взглянув на него, Глен поморщился: хотя он и привык к мертвецам, из которых многие представляли собой крайне неприятное зрелище, такого ему еще не приходилось видеть. Верхняя часть тела почти полностью обгорела, лицо изуродовано до неузнаваемости. Глена охватило жуткое чувство, когда, сопровождаемый тяжелым дыханием Фредди за спиной, он обнаружил, что ягодицы остались практически нетронутыми злым пламенем.

— Так э-этат был настоящим ветераном задницы, а? — пропел Фредди.

— Ну, в общем, видишь ли, пожар случился на голубой дискотеке. Приятель парня приходил на опознание, — Глен кивнул на обугленную тушу. — Он лишь по кольцу смог опознать тело.

Фредди засунул указательный палец в анус мертвеца.

— Да-а, это, пожалуй, единственное, что уцелело... Не понимаю, как они только их различают, по мне они все одинаковые. Должно быть, настоящая любовь была, а не просто так?

Глен затряс головой и указал на золотую печатку на обугленном пальце.

— По тому кольцу, Фредди, — сказал он.

— Ой-ой! Па-анимаю, что ты имеешь в виду, приятель! — рассмеялся Фредди.

У Глена сперло дух от тошнотворного запаха обугленной плоти, который проникал, казалось, повсюду. Он намазал себе под нос новую порцию защитного крема.

Поразвлекшись наедине с трупом вволю, Фредди накапал ему в задницу жидкости для Zipro и поднес спичку.

— Ты что делаешь, Фредди? — испугался Глен.

— Теперь нашему дружку-анатому будет па-атрудней найти улики, — Фредди улыбнулся Глену, который снова почувствовал приступ тошноты.

22. Без названия — в работе

— Нежнейшее и самое сочное мясо молодого барашка, какое я едал за многие годы, — произнес Денби и тут же замер. Казалось, само сочетание этих букв — «барашек» — отозвалось эхом в его мозгу. Флосси. Он бросил взгляд на Хакура, наполнявшего вином свой высокий бокал.

— Разумеется, — с улыбкой на устах отвечал графу Хакур, — ведь это мясо изнутри пропитано изысканными соками виднейшего аристократа Англии.

Денби взглянул на Маркуса Кокса, сидевшего напротив. И, как и ожидал, не усмешку встретил он на лице старого доброго друга, но смущенный взгляд, полный сострадания и жалости, — взгляд, убедивший графа в том, что было совершено ужасное деяние. Хакур, однако, не выказывал ни тени сострадания. Плечи его заходили ходуном в приступе злого смеха, который сотрясал его грузную тушу.

— Вы... — взревел Денби, поднимаясь с места, — да будут прокляты ваши глаза... если что-либо случилось с моей Флосси, клянусь именем Господа, я... — на этом он замолк и выбежал из комнаты на кухню.

Первое, что он увидел, было испуганное лицо поварихи, миссис Херст, а затем — отрубленную голову Флосси, своей возлюбленной овцы, лежащую на кухонном столе. Ее глаза, казалось, глядели на него с грустью и укором.

Граф отпрянул, как от тяжелого удара, затем пришел в себя и накинулся на дрожащую от страха верную свою служанку.

— Будь проклята, ты, ведьма! Я отправлю твое костлявое тело в могилу, а твою коварную душу в преисподнюю!

— Это не моих рук дело, сударь! — испуганно вскричала женщина.

— По чьему же указанию было совершено это мерзкое, преступное убийство? — проревел Денби.

— По указанию молодой хозяйки, сударь, мисс Лоррейн, она мне приказала сделать это...

— Ты лжешь! — вскричал Денби, хватая со стола тесак.

В этот самый миг в дверном проеме показалась

Лоррейн.

— Милорд, если вы жаждете мщения, то я — ваша мишень. Ибо правда — это было совершено по моему распоряжению!

Денби взглянул в глаза своей питомице. И когда их взгляды встретились, не ложь увидел он, но бесконечную нежность прелестной девушки, ставшей хозяйкой дома, благородно заменив печально ушедшую его супругу. И гнев его, будто снег от первых солнечных лучей, растаял от преданности в ее глазах.

— Но как, Лоррейн, дорогая, ты — дикого вереска Шотландии нежный цветок... как могла ты совершить такое злодеяние?

Лоррейн потупила взгляд, и на прекрасных глазах ее выступили слезы. Затем она снова обратилась к Денби и сказала:

— Прощу, милорд, поверьте, я не могла поступить иначе! Эта противоестественная связь моего возлюбленного графа с несчастной полевой скотиной превратила его в посмешище для света...

— Но...

— ...так что даже говорили о разрушительной сифилитической болезни, обессилившей вашу светлость. Вы, благородный сударь, стали жертвой нечестивых толков, конечно, просто праздной болтовни глупцов и сплетников, но все же — вашей репутации был нанесен такой урон...

— Но я не знал... и даже не мог себе представить...

— Конечно, сударь, вы не знали, так были вы злодейски зачарованы, так предавались горю, что дьявол в вас проник, когда все силы ваши были на исходе после кончины вашей дорогой супруги. Но только глупая овца не может стать ее заменой... лишь женщина способна любить мужчину, сударь, я вас уверяю.

Улыбка заиграла на устах Денби, и он с любовью посмотрел на прелестное создание.

— И что же, моя девочка, ты много знаешь о любви?

— Увы, сударь, но страсть моя глубоко внутри и жжет меня тем сильнее, чем глубже я ее скрываю...

— Скрываешь страсть? Такая молодая и невинная красота? — произнес Денби. И такая скрытная, — подумалось ему.

— Даже в нашем объятom безумием мире, милорд, я не могу прибегнуть к хитрости, коварству и искусству соблазнения и считать их законным поведением для молодой особы, тем паче — готовящейся занять место в высшем свете, — но порядочность моя все время подвергается пытке страстью... безмерной страстью, способной оправдать все, что угодно!

— Так ты влюблена в Маркуса! Лоррейн, должен признать, что высоко ценю этого бравого юношу и как друга и как офицера, и, даже больше, — в его проказах я узнаю себя в свои молодые годы. Вот почему. Лоррейн, я никогда не соглашусь на его союз с моей питомицей. Ведь Маркус Кокс — необъезженный жеребец, и призвание его — завоевывать сердца и честь невинных девиц, чтобы затем без жалости их бросать, в поисках новой жертвы!

— О нет, сударь, не надо волноваться из-за Маркуса. Несмотря на все свое очарование и храбрость, не он владеет моим сердцем... Вы — этот человек, милорд... Вот, теперь я полностью вам открылась.

Денби внимательно посмотрел на Лоррейн. Он почувствовал вдруг, что они здесь были не одни. Граф обернулся, ожидая увидеть своего друга Маркуса. Но то была женщина. Денби встретился глазами с ближайшей подругой своей покойной супруги — мисс Мэй, соединяющую сердца.

— Мисс Мэй! Вы, без сомнения, сыграли в этом деле весьма существенную роль?

— Не столь существенную, как обычно, ибо никто не решает сердечные проблемы лучше самих влюбленных. Теперь решение за вами, милорд. Ваше слово?

Когда Денби посмотрел в глаза прекрасной Лоррейн, ему показалось, что он смотрит в два бездонных черных колодца.

— Я скажу, — он сделал шаг вперед и обнял девушку, — я люблю тебя... моя дорогая... милая, милая Лоррейн! — Его губы прильнули к губам девушки, и он услышал возгласы одобрения, — в комнату вошли его друзья — Хакур и Маркус. Но граф не отнимал своих губ от губ прекрасной леди.

— Теперь уж верно, — обратился Кокс к Хакуру звучным голосом, — мы повеселимся на охоте с чертовыми гончими!

23. Конец Перкса

Откупорив третью по счету бутылку красного вина в одном из баров на Кенсингтон-стрит, он смог только начать ее и понял, что достиг той стадии опьянения, которая предшествует полной потере сознания. Не без труда подав руку бармену, он, шатаясь, выбрел на улицу.

Было еще светло, но Перки Наварро был пьян так, что не заметил ехавшую на полной скорости машину. Он ничего не почувствовал, пока не перелетел через капот врезавшегося в него автомобиля, и ничего не понял, пока не пришел в себя в больнице всего лишь на несколько минут.

Несмотря на туманное сознание и шум в голове, Перки разглядел незнакомые и разнообразные лица медицинских работников, окруживших его постель. Одного из них он встречал раньше, — знакомая похотливая улыбочка попала в фокус его затуманенного взгляда, резким гротеском выделяясь на фоне безличного профессионализма, излучаемого докторами.

Реальность постепенно уплывала от Перкса, он отчетливо видел перед собой это лицо — все ближе и ближе. Последнее, что слышал в своей жизни Перки Наварро, был голос Фредди:

— Ты в ха-ароших руках, Перки, старина. Мы а тебе тут ха-арошо позаботимся...

К несчастью, Перки Наварро умер. Этим вечером во время перерыва Ивонн Крофт спустилась в патологоанатомию повидаться с Гленом. Она услышала шум, доносящийся из-за закрытой двери в лабораторию.

— Кто это там? — спросила она Глена.

— Да это просто Фредди, — улыбнулся Глен, — старый приятель покойника. Он слегка экзальтирован, прощается по-своему.

— Вот как, — сказала Ивонн. — Неплохо.

— Да-да, — ответил Глен. — Хочешь кофе? Она улыбнулась в знак согласия, и Глен повел ее в буфет.

24. Патологически ваш

Два человека играли крайне важную роль в правлении больницы Св. Губбина. И у каждого из них была в этом своя, особая выгода. И оба они твердо знали, что не собираются расставаться с тем, что имеют, с тем, что было для них особенно ценно.

Алан Свит был одним из них. Он пригласил к себе становившегося все более назойливым Джеффри Клементса, молодого патологоанатома, на откровенную беседу по поводу продолжавшихся обвинений с его стороны в нарушении врачебной этики на отделении.

Только Джеффри открыл рот, как почувствовал на своем лице хлороформную маску. Он попытался оказать сопротивление, но Фредди Ройл, второй из не желавших обнародования находок молодого доктора, был родом из деревни и обладал мертвой хваткой.

Алан Свит подбежал к нему, чтобы помочь удержать их жертву, но Джеффри уже терял сознание.

Постепенно приходя в себя, Джеффри Клементе понял, что связан по рукам и ногам и не может пошевелиться. И, несмотря на то что крашеная блондинка по имени Кэнди сидела на нем верхом и трахала анус доктора пристегнутым к животу искусственным членом, а девица по имени Джэйд терлась промежностью о его бородатое лицо, Клементе чувствовал себя счастливым и расслабленным.

— У-ух, а-атлично смотрите! — прокричал Фредди Ройл, снимая всю сцену на видеокамеру в старой квартире Перки. — Да-а, мышечные релаксанты и в самом деле творят чудеса, а, Джеффри, дружище?

В своем полуидиотском счастливом состоянии Клементе смог лишь неслышно простонать в кустистый пах девицы по имени Джэйд.

— Многие могут увидеть эту пленку, Джеффри. Конечно же, мы оба знаем, что этого не случится, правда? — с улыбкой обратился к нему Свит. — Дела, как дела, я думаю, — рассмеялся Фредди. — У-ух, смотрится а-атлично!

25. Лоррейн едет в Ливингстон

Ребекка отлично чувствовала себя в Форуме. Наркотик открывал ей новые стороны в музыке. Все ее волнения прошли, — она сидела в чил-ауте и наслаждалась накатывающимися внутри нее волнами МДМА и музыки. Она посмотрела на Лоррейн, танцующую под апокалиптически безумные звуки гудков и сирен, — сумасшедший кошмар мегаполиса FX поверх соблазнительно неугомонного брейк-бита. Ребекка поехала в Ливингстон вместе с Лоррейн — развеяться и забыть. Лоррейн танцевала в группе знакомых ей ребят. Джангл впервые звучал в Форуме, — играли двое лучших лондонских ди-джеев. Лоррейн выглядела совершенно счастливой. Ребекка подумала о названии своего нового романа: *Лоррейн едет в Ливингстон*. Скорей всего, он никогда не будет напечатан. Но это было уже неважно.

И тут, в самом разгаре ливингстонского джангла, с Лоррейн что-то случилось. Она обнималась с кем-то, прижимаясь губами к лицу, которое было рядом с ней весь вечер. И это было приятно. Лоррейн было хорошо. Она была рада, что вернулась в Ливингстон. Вернулась домой.

ПРОЛОГ

Столдорф — живописная деревушка, как на открытке из Баварии, расположенная милях в восьмидесяти на северо-восток от Мюнхена на самом краю Бэйришер Вальд, густого лесного массива. Теперешняя деревня на самом деле была уже второй под названием Столдорф, — средневековые развалины первой находились в миле от нее; тогда разлившийся Дунай вышел из берегов и затопил часть поселения. Дабы избежать затопления в будущем, деревню перенесли подальше от берега непокорной реки к самому краю горного леса, башнеподобными ступенями нависающего над чешской границей.

Гюнтер Эммерих, предки которого жили здесь издавна, избрал умиротворенную, идиллическую деревушку в качестве постоянного места жительства. Когда местную аптеку выставили на продажу шесть лет тому назад, Эммерих решил приобрести ее, оставив суетный мир больших корпораций и жизнь, полную стрессов.

И он не пожалел о своем решении. Гюнтер Эммерих пребывал в довольстве, чувствуя себя человеком, у которого есть все, что ему нужно. К тому же его отчасти тешило ощущение, что именно так его и воспринимали окружающие — пожилой человек, имеющий молодую жену, ребенка, здоровье и достаток. Положение местного аптекаря вкупе со старинными родственными связями создало благоприятные условия для принятия его в жизнь деревенского общества, обыкновенно закрытую для посторонних. Будучи скромным по природе, Эммерих был далек от того, чтобы выставлять напоказ свою удачно сложившуюся жизнь, и потому не вызывал зависти у соседей. Именно это качество и подвело его в корпоративном мире, где люди с куда более скромными способностями взбирались гораздо выше по карьерной лестнице лишь благодаря своему умению громче бить в барабаны. Здесь же, в Столдорфе, этот недостаток превращался в настоящее достоинство. Местные жители уважали тихого, вежливого и усердного соседа, восхищались красотой его молодой супруги и ребенка. Но, несмотря на то, что у Гюнтера Эммериха были все основания быть довольным жизнью, в нем присутствовало смутное и фаталистичное беспокойство; будто он предчувствовал, что однажды может лишиться всего, что имеет. Гюнтер Эммерих осознавал, как хрупка жизнь.

Что касается Бриджитт Эммерих, то она была еще более заодно с окружающим миром, чем ее супруг. В юности у нее были проблемы с психикой и наркотиками, но теперь она считала, что самой большой удачей в жизни было выйти замуж за этого пожилого аптекаря. Она еще помнила о своем прошлом в Мюнхене, в районе Ньюперлах, где она употребляла и продавала амфетамины. Как иронично, что она вышла замуж за фармацевта! Она осознавала, что их связь не была основана на взаимной страсти, но растущая привязанность за четыре года их совместной жизни создала прочную основу взаимоотношений и окрепла еще сильнее с рождением сына.

Не вызывающая сомнений открыточная прелесть Столдорфа тем не менее была по сути своей обманчива — как и большинство местечек, деревня обладала несколькими лицами. Столдорф находился в одном из самых, до недавнего времени, недоступных районов Европы, на краю старого раздела между Западом и Востоком, именуемого «железным занавесом». В темноте ночи глухой лес, нависавший над деревней, порождает ауру недобрых предчувствий, создавая почву для старинных сказок о Страшном Звере, таящемся в укромных уголках лесной чащи. Религиозность Гюнтера Эммериха не мешала ему оставаться при этом человеком науки. Он не верил в сказки о Страшном Звере, который обитает в глухой чаще и следит за жителями из глубины леса. Однако иногда ему казалось, будто за ним наблюдают, следят, его разыскивают. Гюнтер знал гораздо больше о том зле, на которое способны именно люди, а не сказочные чудовища.

Бавария была когда-то центром подъема и распространения нацизма. У многих стариков в Столдорфе были свои тайны, и потому они никогда не задавали вопросов о прошлом. Эта местная черта особенно нравилась Гюнтеру Эммериху. Он хорошо знал, что такое тайны.

Однажды холодным декабрьским утром Бриджитт взяла их малыша Дитера с собой в Мюнхен за рождественскими покупками. Как истинный христианин, Гюнтер Эммерих был противником коммерциализации Рождества, но, так или иначе, радовался празднику и обмену подарками. Поскольку ребенок появился на свет перед самым Рождеством в прошлом году, это будет их первый настоящий семейный праздник вместе. В прошлом году у Эммерихов были проблемы. После рождения ребенка у Бриджитт началась депрессия. Гюнтер старался помочь и часто прибегал к молитве. Религия была в своем роде их крепостью: они даже познакомились, работая в христианской миссии в Мюнхене в качестве волонтеров. Впоследствии Бриджитт полностью поправилась и теперь с удовольствием готовилась к праздничным дням.

Все изменилось в считанные минуты. Она оставила ребенка всего на пару минут в коляске у входа в магазин подарков на оживленной Фюсгангерзон, одной из центральных улиц Мюнхена, заскочив внутрь, чтобы купить приглянувшуюся ей заколку для галстука Гюнтеру в подарок. Выйдя из магазинчика, она обнаружила, что и ребенок и коляска исчезли: вместо них ее встретила зияющая пустота. Страх леденящим холодом пробежал по ее спине, раскалывая по пути один за другим все позвонки спинного мозга. Поборов парализующий ужас, она в панике начала осматривать все вокруг — ничего, кроме толп в поисках рождественских подарков. Она видела коляски, но среди них не было ее коляски, ее ребенка. И, будто подкошенная разрушительной молнией ужаса, лишившей ее способности стоять прямо, Бриджитт Эммерих смогла лишь, издав громкий стон, рухнуть прямо на праздничную витрину магазинчика.

— Was ist los? Bist du krank? — спросила ее пожилая дама поблизости.

Но Бриджитт продолжала кричать, и лица всех рождественских прохожих были обращены к ней.

Полиции не с чего было даже начинать. Кто-то видел, как молодая пара катила коляску от магазина приблизительно в то время, когда исчез ребенок Бриджитт. Но никто не запомнил, как выглядели эти люди — очередная молодая пара с ребенком. Хотя все свидетели отмечали нечто необычное в облике этой молодой пары. Нечто, с трудом поддающееся определению. Возможно, нечто необычное в том, как они двигались.

Через восемь дней убитые горем Эммерихи получили из Берлина анонимную посылку. Внутри, завернутые в полиэтилен, были две маленькие, посиневшие, пухленькие ручонки. Супруги моментально поняли, чьи это ручки и что это значило, но лишь одному Гюнтеру была известна причина.

Судебные медики заверили их, что ребенок определенно не мог выжить после этой ампутации, выполненной каким-то грубым инструментом вроде пилы. Над локтевыми суставами были обнаружены следы, говорящие о том, что руки были зажаты в тисках. И если Дитер Эммерих не скончался моментально от болевого шока, то он был мертв в считанные минуты от массивного кровотечения.

Гюнтер Эммерих знал, что это прошлое настигло его и мстит теперь. Он отправился в гараж и снес себе половину головы из карабина, о существовании которого его жена никогда даже не подозревала. Соседи нашли Бриджитт Эммерих в луже крови, после того, как она, наевшись таблеток, перерезала себе вены. Ее отвезли в психиатрическую лечебницу на окраине Мюнхена, где она провела свои последние шесть лет в бреду кататонии.

Запары

Если честно, то я спокойно обошелся бы без этих чертовых запар, особенно в сравнении с ерундовой работенкой, которая нам предстояла вечером. Но, так или иначе, вот так все оно и вышло. Чужие сюда не заходят, тем более такой тусовкой. Только не на нашу территорию, черт возьми.

— Зашли вот освежиться, — говорит этот заносчивый илфордский мудила.

Я повернулся к Балу, потом опять к ротастому илфордскому ублюдку:

— Ну-ка, давай, блин, освежимся. На улице.

Я сразу понял, что ублюдок в штаны наложил, потому что ротастый с хитрым дружкой своим как-то погрустнели, это было чертовски заметно.

Лес из Илфорда, он еще ничего, говорит:

— Слушайте, ребята, нам не нужны неприятности. Пошли, Дейв, — говорит мне.

Ну уж нет, они сюда не будут ходить и варежки разевать. Этому не бывать. Я делаю вид, что не слышу, киваю Балу, и мы направляемся к выходу.

— Ты, — говорит Бал этому ублюдку Гипо и его ротастому приятелю, — давайте-ка на улицу, живо, суки!

Они идут за нами, но мне кажется, что очко у них уже играет. Несколько ребят из Илфорда тоже хотят пойти за нами, но Риггси говорит:

— Сидите смирно, суки, и пейте ваше сучье пиво.

Сами разберутся.

И вот мы с Балом наедине с обоими илфордскими чуваками, и гаденышам уже некуда деться, — они — как бараны, которых ведут на бойню. Но тут я вижу, что один из них не пустой — вытаскивает нож и лезет на Бала. Второй тоже дергается, я-то думал, что просто врежу ему спокойно, но он, сука, сам попросился. Он пару раз меня пихает, но, дурачок, не понимает, что мы в разном весе, и я гораздо тяжелее, поэтому мне по фиг — могу принять пару толчков, чтобы подойти поближе, — что я и делаю — и тут уж все быстро заканчивается. Я бью его в челюсть и пару раз пинаю, и он ложится на асфальт парковки паба.

— У нас тут, сука, паренек из Рембрандта! Весь по холсту размазан! — ору я чуваку, который весь скрючился на палубе, задор его уже куда-то делся. Я опускаю тяжелый сапог ему на горло, и он наполовину хрипит — наполовину задыхается. Бью его пару раз ногой. Жаль, конечно, совсем в парне боевого духа не осталось, поэтому я бросаю его и иду на подмогу к Балу.

Но Бала сначала нигде не видно, а потом он появляется, глаза горят, как у черта, а по руке течет кровяшка. Похоже, сильно задело. Этот ублюдок резанул его и свалил, подлая трусливая сука.

— Этот урод мне руку порезал! С ножом был, сука! Мы с ним честно один на один вышли! Конец ублюдку! Конец ему! — кричит Бал, тут он видит парня, которого я замочил, — лежит себе на асфальте и стонет, и в глазах его загорается огонь.

— СССУКИ! ЕБАНЫЕ ИЛФОРДСКИЕ СССУКИ! — И он начинает пинать илфордского до одури, а тот сворачивается в комок, пытаюсь защитить лицо.

— Стой, Бал, сейчас я его тебе разогну, — говорю я и бью ногой ублюдка внизу спины, от чего он распрямляется, и Бал теперь может хорошенько врезать тому по морде.

— Я НАУЧУ ВАС, СССУКИ ИЛФОРДСКИЕ, ПЕРО ВЫТАСКИВАТЬ В ЧЕСТНОЙ ДРАКЕ, УРРРОДЫ!

Мы так и оставили илфордского мудилу валяться на парковке. Ему бы досталось побольше, не будь он одним из наших парней, не в смысле с Майл Энда, а из Фирмы. Вообще-то, хоть они и зовут себя Фирмой, но они все-таки не настоящая Фирма. И мы им это, сукам, доказали. Простые солдаты, все они. До настоящих идей им далеко.

Но, так или иначе, мы бросаем чувака на парковке и снова заходим в паб допить свои напитки. Бал снимает майку и обматывает ею руку. И стоит тут, как настоящий чертов Тарзан. Рана выглядит довольно серьезно, нужно бы ее поскорей зашить в травме в Лондонской больнице неподалеку. Но придется ему потерпеть — нужно героем себя показать и лицо не потерять.

Мы и в самом деле героями вернулись в бар: рты до ушей, как у двух чертовых Чеширских котов. Наши ребята встречали нас с гордостью, а пара илфордских незаметно свалила. Лес из их тусовки подошел к нам.

— Ну что, добились своего, все по чести, ребята, — говорит он. Неплохой чувак этот Лес, нормальный парень.

Но Бал что-то не очень счастлив. И понятно — с порезанной-то ручищей.

— Не все так по чести, приятель. Какой-то урод подсунул Гипо перо!

Лес пожимает плечами, будто не знает ничего про это. Может, и в самом деле не знает. Неплохой чувак Лес.

— Ничего не знаю об этом, Бал. А где же Грини и

Гипо?

— Этот ротастый — Грини, да? В последний раз его видели разобранного на чертовы детали снаружи на парковке. А гаденыш Гипо побежал к подземке. Наверное, сел на Восточную линию через чертову реку. В следующем сезоне его возьмут побегать за чертову миллуэльскую

команду.

— Да ладно тебе, Бал, мы все тут за Вест Хам . Это уж точно, — говорит Лес. Лес, вообще-то, ничего, но что-то в чуваке мне стало неприятно. Я откинул голову и врезал ему по носу. Послышался хруст, и Лес отшатнулся, пытаясь рукой остановить хлестнувшую рекой кровь.

— Черт подери, Задира... мы же заодно все тут... зачем же друг друга дубасить... — говорит он, а у самого кровь из носа хлещет на пол. Да уж, кровища вовсю. Неплохо врезал. Ему нужно бы голову вверх задрать, тупица. Хоть бы платок ему кто-нибудь дал.

— А вы, илфордские ублюдки, запомните это хорошенько, — кричит им Бал, кивая в мою сторону. Он смотрит на Короче и на Риггси.

— Пошли, ребята, покажем им за Леса и за ребят. Мы все ж-таки чертова Фирма, в конце концов!

— Эй! — кричу я илфордским. — Кто-нибудь, дайте старине Лесу платок или хоть бумаги принесите ему из сортира! Хотите, чтоб он сдох от потери крови, что ли?

Они все повскакивали с мест, ублюдки.

Я оборачиваюсь на Криса, хозяина бара, он моет стаканы. Похоже, не нравится ему все это.

— Прости, Крис, — говорю я ему, — просто нужно было парню пару уроков дать. Все нормально.

— Он кивает в ответ. Хороший мужик Крис.

Илфордские выпивают еще по паре кружек, но видно, что им неуютно, и они по очереди находят предлог, чтобы свалить. Бал же сидит до последнего: хочет выглядеть героем из-за своей руки. Не нужно, чтобы этот гаденыш Гипо хвастал, что напугал ножом Бала Литча.

Когда все уходят, Риггси мне говорит:

— Не стоило все же так, Задира. Зря ты Лесу заехал. Он же нормальный парень, и мы и в самом деле заодно.

Да уж, он скоро совсем рехнется со своим экстази, сопляк. Меня в такое не втянешь.

— Фигня все, — говорит Бал. — Задира прав. Ты меня опередил, Дейв. Ну да, эти парни нам нужны, но не настолько, как они, суки, думают.

— Мне его отношение не понравилось, — говорю я им. — Уважения в нем не хватало, ясно?

Риггси трясет головой, видно, что ему неприятно, и он не засиживается, что даже к лучшему, потому что после того, как Бала зашили в травме, он, я и Короче идем прямо к нему подготовиться к сегодняшнему дельцу, которое мы и собирались обсудить, пока эти илфордские мудаки не пришли и не помешали нам.

Сидим у него дома, вполне довольные собой; хотя Бал и выглядит слегка грустным, думаю, из-за своей руки. Я смотрю на себя в его большое зеркало: я на самом деле чертовски крепкий парень. В тренажерном зале довольно много железа тягал. Но кое-что еще надо бы подправить.

Потом оборачиваюсь на своих приятелей; хоть они и бывают иногда настоящими подонками, но все же это лучшие друзья на свете.

Бал на голову ниже меня, но тоже тяжеловес. Короче послабее и абсолютно непредсказуем. Иногда изрядно достает, но, вообще-то, нормальный чувак. А вот Риггси бывает с нами все меньше в последнее время. Мы раньше всегда были вчетвером, а теперь нас все чаще трое. Но хоть Риггси и нет рядом, он все равно с нами.

— Риггси-то теперь, — фыркает Бал, — мистер чертов мир-да-любовь, а?

Мы все весело посмеиваемся над нашим миролюбивым дружкой.

Лондон, 1961

Брюс Стурджес, по своему обыкновению, был в зале заседаний за пятнадцать минут до начала собрания. Он еще раз прошелся по слайдам, проверяя резкость изображения, отбрасываемого проектором на экран, с каждого места в обитой деревом и пропахшей табачным дымом комнате. Удовлетворенный, Стурджес отошел к окну и взглянул на строящийся напротив новый бизнес-центр. Казалось, что фундамент кладут уже целую вечность, но он знал, что после его укладки строение быстро поднимется к небу, меняя городской пейзаж, и, по крайней мере, хоть несколько людей это заметят. Стурджес завидовал архитекторам и проектировщикам. Вот кто мог создавать себе памятники при жизни.

Его размышления были прерваны появлением остальных участников. Первым вошел Майк Хортон, за ним жизнерадостный Барни Драйсдейл, с которым Брюс провел вчера бурный вечер, полный выпивки и тайных разговоров в пабе Белая Лошадь, за углом от Трафальгарской площади. В небольшом оживленном баре, основными клиентами которого были служащие из расположенного рядом южноафриканского посольства, они с Барни провели несколько часов, обсуждая это заседание. Сейчас Барни подмигнул ему и стал оживленно болтать с входящими сотрудниками, постепенно занимавшими кресла вокруг огромного стола из полированного дуба.

Как обычно, сэр Альфред Вудкок появился последним, с хладнокровным спокойствием усаживаясь во главе стола. В голове Брюса Стурджеса пронеслась мысль, всегда приходившая к нему, когда сэр Альфред вот так сел на свое место: Я ХОЧУ СИДЕТЬ ТАМ, ГДЕ СЕЙЧАС СИДИШЬ ТЫ.

Тихий гул разговоров моментально стих, и громкий голос Барни, который еще продолжал говорить, прозвучал одиноко в наступившем молчании.

— Ээ... простите, сэр Альфред, — извинился он уверенным тоном.

Сэр Альфред нетерпеливо улыбнулся, но в этой улыбке сквозила утешительная доза покровительственного одобрения, которую, казалось, заметил лишь один Барни.

— Доброе утро, джентльмены... Мы собрались сегодня в основном, чтобы обсудить теназадрин, предлагаемый нам новый продукт... или, скорее, Брюс сейчас нам расскажет, почему мы должны выбрать его в качестве нового продукта. Брюс, — кивнул Стурджесу сэр Альфред.

Стурджес поднялся с места, ощущая свежий прилив сил. Уверенным жестом, словно отвечая на ледяную неприязнь в лице Майка Хортон, он нажал на кнопку проектора. Глупый Хортон, проталкивающий свою никому не нужную микстуру от стоматита. Да, теназадрин сметет всю эту мелочь. Брюс Стурджес был уверен в своем продукте, но, что более важно, Брюс Стурджес был уверен в самом Брюсе Стурджесе.

— Благодарю вас, сэр Альфред. Джентльмены, я докажу вам сегодня, почему, если наша компания не выберет сегодня этот продукт, мы упустим возможность, которая может выпасть лишь раз или два за всю историю фармацевтики.

Именно это и сделал Брюс Стурджес в своей презентации теназадрин. Хортон почувствовал, как первоначальная атмосфера недоверия, висящая в комнате, растаяла. Он видел одобрительные кивки, а затем и общее настроение растущего признания. Он почувствовал, как у него пересохло во рту, и ему вскоре страшно захотелось глотнуть своей хвальной микстуры от стоматита: продукт, который, как он только что понял, будет выпущен еще ох как не скоро.

На окраине

Ах ты, черт, жарко в этой долбаной лыжной маске — главный ее недостаток. Но и не думай даже... Дело-то пустяковое — как два пальца обоссать. Место мы изучили, все их привычки семейные назубок знали. Надо отдать Короче должное — вычисление он классно проводит. Да и, к вашему сведению, с этими пригородными лохами работать — проблемы никакой. Все, как один, на полном автопилоте. И быть тому, бля, вечно, и это хорошо для дела, а раз для дела хорошо, то, как говорила когда-то старушка Мэгги, хорошо и для Британии, ну, в общем, что-то в этом духе.

Единственная пакость — дверь открыла баба. Я — в роли вырубалы, ну и вмазал ей прямо в варежку. Она брык — ебанулась назад с таким тяжелым стуком и, типа, лежит там в корчах, будто у нее приступ случился. Но ни звука, не вякает вроде. Ступаю через порог и закрываю дверь изнутри. Сучка валяется передо мной — и противно и жалко как-то. И, знаешь, такая злоба во мне на нее закипела, вот. Бал садится перед ней на корточки и приставляет перо ей к горлу. И вот она, наконец, собирает глаза в кучу и видит прямо перед собой этот нож, так у нее зенки чуть не повылазили. Тут она обеими руками давай за юбку хвататься — к ляжкам прижимает. Я от этой картины просто фигею, будто нам чего от нее надо, вот корова, извращенцев нашла, тоже мне.

Тут Бал начинает ворковать ей прямо в ушко тихим своим вест-индийским говорком:

— Лежи-ка тиха — цила будишь. А шутки играть с нами вздумаешь — так твой белый задница завтра с лапшой скушаю, женщина.

Бал — настоящий профи, в этом ему не откажешь. Он себе даже под маской глаза и губы затемнил. Тетка лишь пялится на него, зрачки — как блюдца, будто ее только что экстази накачали.

Тут появляется и муженек.

— Джеки... Боже мой...

— ПАСТЬ ЗАТКНИ, КОЗЕЛ ВОНЮЧИЙ! -

ору на него я своим джоковским акцентом. — ЕШЛИ

ЖЕНУШКА ТВОЯ ТЕБЕ ДОРОГА — СИДИ ТИХО, МАТЬ ТВОЮ! УСЕК?

— Он тихо так кивает, мол, согласен, и бормочет что-то вроде:

— Забирайте все, все, но прошу вас...

Перепрыгиваю к нему и мочу башкой об стенку. Три раза: раз — для дела, два — для кайфа (ненавижу таких уродов), и три — на удачу. Потом заезжаю ему коленкой по яйцам. Он со стоном стекает вниз по стенке на пол, жалкий урод.

— Кому сказано — пасть заткнуть! Повторять не буду, — сделаете, как сказано, никому плохо не будет, усек?

Он молча кивает, зашуган вусмерть и только и мечтает, что слиться со стенкой, которую подпирает.

— И, слышь, — короче, захочешь в героя поиграть, твою миссус придется на органы сдавать, поял?

Он снова кивает, уже, видно, и в штаны наделал.

Интересно, вот, когда я еще пешком под стол ходил, знакомые отца — такие же вот, как наш прилизанный говносос, — все говорили, что нашего шотландского акцента разобрать не могут. Но, что забавно, на таких вот, как сегодня, разборках, все, суки, слышат и отлично понимают — ни слова, ни буквы не пропустят.

— Ну войт, пай-дядя, веди себя карашо, — говорит Короче, каная под Мика-ирландца. — Та-ак. Теер буду вам признаелен, коли вы достаете все деньжата да брюли, что есь в дое и сите все это в этот вот мешочек, яненько? Коли все буди тихо-мирно, тк и не нао быть маюток тормошить, что наерху спят. Даай-ка, жией.

С акцентами это мы здорово придумали: отличное оружие мусоров путать. Мой конек — шотландский джок, спасибо папашке с мамашкой. У Короче ирландский ничего, хоть он иногда и перегибает палку. Но вот вест-индийский треп Бала — это что-то, просто великолепен.

Обосравшийся муженек тусуется по дому с Короче, пока мы с Балом заняты миссус: так и держим ножик у ней перед носом. По мне, так уж слишком жестко, хоть она, конечно, и грязная сучка. Иду готовить нам по чашке чая, работенка не из легких, учитывая, что мы все в перчатках и при всем маскараде.

— Печенье имеется, хозяйка? — обращаюсь я к бабе, но бедняга, похоже, онемела от страха. Показывает мне на шкафчик над кухонным столом. Ну, я открываю и все такое. — И-ить твою... — коробочка «Кит-Кэтов». Да это же просто зашибись, круто, в общем.

Блин, как все-таки жарко в этой уродской маске.

— Садись-ка, хозяйка, на диванчик, — советую я ей. Она — ни с места.

— Ну-ка, усади-ка ее на задницу, Бобби, — говорю я Балу.

Он перетаскивает ее на кушетку, приобнимая одной рукой, будто он хахаль ейный или что-то вроде.

Ставлю перед ней чашку.

— Даже не думай кому в лицо плеснуть, хозяйка, — предупреждаю ее, — помни о малютках, что наверху сопят. Червям ведь скормим, на хрен.

— Да я и не... — выдавливает из себя она. Вот бедолага. Сидела себе дома, телек глядела, а тут вдруг такое. Даже неприятно думать про это.

Балу это все явно не по душе.

— Пей-ка свой сраный чай, женщина. Мой друг Херсти, он тебе хороший чай сделал. Пей чай, Херсти. Мы тебе не рабы здесь. Белая свинья!

— Эй, потише, не видишь, девчонка не хочет чаю, значит, и не обязана его пить, — останавливаю я Бала, или, как я его зову, Бобби.

Когда мы ходим на такие вот дела, мы всегда зовем себя Херсти, Бобби и Мартин. В честь Бобби Мора, Джеффа Херста и Мартина Питерса из Хаммерсов, которые выиграли нам первое место на чемпионате мира в 66-м. Бэрри был Бобби, капитаном, я — Херсти, первым нападающим. Короче воображал себя Мартином Питерсом, мозгами, на десять лет опередившим свое время и все такое.

Как и ожидалось, денег не нашлось не особо: наскребли всего около пары сотен. В таких пригородных домишках и чертова гроша не выудишь. Мы и занимаемся этим в принципе, потому что несложно, а вставляет. К тому же навыки организации, планирования поддерживаем. Нельзя покрываться ржавчиной. Именно поэтому мы — Фирма номер один по всей долбаной стране, потому что знаем план и организацию. Любой идиот руками размахивать умеет; но вот план и организация отличают профессионалов от простых беспредельщиков. Короче все же смекнул неплохо — взял у муженька номера кредиток и отправился погулять по соседским банкоматам — возвращается аж с шестью сотнями. Уродские автоматы эти со своими лимитами. Лучше всего дожидаться полуночи, потом где-то в 23:56 снимаешь две сотни, а потом еще две сотни в 00.01. Но сейчас 23:25, и ждать придется слишком долго. Вообще-то всегда лучше рассчитывать время с запасом, на случай сопротивления. Но в этот раз все уж как-то слишком просто вышло.

Мы связываем их ремнями, а Бал перерезает телефонный провод. Тут Короче кладет руку на плечо муженька.

— Теерь слуай. Вы, ребята, в полицию луше не хайте, слыште? Ведь парочка преестных маышей — Энди и Джессика, так мило спят себе там наверху, а?

Они кивают, как замороженные.

— Вы ж не хайте, шоб мы венулись за ними, правда?

Правда?

Они только зенки свои вылупили — ну, точно, в штаны наложили. Я и говорю:

— Знаем мы, в какую они школу ходят, в какой отряд скаутов, в каком парке гуляют; мы все знаем. Вы нас забудете, мы вас забудем, хорошо? Считайте, что счастливо отделались!

— И никакой па-алиции, — тихонько говорит Бал, прикасаясь к лицу бабы тупым концом ножики.

Щека — то у нее все ж распухла. Мне даже как-то не по себе стало. Не очень-то люблю баб бить, не то что мой папашка. Он, правда, перестал матери поддавать, но только после того, как я ему объяснил, что лучше не надо. Что угодно, но бить бабу не стану. Сегодня оно не в счет, сегодня -ради дела. Ты — вырубала и халтурить права не имеешь. Кто дверь открывает, тот и получает — баба там, не баба — получает, что есть у меня силенок. А вдарить я могу — закачаешься. Здесь ведь как — все дело здесь на этом и держится и халтурить ну просто нельзя, и все тут. Профессионалом надо быть, на хрен. Как уже говорил, что раз для дела хорошо, так хорошо и для Британии, и вот вам мой личный вклад в процветание империи. А все свои «нравится — не нравится» — пустить побоку, не место им здесь. Только ударить бабу как-то не по мне, в личном то есть смысле. Не буду утверждать, что это в принципе неправильно, — знаю я парочку бабенок, кому бы взбучка явно не помешала; я только хочу сказать, что удовольствия от этого я сам не получаю.

— Прияно иметь део с таими миыми людьми, — говорит им Короче, и мы отваливаем, оставляя их семейку на пепелище, в нас-то самих еще бушует адреналин. Хотя я доволен, что не пришлось будить мальцов. У меня самого есть пацан, и одна мысль о том, что какой-то гад что-нибудь подобное с ним сделает... пусть только попробует. Эта мысль нагоняет на меня тревогу: надо бы сходить поведать его. Может, завтра с утра зайду.

Вулверхэмптон, 1963

Спайк рассмеялся и поднял кружку пива «Бэнкс»:

— Твое здоровье, Боб, — ухмыльнулся он, прищуривая глубоко посаженные глаза так, что они превратились в узенькую щелку, похожую на рот, — пусть твои проблемы будут во-от такими маленькими!

Боб подмигнул и отглотнул из своей кружки. Он улыбался своим друзьям, сидевшим вокруг стола. Они все ему нравились, даже Спайк был не так уж плох. Если он не хочет продвигаться, то это его дело. Похоже, Спайку подойдет всю жизнь проторчать в *Шотландии*; никаких устремлений, кроме того, чтобы тратить свою большую зарплату на выпивку и таких же убогих лошадей. Он чувствовал, как между ними росла стена, начиная с того момента, как Боб переехал в Форд Хауез, и, возможно, причина была не только в расстоянии, которое их разделяло. Он вспомнил, как Спайк сказал ему: «Зачем такому парню, как я, заводить себе чертов дом, когда Совет мне и так жилье задешево сдает. От жизни нужно получать только радость!»

И вот как Спайк понимал свою радость — хлестать «Бэнкс» без удержу. По субботам ходил в банк Молинье, а потом к букмекерам. И так он и жил, ничего не меняя. Боб же гордился тем, что хоть и был рабочим человеком, но рабочим квалифицированным. Он хотел дать своей семье все самое лучшее.

Его семья. Вот и первенец на подходе. Эта мысль согревала его, как и рюмка рома, которую он выпил вслед за пивом.

— Еще по одной, Боб? — подначивает его Спайк.

— Не знаю уж. Сегодня пойду в больницу. Сказали, что можно ждать в любой момент.

— Глу-упости! Первенцы не торопятся, любой тебе подтвердит! — прокричал Спайк, а Тони и Клем застучали в знак одобрения пустыми кружками по столу.

Но Боб все-таки встал из-за стола и вышел из бара. Он знал, что его будут обсуждать, и знал, что о нем скажут, — что он превратился в слабака, что не хотел выпить с ребятами как следует, но ему было наплевать. Ему хотелось увидеться с Мэри.

На улице шел дождь — тоскливая, мелкая морось. Еще было довольно рано, но уже по-зимнему темно, и Боб поднял воротник плаща, спасаясь от пронзительного ветра. Он заметил подходящий автобус Мидланд Рэд, автобус проехал совсем близко, но не остановился, несмотря на его вытянутую руку. В автобусе почти никого не было, Боб стоял на остановке, а он все равно проехал мимо. Эта идиотская несправедливость поразила и одновременно разозлила Боба.

— Сука Мидланд Рэд! — прокричал он вслед удаляющимся, будто дразнившим его, огням задних фар. Тяжело ступая, Боб поплелся пешком.

Еще на подходе к больнице ему почудилось, Что что-то не так. Это было как вспышка, мимолетное чувство, будто случилось что-то нехорошее. «Наверное, так кажется каждому будущему отцу», — подумалось Бобу. Но он вдруг снова ощутил явное беспокойство.

Что — то было не так. Но что? На дворе двадцатый век. В наши дни ничего плохого не случается. К тому же мы ведь в Британии.

Дух его перехватило, когда Боб увидел, как жена, лежащая в постели, рыдала, несмотря на сильные обезболивающие. Она выглядела ужасно.

— Боб... — простонала она.

— Что случилось... Мэри... ты родила... с ребенком все в порядке... где он?

— У вас родилась девочка, здоровая малышка, — произнесла сестра без энтузиазма и не очень убедительно.

— Мне ее не показывают, Боб, мне не дают поддержать мою малышку, — жалобно прорыдала Мэри.

— В чем дело? — вскрикнул Боб.

Перед ним появилась вторая медсестра с вытянутым, измученным лицом. Она была похожа на человека, который только что встретился с чем-то одновременно ужасным и непонятным. Ее профессионализм выглядел фальшиво, как новый фрак, надетый на бездомного бродягу.

— С ребенком не совсем все в порядке... — медленно проговорила она.

Сучья привычка

Замок она еще не сменила; знает, что ее ждет, если только осмелится. Я оставил себе свой ключ, после того как съехал из этой дыры. Ей я сказал, что мне нужна своя берлога. И так для всех будет лучше. Но я оставил себе ключи, чтобы навещать пацаненка; ежу понятно, что я его не забуду. Она слышит, как ключ поворачивается в замке, и смотрит на меня так странно, когда я вхожу. Малыш здесь, вот он выбегает из-за ее спины.

Она все — таки курит прямо при нем. Сорок штук в день, сука, смолит. Сучья привычка. Сносная для парня, но унижительная для девчонки, особенно для молодой. Я свою мамашку не имею в виду. Ей и так мало радости в жизни достается, пусть себе смолит. Но для молодой бабы это блядская привычка. Надо же, к тому же, и о здоровье думать. Я все это высказал ей, когда был тут в последний раз. И предупредил по поводу курения прямо при пацане. «О здоровье подумай, сука», -я ей сказал. Не могу даже думать об этом.

— Ему нужны новые ботинки, Дейв, — говорит она.

— Надо? Куплю, — говорю я. Бабок я ей больше не дам. А то купит самые дешевые, а остальное на курево потратит, сучка. Я не такой дурак.

Пацан глядит на меня.

— Ну как мой малыш, а?

— Нормально, — отвечает он.

— Нормально, — продолжаю я, — что это за нормально? А как насчет поцеловать своего папашку, а?

Он подходит и чмокает меня своим мокрым ртом.

Хороший малыш, — говорю я и треплю его по голове. Надо прекращать эти поцелуйчики вообще-то, он уже слишком большой для этого. А то еще вырастет слабаком от этих телячьих нежностей или, еще хуже, станет одним из этих педрил, которые тут кругом болтаются. Это же просто противоестественно. Я поворачиваюсь к ней:

— Слышь, а этот педик все еще тусуется у школы, а?

— Не-а, больше о нем ничего не слышала.

— Если услышишь, то сразу дай мне знать. Никаких извращенцев близко к моему малышу не подпущу, правда, сынок? Помнишь, что надо сделать, если кто к тебе приставать будет в школе?

— По яйцам врезать! — отвечает он. Я смеюсь и боксирую с ним в шутку. Рука у него тяжелая для такого малыша; в папашу пойдет, если Сучка его правильно воспитает и все такое.

Смотрю на Сучку. Выглядит сегодня просто супер; намазалась и все такое.

— Встречаешься с кем-нибудь, старушка? — спрашиваю.

— В данный момент нет, — отвечает она, надменно так.

— Снимай тогда свои сучьи трусики.

— Дейв! Не разговаривай так при ребенке, — говорит она и указывает на пацаненка.

— Да, верно, слушай, парень, вот тебе бабки, пойдя купи себе конфет. А вот ключи от тачки, вот этим дверь открывают, ясно? Сейчас я выйду — поговорить надо с мамой, типа, взрослый разговор.

Пацан линяет с бабками, и тут она начинает мне зудить.

— Не хочется, — говорит она мне.

— Мне наплевать, чего тебе хочется, блин, — говорю я ей. Совсем уважения нет, вечная проблема Сучки, что-то вроде недостатка в характере. Она делает мне лицо, но свое дело знает, и вот уже стягивает одежду и бежит в спальню. Я заваливаюсь с ней на постель и начинаю целовать ее, залезая языком в эту отвратную пепельницу. Раздвигаю ей ноги — войти в нее не составляет труда, у грязной сучки между ног просто влажная губка — и начинаю трахать. Я просто хочу поскорей кончить и свалить — обратно в чертову машину. Но беда в том, что, когда я ей вставляю, мне никак не кончить... и вот — та же самая история, надо было раньше думать. Она уже с ума сходит; ведь говорила, что не хочется, сучка; она уже в экстазе совсем, а мне, бля, не кончить.

НЕНАВИЖУ ПИЗДУ, ГЯЗНУЮ СУКУ, И МНЕ НИКАК НЕ КОНЧИТЬ.

Мне хочется разорвать ее вонючую пизду, сделать грязной сучке по-настоящему больно, но чем я сильнее ее трахаю, тем ей прикольнее, она наслаждается каждой секундой, грязная сука, мерзкая похотливая блядина... так не должно быть... я вижу перед глазами его — Лионси из милвалльской команды, вижу его внутри своей головы. И я пытаюсь представить себе, как трахаю Лионси вместо нее. Та заварушка в Роттерхайтском туннеле, где я первым вмазал громадному ублюдку аж три раза, а он просто стоял и смотрел, смотрел на меня, будто я маленькая игрушка какая-то.

Потом он ударил меня.

— ДЭЭЭЭЙВИИИ! ДЭЭЙВИИ! — Она сейчас себе глотку порвет, правда, — ОСТАНЬСЯ, НЕ УХОДИ, МЫ ПОСТАРАЕМСЯ ВСЕ РЕШИТЬ, АХ, ДЭЙВ... АХ, ДЭЭЭЙВИИ! — Она дергается, как жеребец, я чувствую ее силу под собой, и ее размер на мне, но внутри у меня все мертво, когда она, наконец, обмякает, и я вытаскиваю свой член, все еще твердый, как кирпич, и мне нужно сваливать от мерзкой сучки, потому что, если я не свалю, я за себя не ручаюсь.

Я одеваюсь, а у нее на лице улыбка до ушей, и она бухтит про то, как меня ничто не может изменить. Когда она мне это раньше говорила, я чувствовал себя особенным, это точно, но сейчас я чувствую себя огромным глупым лимоном, над которым весь мир потешается исподтишка.

— Ага, — говорю я ей, сваливаю и иду к машине, но настроение побыть с ребенком пропало. Только не сейчас, когда гадкая сука все испортила. Я забрасываю его к сестре — там ему будет веселее, поиграет с ее малышами.

Я, вообще-то, с мальцами не очень люблю болтаться, по правде говоря.

Я возвращаюсь к себе и достаю свой *Плейбой*, с сучкой Опал Ронсон. Скрепки я еще раньше вынул, и цепляю журнал к холодильнику на магниты. Вообще-то я обычно не покупаю порнуху, только если в них звезды шмотки скидывают. Прикольно смотреть на знаменитостей в чем мать родила, будто на знакомых своих смотришь. Пелена чертовой тайны спадает, и они кажутся доступней, что ли.

У меня в холодильнике свежая дыня, и я выдавил в ней три дырки точно по размеру своей эрекции; две с одной стороны и одну с другой: пизда, рот и задница Опал. Мажу ей «рот» помадой. Потом выжимаю в остальные немного крема для рук — теперь все готово... Куда прикажешь, подруга, — в рот, в задницу или в пизду... Пытаюсь представить себе, как Опал наклоняется, выгибая спину, не могу разобрать, что она мне говорит — то ли в Пизду, то ли в задницу, и что-то в этих темных глазах говорит мне, что, может, Опал не такая девушка, чтобы попку свою подставлять на первом же свидании, и я представляю ее в *Соблазнительных Романах*... нет..., но тогда, точно, 6 *Паранойе* ; а потом я думаю: к черту, надо сучке задать хорошенький урок, бля, и вставляю ей... ух-хх, да это тебя Просто на две половинки разорвет, подружка... ух-хх...

УУУУ-АААА-УУУУ!

У меня кружится голова, я заливаю спермой всю дыньку. Несколько секунд в воображаемой заднице Опал, и все получается. Храни тебя Господь, подружка.

Я ложусь соснуть на диван и, когда просыпаюсь, пытаюсь смотреть телек, но не могу, к черту, сосредоточиться. Занимаюсь немного с гантелями и осматриваю свое тело. Уже приобретает нужную форму, но есть еще в нем что-то пидерское, как у этих голубых в клубе. Мне нужны мышцы, чтобы удар был посильнее. Потом отправляюсь в паб Слепой Нищий. Там никого, и я иду в Могильного Мориса. Вот где все собрались: Бал, Риггси, Короче, Редж, Джон и остальные. Беру себе в баре кружечку горького и присоединяюсь к ним. Местечко ничего, и я уже начинаю расслабляться, как слышу шум у стойки.

— ЭЭЭЭЙЙЙЙААА!

Оборачиваюсь и вижу его. Жалкий старикан, мой чертов папашка. Только взгляни на него: будто только с дерева слез, и уже к людям пристаёт. Он просто жалок, и всегда таким был. Теперь он, саранча, заметил нас и приближается. Бал, Риггси и Короче, они все этому, ублюдки, рады, им весело, что мне неприятно.

— Вот он, мой мальчуган! купишь старику своему выпить, а? А! — обращается он ко мне. Да он уже набрался, ублюдок.

— Я здесь с друзьями разговариваю, — говорю я ему. Он приподнимает бровь и смотрит на меня, будто я задница какая-то. Потом встает, руки в боки.

— Ах, разговариваешь, вот как...

— Все в порядке, мистер Т., сейчас я все куплю, хорошо, — говорит Бал и уходит к бару. Возвращается с кружкой и большой порцией виски для старика.

— Вот это человек, — кивает он на Бала. — Молодой Бэрри... Бэрри Литч... вот это настоящий человек! — улыбается он и поднимает кружку за Бала, который отвечает ему тем же. Потом он замечает, что я все еще смотрю на него. — Привет, что это у тебя с лицом?

Ненавижу старого ублюдка.

— Что это у тебя...

Это уродское бордовое от пива лицо грязного шотландца, этот глупый задыхающийся местечковый говорок; он никогда не заткнется, ни на одну секунду. Как мне хочется заткнуть его — этот голос.

— Ничаво! — отрезаю я.

Тогда старик кладет мне руку на плечо и оборачивается к Балу с Риггси. Я убью старого подонка, честное слово...

— Вот вам мой сынок. Настоящий подонок! НА-СТОЯЩАЯ СВИНЬЯ-ААА! Но он все-таки мой сын? — говорит он.

Затем: — Слышь, сынок, дашь денъжат, а? Скоро мне придет большой чек по страховке. Сказали, что уже должен был прийти, и я вчера кутанул, думал, что буду при денъжатах и все с утречка решу сегодня... понимаешь, Дэйвид, а, сынок?

Достаю ему пару десяток. Что угодно, лишь бы вонючий козел отвалил поскорее.

— Ты хороший парень, сынок. Хороший ЧИСТОЙ мальчик.

Он оглядывается, потом закатывает рукав.

— Моя кровь, — говорит он, обращаясь к Риггси. — Чистое кровь.

— Конечно, конечно, на все сто, мистер Т., — говорит ему Риггси, и Бал с Короче и Роджем, и Джонни, и все остальные весело ржут, и я с ними и все такое, но мне не нравится, что говорит Риггси. Козел или не козел, но все же это мой отец. Нужно же хоть немного уважения Проявлять.

— Ну вот, сынок. На сто процентов чистой! — говорит этот старый клоун. Потом он с благодарностью в глазах оглядывается и замечает еще одного алкаша, который вваливается в бар. — Я вас всех люблю и покидаю, ребята. Вот там у стойки мой хороший друг, должен вам сообщить... ну, держитесь, ребята. За футбол не беспокоюсь! Знаю, что вы не подведете. Должны иметь настоящий футбольный характер... интергородскаясукафирма... черт! Вот Билли Бойз... мы могли бы показать вам кое-что... это были по-настоящему крепкие ребята... Бриктин Билли Бойз, я говорю о настоящих Бриктин Билли Бойз! Помните, вы должны быть первыми и пленных не брать. Нужно иметь настоящий футбольный характер!

— В этом вся штука, мистер Т., — говорит Бал. Старый козел поднимается и отползает к своему ублюдочному дружку у стойки.

— НАСТОЯЩИЙ ФУТБОЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР! — оборачивается и кричит он нам.

Это меня еще как завело. Когда ты в таком состоянии, то идти надо только в одно место. Оборачиваюсь к Балу:

— Хочу прогуляться по речке. На автобусе до Лондонского моста, милая прогулка по Тули-стрит, Джамайка-роуд и домой на подземке из Ротерхайта. Вшестером.

Бал улыбается:

— Я — за. Пошли навешаем пиздюлей ублюдкам Риггси пожимает плечами, за ним Короче и остальные. Они, конечно, пойдут с нами, но я вижу, что очко у них у всех играет.

А у меня нет. Заканчиваю свою кружку, расслабив горло и выпив все одним глотком, отчего чувствую, как газированная отрыжка наполняет кишки. Пора идти.

Торонто, 1967

Боб взглянул на малыша в руках жены. В какой-то момент он вспомнил о другой стране, другой жене и другом ребенке... нет. Он заставил себя остановиться и потрепал младенца по теплой розовой щечке. Это было давно и далеко. То был Боб Вортингтон из Волверхэмптона. Теперешний Боб Вортингтон устроил себе новую жизнь в Торонто.

Он провел в больнице еще несколько часов, потом утомленный, но радостный после ночного сидения, отправился на своей машине в долгий путь домой в пригород. На его улице все дома были разные, отличаясь от однотипных бараков из красного кирпича там, откуда он приехал, но все равно в его районе присутствовало какое-то однообразие. Он припарковался на узкой дорожке, ведущей к гаражу.

Боб посмотрел на баскетбольную корзину, подвешенную на установленные десять футов на воротах гаража, и представил, как вырастет его сын; представил его юношей, подпрыгивающим в воздух, как лосось, чтобы закинуть мяч в корзину. У ребенка будет все, чего не хватало ему самому. Боб позаботится об этом. Завтра снова нужно будет идти на работу; это неизбежно, если работаешь сам на себя. Но сейчас он чувствовал себя совершенно разбитым. Укладываясь в постель, Боб молился, чтобы ему был послан глубокий сон и грезы его отражали замечательные события сегодняшнего дня. Он надеялся, что демоны не придут.

На это он надеялся больше всего на свете.

Приличная юбка

Мы сидим в нашем микроавтобусе на парковке, на задних сиденьях. Никому наше дерьмо не нужно — только время теряем. И я думаю, что, если здесь не станет поживее, я сам закинусь хорошим Е и отправлюсь туда, в самое пекло. Бал с какими-то чуваками сидит в другой машине, он не настроен идти внутрь. Пусть делает что хочет, я не буду здесь долго ошиваться, там внутри целый парад девок.

— Да, на прошлой неделе настоящий бардак вышел в том пабе, — говорит Короче.

— Точно, когда я оттащил от тебя этих пацанов, — говорю я ему. Если б не я, парню бы конец пришел. — Просто полный пиздец бы вышел.

— Да уж, по-моему, мне здорово там досталось. Но когда я до стаканов дотянулся, уффф... раздавал им направо и налево и еще по центру.

— А тот толстяк за стойкой, — говорит Джонни, — вот кто был прикольный, черт его дери.

— Ага, — вступаю я, — пока я его не уложил этим железным стулом. Вот это было красиво. Помню, как сейчас, — просто как на картинке, как у гада весь лоб в кровь разбил.

Замечаю, как Короче роется в полиэтиленовом мешке в поисках пива.

— Эй, Короче! Подкинь-ка и мне баночку, парень, — кричу ему. Он передает мне банку светлого — «МакЭванс».

— Мерзкое шотландское пойло, — говорит он, и сразу: — Прости, друг, забыл.

— Да ладно, не бери в голову.

— Но слушай, ты же не настоящий шотландец, правда. Вот мой старик, он из Ирландии, а матушка — полька, вот. Но я же от этого не поляк, так ведь?

Я пожимаю плечами:

— Мы все тут дворняги беспородные, приятель.

— Ну да, — говорит Короче, — но мы ведь белые хотя бы. Чистота расы и все такое.

— В общем, да, здесь ты в точку попал, дружище, — отвечаю я.

— Я не хочу сказать, что Гитлер был обязательно прав, пойми. Он же не виноват, что не был англичанином.

— Да уж, Гитлер был настоящий мудака, — говорю я, — две мировые войны и один Чемпионат мира, приятель. И все выиграны под нашим ало-голубым флагом.

Короче запел. Его не удержать, когда он начинает распевать старые Вестхамовские песенки.

— Не про-и-гра-ет — алый с голубым, всегда от-ме-ча-ет — алый с голубым...

Риггси влезает в наш автобус. За ним Бал с этим чуваком Роджером.

— Пошли внутрь, парни, — говорит Риггси, — там круто! От звука, говорю вам, просто мурашки бегут!

— Я тебе скажу, от чего у меня мурашки бегут, — говорю я.

— От волынки, — отвечает мне Короче.

— Да нет, там ребята продают внутри, и не из Фирмы, — говорю я Риггси. Бал встрепенулся:

— Да, ты прав, блин, Задира. Кто-то сейчас там по

роже получит.

На этом Риггси затыкается надолго. Какой он все же мягкотелый, тупой ублюдок. Эти приторные худые суки с полными мешками таблеток, они к нему в душу влезают. Неудивительно, что нам не скинуть свои парацетамолы и

бикарбы.

— Да нет же, — начинает Риггси, — на самом деле все уже закинулись еще до того, как сюда прийти сегодня.

Он протягивает Балу таблетку:

— Вот, проглоти одну.

— Да пошел ты, — фыркает Бал. Он все еще не в настроении.

К черту все, я глотаю свою Е и иду внутрь вместе с Риггси. Короче тоже закинулся и плетется за нами.

Внутри я разглядываю группку девчонок у стенки. Не могу глаз отвести от одной из них. Мне как-то нехорошо становится, как будто срать захотелось, и я понимаю, что это из-за того, что у меня крыша начинает съезжать от нашего дерьма и от этих безумных звуков.

— Чего уставился? — она подходит и говорит мне прямо в ухо.

Я вообще — то никогда не смотрю на девку пристально. Мне кажется, все дело в манерах. Вот Короче, он и в самом деле смущает бабу. Уставится и смотрит на нее; ей, наверное, кажется, что он ее изнасилуется или что-то в этом роде. Я его предупреждал на этот счет. Говорил ему, чтобы не пялился так. Если хочешь с кем-нибудь в смотрелки играть, иди на Оулд Кент Роуд и попробуй сделать это с кем-нибудь из миллвэлльских парней. А с девчонками нужно вежливым быть, я ему сказал. Как бы тебе понравилось, если бы какой-нибудь бушмен или охотник за головами уставился бы так на твою сестрицу?

Но, так или иначе, я сам сейчас уставился на эту девчонку. И не только потому, что она такая красивая, а она красивая, она просто прекрасна, блин. А это потому, что я только что экстази сожрал и смотрю на девчонку, у которой нет рук.

— Тебя по телеку не показывали? — Единственное, что я придумываю сказать.

— Не-а, по телеку не показывали и в цирке уродов, блин, тоже.

— Я совсем...

— Ну, так проваливай, — отрезает она и отворачивается. Подружка обнимает ее за шею. А я так и стою, как тупой овощ, блин. Никто, конечно, не любит, когда сучка варежку разевает, это как божий день ясно, но что ты скажешь девчонке, у которой рук нет ни хрена?

— Ты что, Дэйв, позволишь какой-то уродине с тобой так разговаривать, что ли? — усмехается надо мной Короче, обнажая свои гнилые зубы.

Их с такой легкостью можно выбить.

— Заткни свою мерзкую пасть, мудила, а то я это за тебя сделаю.

Я, конечно же, разозлился на мудака; такая красивая девчонка — и без рук, такая подлость, любой скажет. Ее подружка подходит ко мне, тоже ничего себе, зрачки во весь глаз, набралась Е до краев.

— Извини за нее. Плохой трип на кислом.

— А что с ее руками-то?

Не надо было этого спрашивать, но иногда просто выскакивает. Наверное, иногда лучше говорить прямо, что у тебя на уме.

— Это все из-за теназадрина. Короче надо все же влезть:

— Вот оно — маленькое чудо: теназадриновые ручки.

— Заткнись, ты, урод! — обрываю я мудилу, который знает, что значит, когда я смотрю таким взглядом, и он отваливает. Приятель или нет, но парень явно напрашивается на хорошую взбучку. Поворачиваюсь к девчонке.

— Скажи своей подруге, что не хотел ее обидеть. Она улыбается мне в ответ:

— Пойди и скажи ей сам.

Тут меня совсем прибывает, потому что я очень смущаюсь перед девчонками, которые мне сильно нравятся. Речь не о сучках-дешевках, а о девчонках, которые нравятся, — с ними все по-другому. Но с экстази гораздо легче. Я подхожу.

— Слушай, прости, что уставился на тебя, а?

— Да я уж к этому привыкла, — говорит она.

— Я обычно на людей так не смотрю...

— Только на тех, у кого рук нет...

— Да это не из-за рук... меня просто Е накрывало, и мне так вдруг хорошо стало... и ты... ты такая красивая, — выпаливаю я все, — меня зовут Дэйв, кстати.

— Саманта. Но только не зови меня Сэм. Никогда. Меня зовут Саманта, — отвечает она, почти улыбаясь. Для меня это почти слишком.

— Саманта, — повторяю я, — а ты меня не зови Дэвидом. Просто Дэйв.

Она улыбается в ответ, и внутри у меня что-то происходит. Эта девчонка похожа на белого голубя, и внутри у

него столько MDMA, сколько я в жизни своей не употреблял.

Лондон, 1979

Она сидела со своим шоколадным коктейлем в фаст-фуде на Оксфорд-стрит, втягивая сахаристую жидкость через соломинку. Она решила поехать в город на подземке, после того как зарегистрировалась на бирже труда в Хаммерсмите. Ей совсем не хотелось возвращаться в сквот, где она жила со всяким сбродом; на днях туда въехала группка шотландских парней, которые проводили большую часть дня в безделье с бесконечными бутылками сидра, с бессмысленным догматизмом споря о группах, которые им нравятся. В этот жаркий день Вест Энд казался ей более приемлемым выбором, хотя в голове у нее царила вязкая пустота — опиумный притон, в который изредка вламывалась непрошенная осмысленная фраза. Она вспомнила о другом концерте, другой группе, другом лице, другом сексе; еще одном механическом сексе без любви. Она напрягла мышцы вагины, и ее тело с головы до ног пробрала конвульсивная дрожь. Начиная ощущать приступ отвращения к себе, она усилием воли заставила себя переключиться на созерцание суеты, где обыкновенные люди со своими покупками пробираются в этот и так заполненный народом фаст-фуд.

И именно тогда она ощутила на себе его взгляд.

Она не знала, сколько времени он вот так смотрел на нее. Сначала она заметила его улыбку, твердо решив про себя не обращать внимания. Еще один чертов урод. Самыми неприятными всегда были те, кому хотелось поговорить о ее недостатке. Один мудака сказал ей, что он священник англиканской церкви. И сейчас она совсем не желала выслушивать это дерьмо еще раз.

Когда он подошел и сел рядом, она почувствовала знакомое ей чувство узнавания. Еще один панк. С розовыми волосами, в кожаной куртке, без воображения застегнутой на булавки. В его облике было что-то стерильное: слишком правильный, слишком неестественный. Чисто пластик.

— Ничего, если я присяду? — поинтересовался он. Он говорил с акцентом, — возможно, немец. Она отметила это, так же как и то, как он одет. Его куртка, накинутая на плечи, сумела на какое-то время скрыть от нее, насколько похожи они были.

— Меня зовут Андреас. Я бы пожал тебе руку, — рассмеялся он, — но, думаю, это не совсем удачное предложение. — Он стряхнул с плеч куртку, обнажая культи, как и у нее, растущие прямо из плеч. — Может, — с улыбкой предложил он, — мы вместо этого поцелуемся?

Саманта агрессивно сжала челюсти, но почувствовала и нечто другое, совершенно противоположное — головокружительный, нервный, на грани дурноты приступ смущения от того, что ее тянуло к этому человеку.

— Я не собираюсь, на хер, целоваться, — обрубил она, стараясь говорить, как панкушка. Хотя это прозвучало так же фальшиво, как и примочки Андреаса.

— Меня это расстраивает, — сказал Андреас. Он и вправду выглядел расстроенным. — А ты — очень сердитая девушка, да.

— Что-что? — переспросила она, по-настоящему рассердившись, но все же заинтригованная этим вмешательством в ее дела.

— Как я и думал. Это хорошо. Злость — хорошо. Но, когда ее прячешь слишком долго, она портится, правда? Эта испорченность внутри. Я много про нее знаю. Но, как это говорят: мирись-мирись. Знаешь такую поговорку?

— Да.

Саманта и раньше встречала теназдриновых ребят. И всегда это заканчивалось разочарованием. Их недостаток, постоянная тема для разговора, навязывалась сама по себе. Как можно не замечать его, как можно забыть о нем?

Он нависал, как темная туча, над любым, самым обыденным разговором. И больше того: она ненавидела их. Они напоминали ей о том, как она выглядела сама, как ее видел мир вокруг. Ущербный инвалид: ущербный безрукий инвалид. И раз на тебе висел ярлык ущербности, он становился всеобщим, распространяясь на все стороны жизни: интеллект, успех, надежды. Тем не менее Андреас не вызывал в ней знакомого ощущения неприязни и ненависти. В нем как будто не было никакой ущербности, несмотря на физический облик. Он излучал удивительную ауру избытка: она просто чувствовала, как уверенность переполняет его. Сама она привыкла скрывать свои страхи за усмешками, но Андреас ей показался человеком, способным диктовать миру свои собственные условия.

— Ты не пойдешь сегодня в Водоворот?

— Может, и пойду, — сказала она неожиданно для самой себя. Ей не нравилось в Водовороте, она ненавидела местную публику. Она даже не знала, кто играет.

— Сегодня будут 999. Слабая группа, но все они одинаковы, когда накачаешься спидом и пивом, правда?

— Ну да, в общем, правда.

— Меня зовут Андреас.

— Ага, — слегка грубовато ответила она, но затем, поддаваясь на его приподнятые в ожидании брови, которые

делали его лицо смешным, сказала: — Сэм. Не Саманта, а Сэм.

— Саманта лучше. Сэм — имя для мужчины, а не для красивой девушки. Не позволяй себя укорачивать, Саманта. Не позволяй больше это с собой делать.

Она почувствовала в себе небольшой взрыв ярости. Кем он себя считает? Она уже готова была ответить, когда он сказал:

— Саманта... ты очень красивая. Мы должны встретиться в пабе Корабль на Вардаур-стрит в восемь часов.

Хорошо?

— Ну да, может быть, — сказала Саманта, но она уже знала, что придет. Она посмотрела ему в глаза. В них она увидела силу и тепло. Ей показалось, что они выглядели забавно — голубые на фоне его розовых волос.

— Ты что, лондонский зоопарк ограбил, что ли? Что это у тебя за хуев фламинго на голове?

Андреас вопросительно поглядел на нее. Саманте показалось, что она заметила жесткость и гнев в его взгляде, но он сменился таким полным спокойствием, что она решила, что ей привиделось.

— Понятно... фламинго. Саманта пошутила, да?

— У тебя что, чувства юмора нет, что ли?

— Ты очень молода, Саманта, очень молода, — заметил Андреас.

— Да ты что? Мне столько же лет, как и тебе. У нас наверняка разница-то всего в пару недель.

— Я тоже очень молод. Разница, однако же, в опыте. Она снова готова была поддаться приступу ярости, но Андреас уже вставал из-за стола.

— А теперь я пошел. Но сперва мы все же поцелуемся, ладно?

Саманта не пошевелилась, когда он наклонился и поцеловал ее в губы. Его поцелуй был нежен. Он задержался, и Саманта почувствовала, что отвечает взаимностью. Потом он поднялся.

— В восемь нормально, да?

— Да, — ответила она, и он ушел. Она осталась одна и осознала это с болью. Она понимала, что подумали про них окружающие: двое теназадринов целуются.

«Так или иначе», — подумала Саманта, — его, по крайней мере, моя компенсация не интересует».

Вскоре после этого она ушла, безо всякой цели прогулялась по Чаринг-Кросс-Роуд, свернула на Сохо Сквэйер, повалялась на солнышке с офисными служащими. Потом она прошла по улочкам Сохо и дважды прошагала всю Кэрнаби-стрит, и, только почувствовав себя без ног от усталости, она спустилась в подземку и отправилась на Шепердз Буш, в сквот, который делила с группой молодых панков, чей персональный состав периодически менялся.

На кухне болезненно худой рыжеволосый шотландский парень, покрытый прыщами, по имени Марк, поедая яичницу с беконом и фасолью прямо со сковородки.

— Все нормально, Саманта? — улыбнулся он ей. — У тебя спида случайно нет?

— Нет, — с вызовом ответила она.

— Мэтти и Спад поехали в город. А я не мог пошевелиться с утра. Повеселился круто прошлой ночью. И вот только завтракаю. Жрать хочешь? — Он кивнул на свернувшиеся в жире остатки пищи.

— Нет... нет, спасибо, Марк, — Саманта выдавила из себя улыбку. Она начала чувствовать, как на ее лице растут прыщи, только потому, что она стоит рядом с его сковородкой. Ребятам-шотландцам, которые жили на этой квартире, было всего по шестнадцать, но они были настоящими свиньями: грязные, шумные, с наивными вкусами в музыке. Они были довольно дружелюбны; но проблема была в избытке их дружелюбия; они дышали за твоей спиной, как семейство жизнерадостных щенков. Она зашла к себе в комнату, которую занимала с еще двумя девушками, Джулией и Линдой, включила черно-белый телек и не сводила глаз с настенных часов, пока не настало время уходить.

Она опоздала в Корабль на десять минут. Он уже был там — сидел в углу. Подойдя к стойке, она заказала себе сидра. И села к нему за столик. Путь к столику показался ей вечностью, она чувствовала на себе взгляды всех людей в баре. Улыбнувшись ему в ответ и нервно оглядываясь по сторонам, она с удивлением отметила, что никто, похоже, не обратил на них никакого внимания. Они много выпили и нюхнули спида, который у нее все-таки был и которого она не дала Марку-шотландцу.

В этот вечер под разъяренные звуки выступающей группы Андреас и Саманта скакали по танцполу, забыв обо всем, как безумные. Саманту охватило ощущение свободы и спокойствия, какого она никогда еще не испытывала. Это чувство было вызвано не алкоголем и наркотиками: его источником был Андреас со своей заразной уверенностью в себе и жизнелюбием.

Она знала, что пойдет с ним домой. Ей хотелось одновременно и веселиться здесь дальше, и поскорей закончить.

На обратном пути Саманта почувствовала, что рай потерян, когда перед ними возникло трио пьяных, улюлюкающих скинхэдов.

— Чертов цирк уродов! — выкрикнул один.

— Пусть идут, — сказал второй, — жаль их, на фиг они тебе сдались?

— А сиськи у нее ничего. Дай пощупать, малышка! Первый подонок дернулся к Саманте.

— Отвали! — крикнула она.

Внезапно Андреас встал перед ней, преграждая ему дорогу.

На какое — то мгновение лицо юного скинхэда выразило удивление и вопрос, как будто он с испугом осознал, что ситуация сейчас выйдет из-под его контроля совершенно неожиданным образом.

— Уйди с дороги, блин, ты, урод чертов! — прошипел он Андреасу.

— Действительно, отойди! Не хочу, чтобы за меня кто-то разбирался!

Тем не менее Андреас не сдвинулся с места. Он глядел своему предполагаемому мучителю прямо в глаза, медленно и расслабленно шевеля желваками. Казалось, он наслаждался этой неожиданной помехой, абсолютно владея собой. Он не спешил открыть рот, но, когда он заговорил, речь его звучала медленно и монотонно.

— Если ты не оставишь нас в покое, я отгрызу тебе твою сволочную морду. Понял? — останешься без морды.

Он удерживал свой взгляд. Глаза обритого подонка сперва заслезились, потом задержались. Он громко заорал, но при этом, возможно, сам того не замечая, стал отступать назад.

— Пошли, Тони, на хрен этого фрица-урода, пойдем, пока мусора не набежали, — сказал его приятель.

Уходя, они еще выкрикивали свои оскорбления, но в них звучала маниакальность и протест отчаяния, свойственные униженным и побежденным.

Саманта была поражена. Она боролась с этим чувством, но чувствовала, что немец все больше и больше поражает

ее.

— А ты смелый.

Андреас кивнул в сторону. Подобием пальца на культе, заменявшей руку, он дотронулся до своей головы.

— Я не боец. Руки короткие, — с улыбкой произнес он, — и поэтому надо пользоваться головой. Вот где я побеждаю и проигрываю свои сражения. Иногда получается, иногда не очень, понимаешь? — Он кивнул, в его улыбке читалось *c' est la vie*.

— Ну да, ты просто загипнотизировал этих подонков, — ответила ему Саманта. И она поняла, что загипнотизированными здесь были не только одни скинхэды.

Она поняла, что влюблена в Андреаса.

Трескуны

Мы болтали часами, просто болтали, блин. Я никогда столько языком не трепал в своей жизни, тем более с бабой. Но я даже не чувствовал смущения. Как будто разговариваешь не с девчонкой; не с девчонкой в обычном смысле, том, который я обычно имею в виду. Я рассказывал о себе, о Бале, о дворе, о матери и старикане, о Сучке и пацаненке; но больше всего я рассказывал о Фирме, о делах, что мы проворачивали, и о тех, что собирались провернуть, и о том, что я собирался сделать с этим подонком Лионси из миллвалльских. Как я с ним разберусь раз и навсегда.

Мне все время хотелось посмотреть на ее лицо. Я даже разговаривал, как какой-нибудь педик.

— Можно я дотронусь до твоего лица? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает она.

И я не мог оторваться от ее лица. Мне даже не хотелось ничего другого, типа, обниматься и все такое. И даже трахаться или чего, а просто вот так быть с ней рядом. Я даже начал думать, как какая-то размазня. Это было совсем не... в общем, это было как... наверное, любовь, что ли.

Когда кончилась музыка, я предложил ей поехать со мной. Главное, ей действительно было все это интересно, я был ей интересен. Даже когда я рассказывал о всяких там неприятностях, даже это, блин, ей было интересно.

Я взял на время тачку у одного из знакомых охранников, и мы поехали в Борнмут и провели день вместе. Я раньше ничего подобного не испытывал. Я чувствовал себя по-новому. Я чувствовал себя другим.

И вот мы сидим в одной кафешке и мирно себе болтаем, и когда мы выходим, трое этих подонков, типа, стоят там, смотрят на нас и ухмыляются на Саманту. На мою

Саманту.

— Чего уставились? — говорю я. Один из ребят, сразу видно, скис.

— Так просто.

— Пошли, Дэйв, — говорит Саманта, — они ничего такого не делали.

— А что, у тебя проблемы, а? — вступает тут другой трескун. Можешь отсосать у меня, мне по фиг.

В такие вот моменты я вспоминаю старые фильмы с Брюсом Ли. Все это кун-фу, вообще-то, полная фигня, но одна вещь, которую сказал Брюс Ли, один совет, который он дал, всегда служил мне добрую службу. Он говорил: надо бить не противника, а сквозь противника. И вот тут этот говорун — я вижу только рыжую стену за его башкой. И именно в нее я и целюсь, именно ее я и собираюсь разнести вдребезги.

Все, что я помню дальше, это что я смотрю на второго чувака и говорю:

— Ну, кто следующий?

Они просто застыли и смотрят на своего дружка-урода, который валяется на земле и ему явно несладко. Тут любопытные начали носы совать, и я решил, что лучше скорее ехать обратно в город, поскольку Саманта жила в Айлингтоне, почти рядом со мной, чем я был чертовски доволен. Так или иначе, этот небольшой эпизод испортил нам весь день, в самом деле.

— Зачем ты это сделал? — спросила она в машине, когда мы уже выезжали на трассу.

Она вроде не сердилась, просто из любопытства спрашивала. Все-таки она такая красивая, что я даже думать об этом не могу. Я не мог нормально сосредоточиться на дороге. Мне кажется, что я время теряю, когда на нее не смотрю.

— Да это они первые полезли и тебе уважения не показали.

— А тебе важно, да, чтобы меня не обижали?

— Для меня это важнее всего на свете, — отвечаю я ей. — Я раньше такого никогда не чувствовал.

Она смотрит на меня, задумчиво так, но ничего мне не отвечает. Я уже сам лишнего наговорил. Это все от химии, я это знаю, но все это у меня внутри, и мне абсолютно по фиг.

Мы едем к ней. Мне слегка неприятно было, когда я увидел ее фото с этим парнем. Это когда она еще моложе была. Штука в том, что он, как и Саманта, был без чертовых рук.

— А это твой парень, а? — я спрашиваю. Ничего не могу с собой поделать. Она смеется в ответ:

— Он что, должен быть моим парнем только потому, что у него рук нет?

— Да нет, я не это имел в виду...

— Это один немец, мой знакомый, — говорит она. Чертов капустник. Две мировые войны и один Кубок мира, сука.

— Ну, так что? Он твой парень?

— Да нет же. Просто приятель, вот и все.

Я почувствовал прилив радости, и мне этот капустник даже нравится начал. В самом деле, бедняга, без рук и все такое, не очень-то весело ему приходится.

Мы еще немного поболтали, и Саманта рассказала мне кое-что. Про свое прошлое. От чего у меня кровь закипела.

Нью-Йорк Сити, 1982

Брюса Стурджеса, человека, сидящего, где он и хотел сидеть — в дорогом офисе в центральном Манхэттэне, тем не менее преследовала назойливая и неприятная мысль. Он выглянул в окно, выходящее на север, на замечательный вид Центрального парка. Могущественные здания Крайслера и Эмпайер Стэйт Билдинг возвышались напротив, с презрением глядя сверху вниз на его стремительный рост, как два вышибалы из ночного клуба. Всегда на тебя кто-то смотрит сверху вниз, подумал он, грустно улыбаясь, как бы высоко ты ни забрался. Эти два здания были в своем роде исключениями, особенно небоскреб Крайслера в стиле арт деко. Ему вспомнились Фрэнк Синатра и Джин Келли, которые превратили город в огромные декорации для своего мюзикла *Ночь в городе*. Свобода, вот что олицетворял для него Нью-Йорк. Это было избито и не ново, но, подумал он, это было именно так. Однако замечательный вид из окна не стер из его воображения назойливые, прожигавшие мозг образы изуродованных, корчащихся от боли калек. Хуже ему еще не бывало. Он инстинктивно набрал номер Барни Драйсдейла в Лондоне. В голосе Барни, в его спокойной, естественной уверенности в себе было что-то, что всегда успокаивало Брюса, когда ему становилось тяжело, как сейчас.

Барни Драйсдейл, пакующий вещи в своей квартире в Холланд Парк, был отнюдь не рад раздававшемуся телефонному звонку.

— Ну что еще? — раздраженно простонал он. Барни готовился уехать в свой загородный домик в Уэльсе на длинные выходные, чтобы подготовить переезд туда семьи в следующем месяце.

— Алло...

— Привет, старина! — произнес в трубку Брюс почти с издевкой.

— А, Брюс! — засмеялся в ответ Барни, голос старого друга поднял ему настроение. — Старый черт! Как с тобой там янки обращаются?

Стурджес ответил набором общих фраз. Барни заметил лишь легкий холодок в тоне старого приятеля, когда спросил про Филиппу и мальчиков, — он с ней не очень ладил. Ребята неплохо устроились в квартирке на Лонг Айленде, но она терпеть не могла Америку. Попытки умиловить ее с помощью экспедиций за покупками в Блумингдэйлз и Мэйсиз не увенчались успехом в плане успокоения ее растущего недовольства. Сам Стурджес был просто влюблен в Нью-Йорк. Ему нравилась собственная анонимность, состояние человека, еще не узнавшего всех тех, с кем ему предстояло познакомиться. Он обожал клубы. Ему вспомнился парень, которого он трахнул вчера в туалете в одном восхитительно грязном клубе в Ист Виллэджд...

— Ты меня застал не в очень подходящий момент, старина, — объяснил Барни, — собираюсь на дачу на выходные.

«И я тоже, дорогой мой», — подумал про себя Стурджес, потирая пах и выглядывая в окно на возвышающиеся контуры Манхэттена.

— Просто замечательно, — сказал он.

«Просто замечательно», — подумал он про себя. Но внутри у него было беспокойно. Калеки и его страсть к молоденьким мальчикам: нужно быть поосторожней. Так легко можно потерять все, чего достиг. Он был рад разговору с Барни. Слава Богу, что есть Барни.

Несправедливость

Я все больше и больше провожу времени с Самантой. И штука в том, что у нас так ничего и не было. Хотелось бы мне знать, что она про меня думает. Будто меня волнует, что у нее рук нет. Когда мы вместе, мы просто разговариваем, но мне уже не нравится, куда наши разговоры клонятся. Она все говорит о своих руках и о парнях, что продавали эту штуку, из-за которой она такая. Я не хочу про все это слышать, я просто хочу смотреть на нее.

Но я ничего не могу поделать, потому что, по правде, меня ничего не волнует, пока я с ней.

— Ты на меня так смотришь, тебе хочется со мной переспать. Тебе хочется меня трахнуть, — говорит она. Она говорит вот так вдруг ни с того ни с сего.

— Ну и что? Никто ведь не запрещает, правда? Никто не может запретить кого-нибудь хотеть, — говорю я ей. Потом я впадаю в легкую панику, ведь дело происходит у меня и она наверняка заглядывала в холодильник. Надеюсь, она не видела ебаную дыню и крем. Хорошо хоть, я плакат с Опал снял.

— Ты не знаешь, каково мне приходится. Уродина, неполноценная женщина. Они забрали часть меня. Меня не хватает, и я хочу, чтобы они заплатили за это. Не просто какую-то сумму в банке, я хочу справедливости. Мне нужен Брюс Стурджес, тот подонок, который запустил это лекарство в продажу, который сделал нас обрубками.

— Хочешь, чтобы я помог тебе разобраться с этим парнем Сурджесом? Хорошо, помогу.

— Ты не понимаешь! Я хочу, чтобы ты не просто его отделал. Он не какой-то там мудака, который ходит на футбол или выпивает в пабе за углом. Я хочу, чтобы ублюдка не просто напугали! Мне нужны его руки. Я хочу, чтобы ему конечности отрубили. Хочу, чтобы он почувствовал, что это значит!

— Ты что... это же тюрьма...

— Ну и что, боец из Фирмы? Трусись? — поддразнивает она меня, но лицо у нее меняется, становится другим, чужим.

— Не-е, я не...

— Я все равно заполучу этого ублюдка, с тобой или без тебя. Хочу, чтобы он тоже почувствовал себя уродом. Он изуродовал меня, а я хочу изуродовать его. Понимаешь? Мне не нужны их сраные деньги. Мне нужно забрать у них то, чего они лишили меня, и показать им, насколько потом им помогут вонючие деньги. Хочу, чтобы они узнали, как это, когда люди, которых ты даже не знаешь, уродуют тебя, как это, когда тебя меняют без твоего согласия... когда тебя лишают твоего места в мире. Такие суки, как этот, делают такое сплошь и рядом: забирают у людей работу, дом, жизнь, и все из-за решений, которые они принимают, даже не замечая, какой урон они причинили, и не несут никакого ответа. Я хочу показать ему все это, и больше — хочу заставить его почувствовать. Пусть ощутит, что значит быть уродом.

— Ты не урод! Ты прекрасна! Я люблю тебя! Лицо ее раскрылось так, как я раньше никогда не видел, как будто она чувствовала то же, что и я.

— Тебя когда-нибудь ногами трахали? — спросила она.

Пемброкшир, 1982

Барни Драйсдейл каждый раз чувствовал этот прилив радости, направляя свой старенький «лендровер» вверх по крутой дорожке к домику. Выйдя из машины, он снова посмотрел на старый каменный особнячок, затем глубоко вдохнул здешний свежий воздух и обвел взглядом окружающий его пейзаж. Вокруг — лишь холмы, речка, пара маленьких деревенских домиков и овцы. Это его устраивало.

Завтра к нему из Лондона приедут Бет и Джиллиан. Согласно неписаной семейной традиции, Барни всегда отправлялся на дачу первым, «растопить камин», как называл это он сам. Барни и в самом деле в одиночестве наслаждался осмотром своих достижений в реставрации. Конечно, все это сделали рабочие, преобразовав бесполезную кучу камней в домик мечты. Барни тоже появлялся на строительстве, болтался повсюду, стараясь казаться своим парнем, но так и не завоевал доверия со стороны рабочих, даже когда приносил им пива или предлагал закончить пораньше, чтобы вместе сходить в местный деревенский паб. Ему казалось, что они по-провинциальному робки и чувствуют себя неловко при нем. На самом деле так и было. Они уходили из паба под разными предлогами, один за другим. Потом они звонили в бар узнать, там ли еще Барни, и возвращались обратно, когда он уходил.

Домик был пропитан холодной сыростью, и Барни собрался разжечь камин. Он и не заметил, как, пока он бездействовал, обходя свое укрытие, наступила ночь. Барни вышел наружу — принести углей из сарайчика, погруженного в чернильную темноту, до которой не доходил свет из окон домика. Ему было хорошо, когда он шел вот так в темноте, ночной воздух приятно охлаждал кожу.

Он осторожно ступал по скрипучей тропинке, когда ему показалось, что он услышал какой-то шум, будто кто-то кашляет. Глубоко в груди он почувствовал приступ страха, но это быстро прошло, и Барни посмеялся над своей пугливостью. В дом он вернулся с углями и дровами.

И тут он с досадой вдруг обнаружил, что у него закончились каминные спички. И магазин в деревушке уже наверняка закрыт.

— Вот незадача, — произнес он.

Барни скомкал несколько газет, положил мелких щепок, а сверху маленькие кусочки старых углей. Дело продвигалось небыстро и требовало терпения, и Барни был доволен тем, что ему удалось-таки разжечь довольно приличный огонек.

Он немного посидел перед камином, но ему не сиделось на месте. Он поехал в деревню и пропустил в одиночестве пару стаканчиков в местном пабе, листая *Телеграф*. С разочарованием он отметил, что здесь нет ни одной знакомой души — ни местных рабочих, ни дачников из города. Через некоторое время, объятый меланхолией, нагнетаемой одиночеством, Барни вернулся домой.

Вернувшись в дом, он устроился в кресле напротив камина отдохнуть перед телевизором со стаканчиком портвейна, покусывая сыр «Стилтон», который привез с собой из города. Огонь в камине быстро согрел воду в отопительном котле, и в доме стало тепло. Барни начало клонить в сон, и он отправился в постель.

Но кроме него в доме был кто-то еще — на первом этаже.

В темноте фигура неизвестного двигалась быстро и бесшумно. С плеча, там, где у едва различимого силуэта должна была быть рука, свисала большая жестянка.

В ней был парафин, которым неизвестный пропитывал ковер и шторы в комнате.

Еще один человек был снаружи, во рту он держал кисть для краски. С невероятной скоростью и очень ловко, то задирая, то резко опуская голову, темная фигура выводила лозунги на стене дома:

CYMRU I'R CYMRU

LLOEGR I'R MOCH

Священные коровы

На своем грузовичке мы доехали до Ромфорда, где у этого чувака стоит перед домом старенький Астон Мартин.

— Всего полсотни, приятель, и она твоя, — говорит он нам, старый тупица. — Самому надоело с ней возиться. Столько уже в нее вбухал; осталось совсем немного доделать. Но с меня уже хватит.

Я заглядываю под капот — выглядит ничего. Бал тоже смотрит и незаметно кивает в мою сторону.

— Ну нет... совсем развалина, приятель. Можем забрать у тебя за десятку как металлолом.

— Ладно-ладно. Я тонну выложил за эту тачку. И еще столько же на нее потратил, — говорит мужик.

— Но тебе еще пару сотен придется выложить, чтобы эта штуковина заработала. По-моему, тут и с передачами проблемы. Ты еще много денег на ветер с ней выбросишь, уж поверь мне, приятель.

— Ну а сорок пойдет?

— Слушай, мы ведь бизнесом занимаемся. Нам все-таки что-то зарабатывать надо, — пожимает плечами Бал.

Наш дурачок кривится, но берет у нас десятку. Я-то быстро эту красавицу на ноги поставлю. Мы цепляем машину и тащим ее к себе на площадку.

Мне что — то от нашей добровольной тюрьги становится здорово не по себе. Особенно в такой жаркий денек. Думаю, потому, что сюда никогда не попадает солнечное тепло, здесь все время эта сволочная тень -вокруг такие высокие дома. Здесь никогда не бывает солнечного света, одни старые сраные лампы. Когда-нибудь, клянусь, я прорублю дыру в потолке и вставлю какой-нибудь люк, что ли. Меня уже выворачивает от парафинного запаха печки и разбросанных всюду запчастей, воняющих маслом. И еще я вечно выбираюсь отсюда весь в дерьме. Конечно, все эти вонючие детали — и на полу, и на столе, куда ни кинь взгляд. И эти огромные ворота, на которых уже давно не хватает засова, и нам приходится на них замок навешивать. Меня здорово достает с ним по утрам возиться — намучаешься прежде, чем откроешь.

А вот Балу здесь нравится. Он весь свой инструмент тут хранит, даже эту бензопилу, которой он прошлой зимой приноровился деревья валить в Эппинг Форесте, продавая их как дрова через рекламную газету.

— Да уж, слишком жарко для гаража сегодня.

— Каждую минуту младенец рождается, правда, приятель? — смеется Бал, поглаживая капот.

— Да уж, тупица. Черт возьми, какая парилка сегодня. Слушай, у меня горло чего-то просит. Выпить не хочешь?

— Давай. Встречаемся в «Могильном Морисе». Я сначала хочу с этой вот слегка потрахаться, — говорит он, снова хлопывая по капоту машины, будто это девичья задница или сиськи какие-то. Ну и ради бога — у парня от машин просто крыша едет. А вот мне больше нравятся зад и сиськи Саманты. У-ух. У меня от этой жары такая похоть просыпается. Иногда мне кажется, что этому есть какое-то научное объяснение, а иногда — что просто все бабы кругом в это время года ходят полуголые. Скорей бы добраться до Саманты, но еще надо успеть насладиться кружечкой замечательного холодненького пивка. Оставлю Бала с его игрушками.

Суки, стражи сраного порядка. Я в пабе всего пять минут, бля, сделал всего пару глотков, бля, и тут эта сука Несбит из служителей закона — заходит как ни в чем не бывало прямо в паб Мориса, будто он здесь хозяин.

— Как жизнь, Задира?

— Детектив Несбит. Какой приятный сюрприз.

— Приятного мало — с уголовниками общаться.

— Да-да, хорошо тебя понимаю, Джон. Я от них сам бегу, как от чумы. Но тебе-то, наверное, с твоей работой это мало удастся. Возможностей мало и так далее. Может, стоит подумать о смене профессии. Никогда не думал попробовать торговлю автомобилями?

Ему приходится все это проглотить, хотя он сверлит меня своим взглядом, будто я должен прощения у него попросить. Билли с новой девчонкой похихатывают у себя за стойкой, а я просто поднимаю бокал и говорю гаду: «Ваше здоровье!»

— Где твой дружок — Литчи?

— Барри Литч... что-то давненько его не видел, — отвечаю я, — конечно, часто видимся по работе, все-таки одним делом занимаемся, но после работы мы вместе не тусуемся. Вращаемся в разных кругах, въезжаешь в тему?

— В каких же это кругах он теперь вращается?

— Ну, об этом ты у него спроси. Мы слишком много работаем в последнее время, чтобы рассказывать друг другу о своих развлечениях.

— Едешь в Миллвалл на будущей неделе? — говорит мне он.

— Не понял.

— Не морочь мне голову, Задира. Милвалл играет с Вест Хам. Первая Лига Эндсли Иншуранс. На следующей неделе.

— Прости, начальник, но я что-то перестал увлекаться расписанием игр в последнее время. С тех пор, как в кресло менеджера сел этот Бонзо, у меня весь интерес и пропал. Он, конечно, ничего играет, но как менеджер — полный провал, понимаешь. Грустно, когда такое случается, но уж такова наша жизнь...

— Рад это слышать, но если увижу твою задницу по ту сторону реки в каком бы то ни было виде в субботу, ты у меня сядешь за подстрекательство к беспорядкам. Найди я тебя хоть в торговом центре в Кройдене с полными мешками игрушек для детишек из приюта, я уж тебя упеку. В общем, в Южном Лондоне не появляйся.

— С превеликим удовольствием, мистер Н. Да мне там никогда и не нравилось, что мне там делать.

К мусорам я всегда плохо относился. Не из-за их работы, а как к людям. Только особые типы идут в полицию, если вы меня понимаете. Это именно те трусливые маменькины сынки, которым всегда достается в школе от других ребят. И форма теперь дает им возможность отомстить всему миру. Но главное, что неприятно в мусорах, это то, что они все время суют свой нос куда не нужно. Возьми хоть этого Несбита, дай только ему палец — он всю руку отцапает. Вот там — слюнjavaые пидоры шатаются около детской площадки, пристают к маленьким пацанам. Вот за кем присматривать надо, вместо того чтобы устраивать неприятности простым парням, которым на жизнь нужно зарабатывать.

Когда этот урод Несбит сваливает, сразу звоню Балу в мастерскую.

— Отменяем Миллвалл. Несбит только этого и ждет. Заходил сам сюда в Морис, угрожал.

— Да он просто ва-банк пошел: у него же людей нет, чтобы с нами справиться. Урезают зарплаты и все такое. Вон, в *Адвертайзере* объявлений полно. Если бы у него было достаточно стволов, стал бы он тебе об этом рассказывать — просто брал бы нас на месте. Ты же отлично знаешь, как мусора любят эти громкие дела; типа, доказать политикам, что общественный порядок идет на фиг и, типа, нужно больше денег на полицию.

— Ну да, а если мы не сдвинемся, то миллвалльские суки решат, что Восточный Лондон обосрался.

— А слушай, — говорит Бал, — ведь Ньюкасл уже через пару недель будет.

— Точно. Собираем Фирму в Ньюкасл. И почище Миллвалла; хоть и переться далековато. Но уж в центральные газеты попадем. В Лондоне-то всех уже достали разборки. Миллвальская заваруха. — Хорошо если хоть в *Стэндарт* попадет.

Ньюкасл манил меня больше. Лионси все еще не появлялся. А я уже давно железо тягал, готовил удар специально для парня. Не хочу никакого Миллвалла без большого Лионси. Бала тоже взволновала идея про Ньюкасл — он в одну минуту прибежал в паб и потащил меня в подсобку. С таким видом, что никто и подойти не смел, Бал это умеет.

— Слушай, — говорит он мне, — меня только Риггси сильно беспокоит. Это все от экстази. Знаешь, это дерьмо про мир и любовь.

— Знаю-знаю, — говорю я, а сам в этот момент думаю о Саманте. Встречаюсь с ней сегодня вечером. У нее в Айлингтоне. Как она ногами умеет работать, а? Она зажала мой член своими большими пальцами и так нежно двигала ими, что я моментально кончил, как фонтан настоящий, а сам и понять ни фига не успел, что случилось.

— Мне это ох как не нравится, Дэйв, просто бесит.

— Понимаю, — говорю я.

Саманта. Черт возьми. Скоро-скоро мы уже все по-настоящему с ней сделаем. Но Бал — он-то меня, сволочь, как насквозь видит.

— Слушай, приятель, — начинает он уже серьезно, — ты же никогда не позволишь какой-нибудь юбке нам все испортить? Наши с тобой дела, бизнес, Фирму, а?

— Да конечно нет, — говорю я ему. — У нас с Самантой все в порядке. Она не против махача. По-моему, ее это даже возбуждает.

Мне и в самом деле так кажется.

— Серьезно? — улыбается Бал, но я ему больше ничего не скажу, только не про Саманту. Я уже и так порядочно разболтался. Но он меняет тему.

— Я просто беспокоюсь по поводу наших основных — Риггси и Короче, например. Они уже больше как-то не тянут. Все разлагается, к чертям. Как в Древнем Риме, на фиг, одна большая групповуха. Уже не удивляешься, что илфордские вякать начали. А кто за ними? Эти умники из Бэзилдона? Вест Хэм? Ребята с Грея?

— Да ладно тебе, слушай! — возмущаюсь я. — Не важно, кто там вякать начинает. Разберемся со всеми!

Бал улыбается, и мы чокаемся нашим пивом. Мы с Балом ближе, чем родные братья. Духовное родство и все такое. И всегда так было.

Но сейчас у меня есть Саманта... я вспоминаю старую песню ABC, одну из моих любимых, где они поют про то, что это мы сами делаем из прошлого какую-то священную корову и как мы должны все-таки меняться, на фиг.

Это просто про Бала, он всегда цепляется за прошлое, будто оно — священная корова. По-моему, старушка Мэгги как-то говорила, что мы все должны искать новые пути, чтобы идти в ногу со временем. А побоишься, так и будешь, как все эти жалкие ублюдки на севере, плакать над своей пинтой из-за какого-нибудь заводика или шахты, что только что закрыли.

Нельзя из прошлого делать для себя священную корову.

Настоящее — это я и она: мы с Самантой и все такое. Мне уже надоело сидеть здесь и выслушивать Бала, мне надо готовиться к встрече с ней. Сегодня может случиться главное.

Прихожу домой, на автоответчике сообщение — голос Сучки. Не хочу даже слушать, что она там наговорила, у меня от ее голоса мурашки по коже, потому что я только что думал о Саманте и мне было так замечательно, а она вдруг разом все испортила — влезая в мою жизнь, когда она здесь совершенно не нужна.

Я хочу одну Саманту.

Собираюсь — и я в один миг у Саманты. Настроение опять замечательное, стоит мне подумать о ней, и даже когда меня вдруг ни с того ни с сего подрезает какой-то мудила, я, вместо того чтобы догнать его и высказать все, что я о нем думаю, просто улыбаюсь и поднимаю руку. Уж слишком приятный день, чтобы париться из-за какой-то фигни.

У нее опять это выражение лица. Она не теряет времени.

— Снимай одежду и ложись, — говорит она.

Что я и делаю. Вылезаю из штанов, рубашки и скидываю ботинки. Стягиваю носки и трусы. Встаю на кровать и сразу чувствую, как мой старый дружок начинает набухать.

— Мне всегда нравились члены, — говорит она, извивается и выползает из своей сорочки, как змея. У нее действительно движения змеи. — Все конечности мне кажутся прекрасными. У тебя их пять, а у меня — всего две. Значит, одну ты мне должен, верно?

— Ну да... — отвечаю я, а у самого уже кружится голова, а голос становится хриплым, как старые ворота.

Она стягивает с себя леггинсы ногами, сначала освобождает одну ногу, потом другую. Эти ее ноги, блин, — почти как руки, на самом деле. И чем больше я смотрю, тем меньше верю своим глазам.

Я впервые вижу ее совсем голой. Сколько раз я представлял себе это, сколько раз я кончал, представляя себе этот момент. Глупо, но я всегда чувствовал себя виноватым после. Не потому, что у нее рук нет, а, скорее, ну, из-за того, что в самом деле человека любишь, и это просто пиздец, странно, но что я могу с собой поделать — я такой, какой есть, и чувствам своим тоже не могу приказать. Вот она — прямо передо мной. Ноги такие длинные и красивые, именно такие, как должны быть у девчонки, и этот плоский живот, прекрасная попа, офигенная грудь и еще — лицо. Это лицо, еб твою, лицо ангела, блин. А потом я смотрю туда, где должны быть ее руки, и чувствую... тоску.

Тоску и злобу, на фиг.

— Люблю ебаться, — говорит она. — Мне не пришлось этому учиться. У меня это само собой выходит. Первый парень у меня был, когда мне было двенадцать, а ему — двадцать восемь. В интернате. Я его заводила безумно. Главное здесь — бедра, а никто не умеет так бедрами делать, как я. Никто не умеет так ртом делать, как я. А мужикам это все очень нравится. Ну, и еще, есть что-то извращенно-прикольное в сексе с фриком...

— Да никакая ты не калека. Не говори о себе так... Но она улыбается и продолжает:

— Знаешь, главный секрет здесь — в доступности. Рук нет, и сопротивляться нечем. Мужикам нравится, что я ничего не могу с ними поделать, оттолкнуть их неуклюжими ручками, заставить их прекратить делать то, что они хотят. Тебе это ведь тоже нравится, а? Вот я вся перед тобой, как на ладони: груди, пизда, жопа. Выбирай что хочешь. Вот если б у меня еще и ног не было, а, как тебе такое? Игрушка для траханья. Привязывай меня и трахай, куда хочешь и сколько хочешь. Приятно думать, что вот я, абсолютно незащищенная, в твоем полном распоряжении, жду, пока ты засунешь в меня свой горячий член, когда бы тебе этого ни захотелось.

Совсем это плохо, блин, что она такое говорит. Совсем, блин, плохо. Начинаю нервничать. Она, наверное, все-таки заметила дыню, тогда, в холодильнике... ну точно, заметила.

— Слушай, если ты про дыню...

— Что это ты несешь? — удивляется она.

Слава тебе богу, блин, не дыня. Спрашиваю в ответ:

— А ты сама-то что такое несешь, а? А? Я же люблю тебя. Я, блин, люблю тебя!

— То есть хочешь меня трахнуть?

— Да нет же, люблю, понимаешь, именно люблю.

— Ты меня разочаровываешь, мальчик с Майл Энда. Тебе что, никто не говорил еще, что в этом мире любви не бывает? Все — это власть и деньги. Я-то это отлично поняла, про власть. Я про нее все больше и больше узнавала, пока выросла. Про власть, с которой мы столкнулись, когда пытались получить нашу компенсацию по инвалидности; справедливость, от них от всех — промышленников, правительства, судей, ото всей этой сраной компании, которая нами правит. И как они сомкнули ряды, как крепко держались друг друга! Тебе бы это понравилось, Дэйв. Разве не того же тебе самому хочется, разве не для этого и Фирма твоя игрушечная? Власть делать больно. Власть обладания. Власть быть кем-то, кого боятся, против кого никто не посмеет выебнуться? Никогда-никогда? Но это неправда, Дэйв, потому что всегда найдется кто-то, кто будет сильнее тебя.

— Может, мне так и казалось когда-то, но сейчас уже все по-другому. Я-то знаю, что я сам чувствую, — говорю я ей. Прикрываю яйца рукой, эрекция моя куда-то уходит, я чувствую себя совсем, блин, странно — сижу в чем мать родила с голой девчонкой, и ничего не происходит.

— Ну что же, очень плохо, мой сладкий мальчик из Фирмы. Потому что если это и в самом деле так, — ты мне и не нужен. Мне не надо какого-то мудака, который сдуся. Все мужики так — на словах крутые, а на деле — в кусты. Причем с самого начала. Собственный отец, и то в кусты свалил.

— Ничего я не сдуся! Я для тебя что угодно сделаю!

— Отлично. Тогда я отсосу тебя так, что у тебя встанет не то, что раньше, а потом — сам выбирай, что хочешь со мной делать. Как говорить, нет пределов воображению.

И вот, после всего, что она сказала, у меня ничего и не получилось. Я чувствовал, что люблю, что хочу укрыть ее от всего. И мне хотелось, чтобы она тоже меня любила, а не говорила мне такие вещи, как какая-то дикая, блин, шлюха. Мне не нравятся девчонки, которые такие финты выдают. Может, она начиталась хуйни-муйни какой-то или в компанию попала, где такие разговоры ведут.

Ну вот, у меня ничего не вышло, и знаете что? Мне кажется, она с самого начала, блин, знала, что так и будет. Уверен, что знала, блин.

Она накидывает халатик, в нем она становится еще прекрасней, и мне на секунду кажется, что и руки у нее на месте. Хотя, если бы у нее были руки на месте, стала бы она тут рассиживаться с таким типом, как я.

— Когда ты собираешься разобраться со Стурджесом? — спрашивает она.

— Слушай, не могу я этого сделать, просто не могу.

— Если в самом деле любишь меня, то сможешь! Ты сам, блин, сказал, что *что угодно* сделаешь! — кричит она мне в лицо. Теперь расплакалась. Еб твою, не могу смотреть, как она плачет.

— Так же нельзя. Я даже не знаю этого парня. Это же убийство, черт возьми.

Она смотрит на меня, потом подсаживается ко мне на кровать.

— Дай-ка я расскажу тебе сказку, — говорит она. И выплакивает мне все-все.

Когда она родилась, то ее старик просто слинял. Не смог справиться с тем, что у его ребеночка рук не хватало. Мамашка ее после этого свихнулась и кинулась. Так Саманта и выросла в приюте. Правительство и все эти мужики в судах, все встали на сторону тех, кто состряпал лекарство, и ей, да и всем ребятам, кто без рук родились, даже не хотели сначала компенсацию назначить. Но это уже было слишком. Тогда поднялась шумиха в газетах, и им пришлось-таки раскошелиться. А этот ублюдок Стурджес — вот кто все это учинил, и ему за это даже рыцарское звание дали, вот сука. Он у них всем заправлял, и они все на его защиту встали. Это он сделал такое с моей девочкой, с моей Самантой, а ему за это — рыцарство за заслуги перед отраслью. Где же здесь справедливость хоть какая-то, а, где она? Думать даже об этом не могу...

Ну, и я сказал ей, что сделаю, чего она просит.

И после этого мы с Самантой завалились в постель и занялись-таки любовью. Мне было просто здорово, совсем не как с этой Сучкой. У меня все отлично получилось, и как мне офигенно сразу стало. И когда я кончал в нее, то видел перед собой только ее лицо, только ее прекрасное лицо, а не рожу этого траханого миллвалльского пидора.

Огрив, 1984

Слово «террористка» казалось Саманте Вортингтон комичным. А уж «международная террористка» — совершенно безумным. И это — про Саманту Вортингтон, выросшую в приюте под Волверхэмптоном, единственный в жизни раз ездившую за границу, — в Германию. Ну, еще она была один раз в Уэльсе. Всего две поездки, и каждая из них несла в себе опасность быть пойманной. Два момента, когда она чувствовала в себе больше жизни, больше удовлетворения, чем когда-либо, и растущее желание пережить этот момент еще раз.

— Так ничего не получится, — говорил ей Андреас. — Нам нужно лечь на дно на какое-то время. Потом мы снова вынырнем и снова ударим. А пока — нужно лечь на дно.

В каком — то смысле Саманта воспринимала возможность поимки как крайне вероятную, более того, где-то в глубине души даже видела в этом свою судьбу. Ее история выйдет наружу, и, хоть многие и будут осуждать ее, кто-то все-таки поймет. Начнутся споры и обсуждения, а это-то ей и было нужно. Она знала, что ее будут представлять или как хладнокровную психопатку, «Красную Сэм, международную террористку», или как глупенькую, невинную девочку, одураченную взрослыми негодяями. «Злая Ведьма» или «Доверчивый Ангел» — по любому неверный, но неизбежный выбор. Какую из двух ролей имеет смысл разыгрывать? Сколько раз уже эта мысль приходила ей в голову, и она репетировала обе партии в своем воображении.

Саманта знала, что ее правда бесконечно сложнее. Две силы владели ею: одна из них — жажда мести — толкала ее вперед; другая же — любовь — наоборот, сдерживала. И Саманта понимала, что она ничего не может с этим поделать. Она стала заложницей этих сил, пусть и добровольной. Андреас же излучал какую-то легкость, указывающую на то, что ему, возможно, и удастся все забыть, как только справедливость наконец восторжествует. Но в глубине души Саманта знала, что это маловероятная возможность. Не сам ли он начинал разговоры о том, что пора уже переходить от единичных случаев к проблеме государственного подавления в целом? Конечно, возможность все забыть потом была совсем маленькой, но пока она есть, Саманта останется с Андреасом.

Андреас, со своей стороны, понимал, что главное в их деле — дисциплина. Дисциплина и осмотрительность. От явных радикалов, помешанных на революции, их обоих отличало то, что они особо не высывались. Для окружающего мира они были обыкновенными гражданами, далекими от политики. Саманта всего лишь раз позволила себе сорваться.

Несколько ее лондонских друзей участвовали в Комитете поддержки шахтеров и уговорили ее поехать в Огрив. Когда она увидела, как загнанные в угол рабочие мужественно противостоят правительственным силам подавления, она не выдержала. Саманта пробралась в первые ряды, где пикетчики напирала на полицейские кордоны, охранявшие штрейкеров. Она физически ощутила потребность действовать.

Молоденький белорубашечный Мэт, прибывший сюда по вызову (обещали денежную компенсацию плюс переработку за верную службу хозяевам из правительства), не мог поверить, что вот эта девчонка без рук только что здорово заехала ему ногой по яйцам. Сквозь намернувшиеся на глаза слезы, задыхаясь от резкой боли, он увидел, как девчонка быстро растворилась в толпе забастовщиков.

Воинственные действия и внезапное исчезновение Саманты были также зафиксированы скрытой камерой, установленной в стоящем неподалеку белом микроавтобусе.

Лондон, 1990

Брюс Стурджес расслаблялся в шезлонге посреди своего просторного сада на самом берегу Темзы в Ричмонде. Денек выдался жаркий и приятный, и Стурджес отрешенно смотрел на медленно текущую перед ним речку. С проходящего мимо парохода прозвучал гудок, а люди на палубе замахали Брюсу руками. Стурджес был без очков и не различал ни парохода, ни людей на нем, но все равно ответил ленивым жестом на приветствие этого супа из солнечных очков и любезных улыбок, чувствуя себя заодно с ними. Потом, повинувшись непонятному самому себе порыву, он достал из кармана клочок бумаги. На нем тонким и слегка корявым почерком было написано следующее:

МОЙ ТАИНСТВЕННЫЙ ДРУГ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗВОНИ. ДЖОНАТАН.

Под этими словами был нацарапан номер, а рядом — большая X. Ах ты, жалкий маленький гаденыш. Неужели он и вправду верит, что Брюс Стурджес, СЭР Брюс Стурджес, станет компрометировать себя из-за маленького продажного мальчишки с панели? Там и так хватает немых маленьких пидовок, с лицами, на которых искусно нарисована невинность, то, что так притягивает Брюса. Нет уж, подумал он, на панели, конечно, много лакомых кусочков. Но ему нужен кто-то, на кого можно рассчитывать, что он не проболтается. Брюс скомкал одной рукой клочок бумаги, на секунду наслаждаясь сладким приступом ярости, который сменился мимолетным страхом, и Брюс, разгладив листок, снова убрал его в карман. Брюс Стурджес не мог заставить себя выбросить записку, вместо этого он снова принялся разглядывать пароходы, медленно проползавшие по беззаботной Темзе.

Мысленно он вернулся к своему прошлому, о котором частенько задумывался, после того как вышел на пенсию. Он всегда думал о прожитом с чувством глубокого удовлетворения. Посвящение в рыцари все еще будоражило его натуру. Ему нравилось быть Сэром Брюсом — и не только из-за лучших столиков в ресторанах, гостиничных люксов, директорских почестей и всех остальных привилегий славы, его титул доставлял ему эстетическое удовольствие, звучал чарующе.

— Сэр Брюс, — он тихо произнес снова. Как уже много раз раньше. И ведь все повторяли, что никто другой не заслужил этот титул так, как он. Брюс Стурджес медленно, но верно взбирался вверх по служебной лестнице, сначала — сотрудник отдела научных разработок, потом — менеджер, и, наконец, член совета директоров Юнайтед Фармакологджи, гигантской корпорации, производящей лекарства, пищевые продукты и алкоголь. Теназадрин, разумеется, слегка подпортил его карьеру. После той истории головы слетали направо и налево, но для Брюса Стурджеса это был лишь еще один корпоративный кризис, из которых он так быстро находил выходы-лазейки. Всегда находился кто-то пониже рангом и менее проницательный, на кого можно было свалить всю вину, а таких на одного Брюса Стурджеса приходилось довольно много. Его хладнокровные маневры вокруг той проблемы лишь повысили его личные акции как ловкого и умелого управленца.

Он оценивал случившуюся трагедию исключительно в фунтах стерлингов, в деньгах, потерянных компанией. Стурджес не хотел читать газетных статей с «социальной точкой зрения» или смотреть на теназадриновых детей, которых показывали по телевизору. Уродства и недостатки конечности совершенно не трогали его. Хотя когда-то это было не так — во время своего загула в Нью-Йорке, где им овладели соблазны анонимной жизни в огромном городе, проявилась та сторона его сексуальности, которую он пытался подавлять со школьной скамьи. Именно тогда он вдруг почувствовал, что значит быть не таким, как все, и он на время проникся сочувствием, страшно испугавшим его. Слава богу, это продолжалось недолго.

Он вспомнил тот день, когда он впервые ощутил на себе последствия истории с теназадрином. Он собирался разыграть партию в крикет со своими двумя сыновьями на Ричмонд Коммон. Установив ворота, Стурджес был уже готов к удару, как в его поле зрения попало нечто странное. Он заметил, хоть и в некотором отдалении, маленького ребенка — у него не было ног. Мальчик передвигался на каком-то подобии тележки, как на скейт-борде, отталкиваясь от земли руками. В этой сцене было что-то извращенное, даже неприличное. На какую-то секунду Стурджес ощутил себя доктором Франкенштейном в самые неприятные моменты истории барона.

Не он изобрел препарат, снова и снова повторял он про себя, он всего лишь купил его у фрицев, чтобы перепродать. Да, конечно, там были определенные недоговоренности, и даже больше — существовал некий отчет, который он скрыл. В отчете утверждалось, что испытания были неполными и что уровень токсичности препарата гораздо выше, чем предполагалось вначале. Как фармацевту, ему, конечно, следовало проявить больше внимания к этому вопросу. Но ведь речь шла о теназадрине, чудо-лекарстве, моментально снимающем боль. В прошлом ничего подобного с такими препаратами не происходило. И кроме того, конкуренты бы не заставили себя долго ждать, тут же появились бы желающие продавать препарат в стране. Они бы не стали мешкать, чего не мог себе позволить и Стурджес. Он подписал сделку с одним немцем, довольно странным парнем, в холле отеля Хитроу. Фриц нервничал, бормотал что-то о необходимости дополнительных испытаний и в завершение передал ему упомянутый отчет.

Но в препарат и так уже было вложено слишком много, чтобы отказываться от продаж. Много времени, денег, и, самое важное, от успеха предприятия зависело несколько будущих ключевых карьер, в их числе и карьера самого Стурджеса. Отчету не дали хода, он превратился в пепел в каминном пламени у Стурджеса дома в Западном Лондоне.

Все это промелькнуло перед мысленным взором Брюса, когда он увидел ребенка, и он впервые ощутил холодающее чувство вины.

— Вы продолжайте, ребята, — выдавил из себя он своим удивленным сыновьям и, покачиваясь, побрел назад к машине, пытаясь взять себя в руки и тяжело дыша, пока жуткое видение не исчезло. Тогда он вернулся и доиграл партию. «Ко всему привыкаешь», — подумалось ему. Типично английская особенность — умение

запаковывать вину и боль в отдельные, надежно спрятанные клеточки сознания, подобно радиоактивным отходам, похороненным в гранит в герметичных капсулах.

Он подумал о старике Барни Драйсделе, о том Барни, что был вместе с ним с самого начала.

— У меня такое чувство, Барни, будто за мной призраки гоняются, — сказал он как-то.

— Возьми себя в руки, старина. Ну, выпустили мы один сомнительный препарат, вот нас и поносят в газетах. Надо стиснуть зубы и держаться. Найдут себе скоро новую модную тему эти господа писатели. Всю жизнь работаем, чтобы людей спасать, двигаем фармацевтику вперед, и всем насрать. В такие моменты мы все должны держаться друг друга. А эти любознательные журналисты и прочие плаксы-ваксы просто не понимают, что прогресс требует жертв. Не понимают, и все тут!

Они хорошо поговорили в тот раз. У Брюса прямо от сердца отлегло. Барни, конечно, умел успокаивать. Именно он научил Брюса не думать, о чем не нужно, видеть лишь свои достоинства, оставляя чувство вины тем, кому оно нравится. Да-да, именно так и должен поступать настоящий англичанин. Брюс скучал по нему. Но Барни погиб при пожаре уже несколько лет назад, когда загорелся его особняк в Пемброкшире. В поджоге подозревали уэльских националистов из экстремистских группировок. «Свиньи», — подумал Стурджес. Пусть кто-то и называет это возмездием, Брюс в него нисколько не верил. Парню просто катастрофически не повезло.

Как же звали того фрица? Брюс продолжал напрягать свою память вопреки нагоняемой жарой дремоте. Эммерих. Гюнтер Эммерих. «Я ни одного имени еще не забывал», — подумал он с гордостью.

Подстава

Фирма подняла сто рыл, чтобы вальнуть Ньюкасл. Напрягов было много. После статьи этого суки Тэйлора это, похоже, будет последний матч сезона с полным стадионом. Работа началась по всем хатам и стрелкам. Настрой поддерживают, сучары.

Мы знали, что мусора будут в полном составе, полного валева не будет. В пятницу вечером мы с Балом раздали всем четкие инструкции в Могильском Морисе: дерьма при себе не иметь. На улицах и так всех подряд вяжут. Главное — мощь показать, типа, PR: пусть эти козлы джорди на своей жопе испытают кэжуэлсов кокни. Позакидаем их монетками-заточками, пошизуем и поорем, в общем, покажем им, что они отбросы, что истинная правда. Только во время самого матча ничего мутить не будем, на хрен нам полицейские отстойники своими бойцами кормить. Заправляем парадом одни мы с Балом, — ни одна сука из илфордских и рта раскрыть не смеет, не говоря уж о прочих сосунках.

В общем и целом план таков — мы в количестве тридцати двух рыл премся туда на собаках с Кинге Кросса, а на месте двигаемся прямиком в один джордивский пивняк — работает с одиннадцати, мы специально проверяли. Дополнительные рыл тридцать подвисают в барешнеке, который метрах в ста от нашего. Третья часть едет на чисто фанатском басы, с подкосом под шарфистов, в Ньюкасле будут около часа дня. Дальше они делятся на две группы и подгребают к занятым нами позициям по барам. Фишка в том, чтобы выманить ньюкасл на тему, а там мы уже их конкретно валим всем мобом. Мы уже в пятницу заслали вперед пару разведчиков, которые держат с нами связь по мобилам.

Но как старички иной раз пророчат — легко сказка сказывается, да не скоро дело делается, и не все у нас уж так гладко вытянуло. Ньюкасл для меня — особое дело — трудно, да сладко. Всякий скажет, что мужики там скорее шотландская левота, чем истинные англичане, — типа, немытые да некультурные. Поганое место — все холмы да холмы, а еще эти уродские мосты над грязной речушкой. Здешние северюги, тупые мудиры, лампочку втроем прикручивают, но зацепиться умеют и уж если стенка на стенку попрут, то стоят друг за друга горой. И тут завалить раз на раз трудновато. Только меня это мало колышет, по ебалу мне вынуть не стремно, меня такие темы только впирают, но вот сегодня чего-то настроя нужного нет. Мне все хочется быть там, рядом с ней, за много миль, в нашей прокуренной столице. Может, в клубе гребаном каком, а может, на сногшибательном рэйве, или что-то такое. И в экстази. Только мы вдвоем — она и я.

Ну так вот, слазим мы с поезда. Еще на Кингз Кросс пара мусоров сшивались неподалеку. Тоже сели с нами, но только сошли еще в Дархеме. Я, честно, думал, что они по рациям сообщат своим в Ньюкасле, и был готов к приему местных мусорков. Но вот мы слазим, а на платформе — полный голяк.

Бал орет:

— Где гребаные мусора? Ведь как в пустыне, бля.

— Какого хера, в чем дело? — беспокоится Риггси.

Тут я кое-что слышу. Пока еще далекий шуршащий топот, потом — крики. И вот они вылетают на платформу, многие с бейсбольными битами.

— ПОДСТАВА, БЛЯДЬ! — ору я. — ПОДОНКИ ДЖОРДИ И ИХ СРАНАЯ МУСОРНЯ! ПОДСТАВИЛИ НАС, БЛЯДИ!

— НИКОМУ НЕ БЕЖАТЬ! ПИЗДАНЕМ

БОМЖЕЕЕЕЕЙ! — Кидается вперед Бал, мы все — за ним. Я здорово вынул по спине, но все равно продолжаю валить народ и лезу в самое пекло. Меня впирает невыебенно. Все сразу забылось, ушло. За мной — плечо друга.

Я вхожу в раж. Вот она, моя лебединая песня! А я-то уже забыл, как это круто — подраться. Потом я подскользнулся, скользко на платформе, и меня завалили. Со всех сторон посыпались удары тяжелых ботинок, но я даже не стал укрываться: выгибался и сворачивался, отбивался и брыкался. Как-то умудрился подняться, это Риггси расчистил место, хуяря по джорди куском передвижной ограды. Я сразу кидаюсь на этого худосочного козла с бутылкой Кока-колы и ебашу его изо всех сил. Но тут он роняет свой блокнотик, и я врубаюсь, что это всего лишь один из этих мудил-трэйнспоттеров, который вляпался во все это дерьмо просто по ошибке.

Но вот подтянулись и мусора — знак для всех разбежаться по сторонам. Уже потом, на улице, ко мне подкатывается кекс с распухшим глазом.

— Суки кокни лондонские, — сипит он своим джордивским говорком, но видно, что он, сука, всего лишь прикалывается. Ну, и я в ответ посмеялся, и все.

— Нехуево попиздились, а? — говорит он.

— Ага, срубились на славу, — соглашаюсь я.

— Да, блин, меня тут так с таблетки развезло, неохота все обратно баламутить, — улыбается он мне.

— Ну да, все путем, — киваю ему в ответ. Он мне жест рукой делает — мол, все ништяк — и говорит:

— До встречи, братан.

— В этом можешь не сомневаться, джорди, — смеюсь я, и мы расходимся каждый в свою сторону. Отчаливаю в наш паб. На хвост мне садятся двое джорди, но что-то мне не светит заморачиваться, весь адреналин вышел.

Один из них спрашивает:

Ты, блин, не вест-хамовский случайно, а?

— Пшел ты... я шотландец, бля, — рычу им я своим джоковским акцентом.

— Ну, все путем тогда, прости, — отвечает он.

Захожу в кабак. Риггси и многие из ребят уже там, мы пробираемся на стадион и занимаем свои места — вокруг одни долбаные джорди. Пора, думаю, тусню затеять, но тут Риггси замечает палево — мусор шифрованный, он нас тоже засекает. Тихо спокойно смотрим первый тайм, но скучища задалбывает, и мы премся назад в наш пабешник. Вмочили паре кексов киями на бильярде, побили стаканов, пару столов перевернули и свалили.

Выходим наружу, а игра уже кончилась, смотрим — большую часть Фирмы мусора ведут эскортом к вокзалу, за нашими плетутся и орут джорди-хулиганы. Мусора подготовились основательно — и конница, и машины спецподразделения. Большого сделать мы уже не могли, хотя я был рад, что еду домой — к Саманте.

Бала впирало от всего выезда.

— Суки, блядь, запомнят нас надолго! — орал он на весь поезд.

И никто — ни илфордские, ни грэйзы, ни ист хэмы — никто не смел с ним спорить. Я взял у Риггси таблетку экстази — меня накрыло где-то возле Донкастера.

Шеффилдская Сталь

Я вижу его, эту суку Стурджеса. Этот парень скоро сдохнет за все, что он сделал с моей Самантой. Я скоро разберусь с тобой, старый хрен.

Этот хрыч паркует тачку на площади Пиккадили, в нее залезает какой-то молодой чувак, они разворачиваются, съезжают с проспекта и едут в сторону Гайд-парка. Я еду за ними. Их машина притормаживает у Серпентина. В темноте мне не очень видно, но я знаю, чем они там, суки, занимаются.

Где — то через полчаса машина снова трогается. Едут назад на площадь, где этот молодой пидорок и сходит. Пидора я за версту чую. Нарезаю несколько кругов, пока эта шлюшка возвращается на свое место, а Стурджес скрывается из виду. Торможу перед нашим гомиком.

— Эй, прокатиться не желаешь? — спрашиваю я.

— Давай, поехали, — отвечает он мне со своим северным акцентом, но даже акцент у него какой-то нереальный, не как парни на севере говорят.

— А как насчет отсосать, милашка? — спрашиваю у него, когда он забирается в тачку. А самого от него чуть не тошнит. Грязь какая. Не могу даже об этом думать.

Он внимательно смотрит на меня своими девчоночьими, блядь, глазами:

— Двадцать фунтов, в Гайд-Парке, а потом привозишь обратно.

— По рукам, — говорю я и завожу мотор.

— На это самое место, — настойчиво повторяет он.

— Да-да, все нормально, — я включаю магнитола погромче. Играет ABC: *Лексикон любви*, мой любимый альбом. Лучший альбом всех времен и народов, бля.

Едем в парк, и я торможу на том же месте, что и старый хрен с этой пидовкой.

— А ты уже здесь бывал, — улыбается он. — Странно, ты не похож на клиента... молодой такой. По-моему, мне это понравится, — шепелявит он мне.

«Мне тоже, приятель, — думаю, — мне тоже».

— Слушай, сам-то откуда?

— Из Шеффилда, — отвечает он.

Провожу пальцем по шраму на подбородке. Заработал пару лет назад в Шеффилде. На улице Брамалл Лэйн, велосипедная цепь. Звучит поэтично. Парни в Юнайтед — высший класс. А команда Венсдэй никогда мне не нравилась: мудье хреново.

— Ты кто — сова или клинок ?

— Что-что? — шепелявит он в ответ.

— Да я о футболе говорю, ты за Венсдэй или за Юнайтед?

— Я в футболе не очень разбираюсь.

— А эта группа вот, ABC, они тоже из Шеффилда. Помнишь, мужик такой в золотом костюме? Это он поет, «Покажи мне».

Маленький сучонок начинает колдовать над моим членом. Я просто сижу и улыбаюсь, глядя на его бритый пидорский затылок. У меня, конечно же, не встает.

Он делает паузу и поднимает ко мне лицо.

— Не переживай, — говорит он, — такое со всеми бывает.

— А я и не переживаю, приятель, — улыбаясь, отвечаю я и протягиваю ему двадцатку — ну, за старательность и все такое.

Мужик из ABC вовсю надрывается все с той же песней — «Покажи мне». Что ты мне там покажешь, ты, мудила?

— Знаешь, — говорит мне мой парень, — а я было подумал, что ты — коп.

— Ха-ха-ха... не-е, приятель, только не я. Мусора они, конечно, стрем наводят, вот и все. А я, я похуже стихийного бедствия для тебя, вот как.

Какое — то время он глядит на меня с недоверием в глазах. Пытается улыбнуться, но пидорская рожа парализована страхом, а я хватаю его за тощую шею и с размаха трахаю больного ублюдка о панель. Что-то у

него там лопается, и кровь хлещет по всей ебаной тачке. Я бью его еще, и еще, и еще...

— ТЫ, СУКА, ПИДОР ПОГАНЫЙ! ДА Я ВСЕ ЗУБЫ У ТЕБЯ ПОВЫБИВАЮ! Я ИЗ ТВОЕЙ ПАСТИ СДЕЛАЮ ПИЗДУ МЯГКУЮ, КАК У ДЕВЧОНКИ, ВОТ ТОГДА ТЫ МНЕ И ОТСОСЕШЬ КАК НАДО, БЛЯДЬ!

Я вижу перед глазами его лицо, этого парня из миллвалльских. Лионси. Лев Лионси, как они его называют. Он скоро объявится снова. Мой пидор вопит, когда я трахаю его о торпеду, а каждый раз, когда я поднимаю его башку, начинает умоляюще скулить:

— Пожалуйста, не надо... Я не хочу умирать... Я не хочу умирать...

Вот теперь у меня встал, как надо. Я натягиваю на себя его башку и трахаю, трахаю, трахаю его, пока он не начинает задыхаться и блевать, и его блевотина вперемешку с кровью льется мне прямо на ноги и яйца...

— ДАВАЙ, СУКА, НУ ПОКАЖИ МНЕ!

... крови гораздо больше, чем от Сучки, когда я трахаю ее во время месячных... и я кончаю, и перед моими глазами — Саманта, я кончаю прямо на лицо этого гомика... это все для тебя, моя девочка, ради тебя, но тут я понимаю, что на самом-то деле я кончаю прямо в башку этому окровавленному чудищу, этой вещи...

— АААААААААА, СУКА, ПИДОР ЕБАНЫЙ!

Я поднимаю ему голову: кровь, блевотина и сперма стекают тонкими ручьями прямо из его исковерканной рожи.

Я должен его прикончить. За то, что он со мной сделал, я должен его прикончить.

— Я научу тебя одной песенке, — говорю я, выключая магнитоу. — Понял? Не будешь петь, ты, жалкий йоркширский пуддинг — вырву яйца и в глотку тебе затолкаю, правда, понял?

Он кивает башкой, жалкий подонок.

— Вечность пузыри пускает...ПОЙ, СУКА!

Он что — то там мямлит своими раздолбанными губами.

— В небесах они лета-а-а-ют, высоко... И, как мои мечты, растают и умру-у-ут... ПОЙ! И вечно прячется судьба, хоть я ее ищу по-всю-ду, вечность пузыри пуска-а-ает...

ЮНАЙТЕД!

Я даже вскрикнул, когда мой кулак врезался в его распухшее ебало. Затем я открыл дверь и вытолкал его наружу — в парк.

— А теперь проваливай, ты, извращенец долбанный! — кричу я ему, но он лежит себе и, по-видимому, уже ничего не слышит.

Я завожу машину, отъезжаю, но тут же сдаю назад, останавливаюсь рядом. Готов переехать ублюдка, честное слово. Но мне нужен не он.

— Эй, слышь, педрила, передай своему дружку-пиздоболу, что он следующий в очереди, бля!

У Саманты — ни рук, ни нормальных отца с матерью, росла в сраном детском доме, и все из-за какого-то богатого ублюдка-пидора! Но я-то знаю, что скоро разберусь со всем этим, раз и навсегда.

Дома меня ждет новое сообщение на этом сраном автоответчике. Мамаша — никогда же мне не звонит обычно. Голос взволнованный, будто что-то серьезное стряслось:

— Приезжай срочно, сынок. Произошло ужасное. Позвони, как только появишься.

Вот возьми мою старушку — ни разу в своей жизни никому ничего плохого не сделала, и что она за это получила?

Да вообще ничего — полный ноль. А этот пидор, из-за которого детишки уродами рождаются, наоборот — у него самого и ему подобных ублюдков — до фига всего. Я начинаю гадать, что же такое могло стрястись с матушкой, потом вспоминаю про отца. Старый синяк, если он мать обидел, если хоть пальцем до нее дотронулся...

Лондон, 1991

Прошло три года. И вот, спустя три долгих года, он снова едет к ней. Разумеется, они несколько раз созванивались, но в этот раз она снова сможет *видеть* Андреаса. В последний раз они провели вместе уик-энд, единственный раз за пять лет их знакомства. Единственный уик-энд после той берлинской истории, когда они вдвоем умертвили малыша Эммерихов. Тогда Саманта почувствовала, как что-то надломилось в ней, и злые насмешки Андреаса вызвали в ней приступ агрессивной ярости. Ради него она была готова пойти на что угодно. И пошла. Кровь младенца — горькое вино причастия — объединила обоих в страшной преступной связи.

Самое смешное — она даже задумывалась, может быть, усыновить ребенка. Она представляла, как они могли бы устроиться в Берлине, — просто еще одна теназдриновая пара, с ребеночком. Она бы ходила гулять с малышом в Тьергартен, греясь на ленивом солнышке берлинского лета. Но Андреас, ему было нужно, чтобы она пожертвовала ребенком и доказала свою преданность их общему делу.

Она убила ребенка, но часть ее погибла вместе с ним. Когда она увидела перед собой маленькое, безрукое и безжизненное тело, она внезапно ощутила, что на этом кончается и ее собственная жизнь. А была ли она вообще? Саманта попыталась вспомнить моменты, в которые чувствовала себя по-настоящему счастливой. Они показались ей маленькими до неприличия островками отдыха посреди безбрежного океана душевной муки, называемого жизнью. В этой жизни не было места для личного счастья, оставалась лишь месть, снова и снова. Андреас утверждал, что они должны научиться преодолевать себя, выходить за рамки собственного эго. Буревестник не бывает счастлив.

Для Саманты это событие стало серьезным потрясением, почти два года она провела в кататоническом трансе. Когда она пришла в себя, она вдруг обнаружила, что больше не любит Андреаса. Более того, она поняла, что потеряла саму способность любить. И вот, впервые за эти три года она встречается с Андреасом, а в ее голове — один лишь Брюс Стурджес.

Она уже нашла Стурджеса. Он уже принадлежал ей. С холодной отчетливостью она осознавала, что не испытывает больше никаких чувств к Андреасу. Ей нужен только Стурджес. Он был последним.

Тот, другой, на даче в Уэльсе, оказался легкой добычей. Он не подумал об охране. Они с Андреасом наблюдали за ним в деревенском баре. Тогда ей казалось, что будет страшно влезать через то маленькое окошко, но нет, страха не было и в помине. После той истории в Берлине страха больше не было.

Андреас стоял в дверях. Абсолютно отстраненно она отметила, что хотя волосы его и поредели, но лицо сохранило мальчишескую свежесть. На его носу красовались очки в узкой металлической оправе.

— Саманта, — он поцеловал ее в щеку. Она замерла.

— Привет, — сказала она.

— Почему такая грустная? — спросил он улыбаясь. Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Я не грустная, — наконец сказала она, — я просто устала. Затем, без тени упрека, она заговорила: — Понимаешь, ты отнял у меня больше жизни, чем вся эта теназдриновая компания. Но я тебя в этом не виню. Так и должно было случиться. Просто на меня это все так подействовало, такая уж у меня натура. Кто-то, может, и умеет отпускать боль, но только не я. Мне нужен Стурджес. Когда я его получу, может, как-то успокоюсь тогда.

— Покоя не будет, пока хоть одна экономическая система основана на эксплуатации...

— Нет, — она подняла руку, останавливая его. — Такую ответственность я на себя брать не собираюсь, Андреас. Здесь для меня не существует никакой эмоциональной связи. Я не могу во всем винить систему. Конкретных людей — да, но я не могу абстрагироваться до такой степени, чтобы вымещать свой гнев на системе в целом.

— И именно поэтому остаешься рабом системы.

— Не хочу с тобой сейчас спорить. Я знаю, зачем ты здесь. Стурджеса трогать не вздумай. Он — мой.

— Боюсь, я не могу рисковать...

— Первый удар — мой.

— Как хочешь, — ответил Андреас, слегка закатив глаза. — Но на самом деле я приехал, чтобы говорить о любви. Завтра начнем планировать, а сегодня — ночь любви, нет?

— Любви больше нет, Андреас, пошел ты...

— Как грустно, — с улыбкой сказал он, — ну ладно! Тогда сегодня будем пить пиво. Может быть, пойдем в клуб, а? У меня все времени не хватало, чтобы лучше узнать весь этот эйсид-хаус и техно... Экстази я, конечно, принимал, но это было дома, с Марлен, чтобы лучше любить... или больше любить, я правильно сказал?

Саманта застыла при упоминании этого нового имени, догадываясь о том, что оно могло означать. Андреас подтвердил догадку, предъявив ей фото, на котором были женщина и двое маленьких детей, один из них совсем младенец. От фотографии веяло семейной идиллией. Саманта долго смотрела на нее и на лицо Андреаса, которое светилось гордостью и любовью. Она вдруг попыталась представить себе лицо ее собственного отца,

когда он увидел ее в самый первый раз.

— Покоя не будет, пока жива система, да, — вдруг холодно засмеялась она. Ее смех прозвучал резко и неестественно, и было видно, что это задело Андреаса. Она удовлетворенно усмехнулась. Впервые Андреасу было перед ней неловко, и ей нравилось, что именно она стала тому причиной.

— Все эти маленькие ручки... — продолжила она, опьяненная ощущением своей власти над этим таким знакомым человеком.

Андреас быстро спрятал фотографию своей культи и жалобно запричитал:

— Я ведь здесь, с тобой, разве нет? Разве я наслаждаюсь спокойной жизнью? Нет. Стурджес здесь, и я здесь, Саманта. Часть меня всегда оставалась здесь, всегда рядом с ним. Понимаешь, я просто не могу унять свою боль.

Хочешь тоже?

Добираюсь до своей старушки, и первая, кого я встречаю, — Сучка.

— А эта что здесь делает? — спрашиваю я.

— Не говори так, Дэйвид! Она же мать твоего мальчика, Христа ради, — говорит мне матушка.

— Что стряслось? Где Гэл?

— Его отвезли в больницу, — говорит мне Сучка, с сигаретой между пальцев, выдувая клубы поганого дыма через ноздри. — Менингит. Но с ним все будет в порядке, Дэйв, ведь доктор же обещал, правда, мама?

Ебаная сучка, мою мать мамой называет, будто она здесь дома.

— Ну и напугались же мы, правда, но с ним сейчас все в порядке.

— Ага, мы так волновались, — говорит Сучка. Смотрю на эту мерзкую коровью харю.

— Где он сейчас?

— Восьмая палата Лондонской...

— Если с ним что-нибудь случится, тебе конец! — обрываю ее, рывком бросаюсь к ее сумочке на столе и вытряхиваю из нее ее смолилки. — Вот это! Эта хуйня у него целый день в легких! — Сминаю пачку в бесформенный комок. — Еще раз застану курящей при ребенке — с тобой то же самое будет! Чего сюда приперлась! Нечего тебе тут делать! У нас с тобой ничего общего больше нету, ясно?

Выбегаю за дверь, мать кричит мне что-то вслед, но мне уже по фиг. Еду в больницу, сердце колотит, как сумасшедшее. Сучка ебаная, заразила его своими смолилками, как раз когда у меня момент такой важный. Захожу в палату, малыш спит. Просто ангел. Мне говорят, что с ним все будет в порядке. Пора уходить. У меня свидание сегодня вечером.

Я уже здорово взвинчен, когда добираюсь до места. Я следил за ними, я видел, как они входят и выходят, но сейчас мне надо зайти туда самому, в первый раз.

У меня мурашки по коже. Мне сразу поступает предложение от какого-то пидора, который, закатывая глаза, шепчет мне что-то о вечеринке в сортире. Посылаю его, куда надо. Мне нужен только один человек, он сидит у стойки бара. Его легко заметить — он тут самый старый. Подхожу и присаживаюсь рядом.

— Двойной брэнди, — говорит он бармену.

— А у вас благородный акцент, — обращаюсь к нему я.

Он оборачивается и глядит на меня так, как только глядят педерасты: эти мягкие рыбы губки, эти мертвые девчоночьи глаза. Меня прямо воротит от того, как он оглядывает меня сверху донизу, будто я траханный кусок мяса.

— Не будем обо мне. Поговорим лучше про тебя. Выпьешь?

— Ладно. Виски, пожалуйста.

— Ну, теперь я должен спросить тебя, часто ли ты сюда ходишь или что-нибудь настолько же малозначимое, — с улыбкой говорит он.

Сука, старый педераст.

— В первый раз, — говорю ему я. — Если честно, мне уже давно хотелось... понимаете, простите, что об этом заговорил, но я подумал, что вы, уже не такой молодой человек, будете осторожней других. У меня жена и ребенок, и мне не хочется, чтобы они узнали, что я ходил в такое место... понимаете.

Он поднимает свою мерзкую руку, наманикюренные ногти, ладонью вверх, останавливая меня.

— Мне кажется, у нас происходит то, что наши друзья-экономисты обозначили бы как взаимное совпадение желаний.

— Что происходит?

— Мне кажется, нам обоим хочется неплохо поразвлечься, но тихо и так, чтобы никому об этом не стало известно.

— Никому не известно... да. Именно этого мне и хотелось бы. И неплохо поразвлечься, конечно. Как раз то, что надо.

— Давай-ка уйдем из этой зловонной ямы, — вдруг предлагает он мне, — у меня от этого места мурашки идут по коже.

Меня так и подмывает сказать ему на это, что а фигли, если ты сам педераст-извращенец, но я помалкиваю, и

мы выходим. Саманта уже, наверное, ждет в сарае, я дал ей ключи.

На минуту мне кажется, что этот старикан-панталонник не захочет ехать в какой-то ремонтный сарай на самом краю Ист Энда, но его это как раз и возбуждает, похотливую суку. Посмотрим, как его возбудит это через пару минут.

Садимся в мою тачку, и, пока мы молча катимся, я иногда смотрю на это морщинистое, черепащее лицо в зеркало заднего вида; оно напоминает мне мультяшного героя — черепашку Тушу; и я думаю о том, что Саманта просто использует меня и что я веду себя, как большая нюня, но это и не важно, потому что если чувствуешь к человеку такое, что я чувствую к ней, то что угодно для него сделаешь, что блядьяхуй угодно, и все тут, и я, сука, отправлю-таки этого ублюдка в мир иной на хуй, в преисподнюю для извращенцев и пидоров...

В ремзоне

У меня в кассетнике стоит ABC, как раз на *Всем сердцем*, от которой мне так грустно становится, учитывая мои собственные обстоятельства. Я готов расплакаться, как девчонка, и чувствую, что от меня от самого повеяло голубиной, потому что этот пидор вдруг спрашивает меня:

— Все в порядке?

Но мы уже приехали. Я глушу мотор.

— Да-да... знаешь... у тебя уже такой опыт, наверно. А я все-таки стесняюсь немного. Ну, и то, что мы сейчас с тобой этим займемся, ведь не значит, что мы своих не любим, правда...

Сука — извращенец кладет мне руку на плечо.

— Не беспокойся. Ты просто немного взволнован. Пойдем, — говорит он, вылезая из машины, — мы уже слишком далеко зашли, чтобы теперь поворачивать назад.

Да, он, конечно, прав. Я тоже выбираюсь наружу и подхожу к воротам. Открываю навесной замок, распахиваю створки. Когда мы оба заходим, я закрываю их обратно и веду его к боксу.

Саманта врубает свет, я хватаю одной рукой эту черепашку-ниндзя за костлявое сухое горло, и сильно бью его по роже другой рукой, сжатой в кулак. Это то, что мой старик называл поцелуем из Глазго. Потом стряхиваю его на пол и пизжу ногой по яйцам.

Саманта тут же подбегает и исполняет что-то типа танца, взмахивая своими обрезанными крылышками, как в пинбол-машине, радуясь, как дитя, и кричит:

— Ты взял его, Дэйв! Взял мерзавца! Он теперь наш! — Она бьет его ногой в живот. — Стурджес! Ты обвиняешься в преступлениях! Считаешь ли ты себя, на хуй, виновным! — вопит она и склоняется над подонком.

— Кто вы такие... у меня есть деньги... я могу достать много денег... — стонет в ответ хитрый ублюдок. Саманта глядит на него, будто он ебнутый какой.

— ДЕНЬГИ-И-И... — визжит она, — НЕ НУЖНЫ МНЕ ТВОИ ГРЕБАНЫЕ ДЕНЬГИ-И-И... что мне

делать с трахаными деньгами! Мне нужен ты! Ты для меня важнее любых траханных денег на земле! Ты ведь наверняка даже не мечтал, что доживешь до того, чтобы тебе такое когда-нибудь говорили, правда, а?

Я запираю ворота на замок и цепочку, потом возвращаюсь черным ходом и закрываю дверь офиса на задвижку. Саманта все издевается над нашим педрилой, а он умоляет ее о пощаде, как огромная баба.

Она кивает мне, я поднимаю и тащу мудилу к большому столу. С его мерзостной рожи стекает кровь вперемешку с соплями, он причитает, как старуха, не может принять свою кару, как мужчина. Но я другого от этого яйцелиза и не ожидал.

Кладу его на стол лицом вниз. Мимоходом вдруг замечаю, как выражение лица его странным образом меняется, должно быть, он думает, что я и в самом деле сейчас засажу ему в задницу поглубже... будто он нам *для этого* понадобился. Я привязываю его запястья куском электропровода к ножкам стола, а Саманта сидит верхом на его ногах, удерживая его, пока я не дошел до них.

Завожу бензопилу, Стурджес начинает вопить, но тут до меня доходит посторонний звук — кто-то сильно стучит в двери. Это ебанные копы, и, судя по шуму, их там до фига.

Саманта кричит мне:

— Не пускай их, не пускай, бля, — она пытается удержать пилу ступнями прямо над Стурджесом, который уже ополоумел, пытаясь вырваться из своих пут. Этот замок долго не выдержит. Даже не знаю, что сделать, — тут я замечаю огромную алюминиевую щеколду: охуенно крепкая, но только без болта. Я засовываю внутрь свою руку по самый локоть, так что он как раз получается напротив щели между дверью и стенкой. Я слышу дурацкий голос кого-то из мусоров через громкоговоритель, но не могу разобрать, что он бормочет, все, что я слышу — это песня «Отравленная стрела», гремющая у меня в ушах. Потому что это она разбила мне мое ебаное сердце, она знала, как все будет, с самого начала.

Саманта уже добралась до него, я слышу, как жужжит пила, боль в руке становится почти невыносимой, этой рукой я уже никогда после этого не свалю миллвалльского Лионси, будто это сейчас имеет значение, я оборачиваюсь и кричу Саманте:

— Сделай ублюдка, Сэм! Давай, девочка! Сделай его!

Жужжанье пилы сменяется лязгом, когда лезвие врезается в плоть, чуть ниже плечевого сустава, кровь хлещет фонтаном, заливая цементный пол бокса. Я представляю, какой бардак тут останется для старины Бала, который ему совсем не порадует, но об этом сейчас даже смешно думать, потому что пила уже прошла через мясо Стурджеса и вгрызается в самую кость. Саманта уперлась задницей в стол, с зажатой между ступнями пилой, и буквально отрывает орущему ублюдку руку... Боже, у нее такое же лицо, как когда я трахаю ее, и я

вдруг слышу новый треск, на этот раз из меня самого, моя собственная долбаная рука, и мне так больно, что я сейчас отключусь, но, пока я падаю, я успеваю заметить, как на меня глядит Саманта. Она что-то кричит, я ничего не слышу, но я знаю, я читаю по ее губам. Она вся в крови своего мерзавца, кровища повсюду, но она улыбается, как маленькая девочка, заигравшаяся в грязи, и я вижу, что она говорит: я люблю тебя... и я повторяю то же ей в ответ, и тут я вырубаюсь, но мне уже по фиг, потому что это самое крутое чувство в мире... вечно прячется судьба... но я нашел ее, потому что люблю и потому, что я сделал это для нее... искал повсюду... мусора мне теперь тоже по фиг, все кончено, но мне насрать... вечность пузыри пускает...

В небесах...

они...

летают...

высоко...

Пролог

Меня это уже порядком достало: ведь ничего не происходит, и я, наверное, заглотил простой парацетамол, но ладно, хрен с ним, нужно просто бодриться; и малютка Эмбер чешет меня по загривку и твердит, что все еще будет клево, тебя потащит, все зазвучит 3D, и я чувствую, что меня накрывает, да еще как, — невидимая рука хватается за волосы и поднимает меня аж на самую крышу, потому что музыка вдруг звучит во мне, вокруг всего меня, льется из моего тела, вот это да, вот это да, и я смотрю вокруг, и мы взлетаем ввысь, а глаза у нас, как огромные черные дыры, излучают любовь и энергию, и у меня в животе начинается буря, и слабость кругами расходится по телу и мы по одному выползаем на танцпол, и, похоже, мне скоро будет нужно на толчок, но я держусь, и все проходит, и я лечу на ракете к русским...

— Да-а, хорошая штука, — говорю я Эмбер, и мы вместе начинаем медленно и постепенно входить в ритм.

— Просто супер.

— Да уж, ничего, — слышен голос Алли.

Но вот к пульту выходит мой любимец, сегодня он в ударе, он будто играет на наших коллективных психо-гениталиях, распластанных прямо перед нашими телами, и мне во весь рот улыбается та богиня в лайкровом топе, ее загорелая кожа блестит под тонким слоем пота, и она притягивает, как холодная бутылочка Бекса в жаркий душный день, и сердце у меня начинает свое бум-бум-бум — Ллойд Буист прибыл по вашему распоряжению, и танец в NRG, и танец в U4E уносит меня ко всем чертям, и мы с Алли, Эмбер и Хэйзел совершаем свои скромно-эротичные маневры, и вдруг прямо на меня валится этот тупица, потом лезет обниматься и просит прощения, я слегка шлепаю его по каменному животу — ну и пресс у человека, и благодарю бога, что мы все в таблетках и здесь в клубе, а не в алкашке в пабе, скажем, в «Эдже», и не убранные в хлам, нет уж, я эту дрянь и пальцем не трону... у-ух, ракеты-ракеты... у-ух ты, ведь еще сильнее накрывает, и я уверен, вот прямо *сейчас* и нужно влюбиться, щас-щас-сейчас, но не во весь мир, а в нее, в эту волшебную одну, давай смелей, давай смелей — здесь и теперь, взорви свою долбаную жизнь за одну секунду, доступную лишь между ударами твоего сердца, давай прямо *щас*... да ладно... это же просто кайфушка, ничего особенного...

Потом нас плющит в берлоге Хэйзел. Алли ставит нам Slam'a, — все это очень мило, но только его уж совсем безумно пробивает на разговоры, а меня так и тянет подвигаться, хотя нет, по-моему, меня скорее тянет перепихнуться. От этих амстердамских плейбоев реально крышу рвет, честное слово. Уф-ф-ф-ф!

А здесь полно девчонок. Люблю я их, лапок, — такие красивые, особенно когда ты в таблетке. Америку я, конечно, не открываю — любой парень может повторить то же самое. Я где-то читал про то, что девчонки всегда или святые, или бляди. Но, по-моему, это как-то слишком упрощенно... бред какой-то. А может, это было про то, что это так парни обычно на девчонок смотрят. Спрашиваю у Алли, что он думает про все это.

— Да ну, это бред, просто примитив какой-то, парень, — отвечает он. Улыбка Алли удивляет и притягивает, будто он глазами пожирает каждое вылетающее из твоих уст слово. — У меня есть своя теория, Ллойд. Девчонки делятся на следующие категории: Тусовщица — раз; Домоседка — два; Сучка-с-Сумочкой, три; Тусовщица — четыре...

— Стой, ты уже называл Тусовщицу, — поправляю

его я.

— Погоди, да... Тусовщица, Домоседка, Сучка-с-Сумочкой и Охотница-За-Мужиками, вот тебе четыре вида баб, — обводя глазами комнату, улыбается мне Алли. — Слава богу, мать твою, здесь все больше Тусовщиц.

— Ну и как ты определяешь эту свою Тусовщицу, интересно знать?

— Хрен знает... ведь все это, в конце концов, на уровне интуиции, правда... слушай, Ллойд, а ты уже съел свою вторую, а?

— Нет еще.

Какие — то хиппы в углу жгут индийские вонючки, приятный запах легким дуновением щекочет мне ноздри, и я приветливо киваю в их сторону. -Не-а...

— Но ведь скоро будешь, а?

— Да нет, наверно... меня и так еще колбасит реально. Может, на футбол себе завтра с утра оставлю.

— Ну-у, не знаю, Ллойд, правда... — Алли дуется, как карапуз, у которого отнимают конфетку.

— Ну ладно, фиг с ним, сегодня у нас особый случай, — говорю я, точно так же, как и любой другой парень сказал бы про субботний вечер, ведь любой субботний вечер у нас — это особый случай. Мы глотаем свои таблетки, и адреналиновый приход от осознания того, что ты всадил в себя еще немного химии, вставляет нас еще больше.

— Тусовщицы, в свою очередь, слушай-слушай, делятся на две большие группы: Девчонок-О-Привет и Сексуальных Феминисток. Домоседки не притрагиваются к наркоте, вот так вот, приятель, а трахаются они исключительно с бессловесными придурками типа них самих, у которых в голове ничего и нет, кроме их

идиотских домиков-садилов и подобного же дерьма. Вот такие они, самые настоящие Праведные Домоседки, и видно их за версту. А есть еще и скрытые Праведные, такие типа постфеминистки, читают *Гардиан* и *Индепендант* и увлекаются поиском своего места в жизни и всякой такой фигней. И разгадать их не так просто: если они не лесбиянки, то помни — их легко можно принять за Сексуальных Феминисток. Не всегда, конечно, но случается.

Случилось чудо — Алли, наконец, накрыло.

— Э-э-эй, кто хочет посмотреть, как мальчика Бойла не по-детски колбасит! — кричу я громко. Несколько человек подходят к нам ближе, а Алли гонит свою телегу дальше, как ни в чем не бывало.

— Девчонки-О-Привет — это самый сок, парень, но об этом чуть позже. Сучки-с-Сумочкой изрядно бухают и трахаются с качками. Одеваются по-уродски и почти никогда не подъезжают к умникам, хотя в последнее время с Сучками это случается все чаще и чаще. Это те телки, что на дискотеках отплясывают вокруг своих сумочек. Охотницы — это самое дно, парень: ебут все, что движется, и в основном алкоголички. Что касается Девчонок-О-Привет, то я их так называю, потому что они всегда тебе кричат «О! Привет!», когда тебя видят.

— Эмбер, а ты ведь всегда так и говоришь, — влезает Хэйзел.

— Ну и что? — отвечает Эмбер, пытаюсь понять, в чем дело.

— Только здесь необходима осторожность, — продолжает Алли, обращаясь по-прежнему ко мне, — потому что Сучки иногда могут говорить то же самое. А отличить их можно только по тому, как они это говорят.

— Ты что, малыш, меня в Сучки записываешь? — громко возмущается Эмбер.

— Да нет, что ты... Твой «О! Привет!» звучит довольно клево, — улыбается ей Алли, и Эмбер тает на глазах. Ну ни хрена себе — меня снова накрывает с головой, как и Алли. — Ты самая типичная Привет-девчонка, из всех Тусовочных, вы и есть самые главные на любой вечеринке. Самые классные из вас вырастают в Сексуальных Феминисток, те, что поскучнее, могут застрять с каким-нибудь буфетным идиотом и превратиться в Домоседок. Вот что я тебе еще скажу, Ллойд, — он с улыбкой оборачивается в мою сторону, — в восьмидесяти процентах случаев парни раньше баб теряют приколом и начинают зависать дома.

— Да ладно!

— А ведь Алли прав, — встревает вдруг кто-то. Это Ньюкс.

— Вот видишь? Просто тебе все время скучные бабы попадались, ты, сучара! — Алли смеется и лезет ко мне обниматься.

У — у-у-ф! Как меня здесь прибивает, такое чувство, что у меня сейчас все мозги вырутятся вместе с потом через эти поры на коже.

— Лучше пойду подвигаюсь, а то на всю ночь здесь зависну... Ньюкс...Ну-ка помоги нам спуститься на пол.

— Я ослеплен, я ослеплен... этим безумным ярким, сука, светом... правда, была такая песня, а... мне надо срочно принять сидячее положение, — тянет Ньюкс, от него исходит божественная аура. Я поднимаюсь и неуверенно трогаюсь в сторону динамиков.

— Эй, Ллойд, оставайся с нами, еще попиздим, — кричит мне Алли. Зрачки у него становятся чернее и чернее, а веки тяжелеют на глазах.

— Сейчас вернусь, Алли. Что-то здорово вставляет это диско. Сейчас тут будет реальный диско-tech-a.

Ухожу от Алли — танцевать с Эмбер и ее подружкой Хэйзел, настоящими Тусовщицами, по любому раскладу — просто слюнки текут, как они классно смотрятся вдвоем. Они похожи на два радужных праздничных коктейля, соблазнительно выставленных на стойку бара в Старом Орлеане. Сначала я просто переминаюсь с ноги на ногу, но потом ноги ловят какой-то ритм, и мне становится очень хорошо. Странные ощущения в гениталиях — я вспоминаю, что как-то трахнул Эмбер, где-то в прошлом году на вечеринке, а теперь смотрю на нее и думаю, с чего это у нас больше ничего не было. Я первый подхожу к ней:

— Слушай, хочешь пойдем в спальню для божественной встречи душ и не только?

— Ответ отрицательный, с тобой у нас ничего не будет. Вот с Алли бы я покувыркалась — он сегодня такой классный, просто жуть.

— Конечно, конечно, конечно, — улыбаюсь я ей в ответ, поглядывая на Алли, который со своим tenerифским загаром и впрямь смотрится молодцом, хотя надо сделать скидку на то, что когда ты в Е, то все вокруг кажутся красавцами. Алли делает мне знак подойти, и я машу ему в ответ. Все такое гигантское и белое.

Еще не глюки, — но сердечко стучит, а пот выступает на жарком теле.

— Налетай на минералку! Как самочувствие, команда?

— Офигенная музыка, Эмбс... запишешь мне... это Slam, что ли? Slam, да?

Она на секунду опускает веки, потом резко открывает глаза и с серьезным лицом кивает:

ОООООООООО-АААААААААААААААА АААААААААААААА-ОООООООООООО
 ОООООООООООООО!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Как я люблю это состояние — сердце колотится после оргазма и нитрата. Обалденное ощущение, когда твой собственный организм постепенно приходит в норму, замедля сердечный ритм, и все такое.

— Это было классно! — выпаливает Хэйзел.

— Это было... -я пытаюсь подобрать подходящее слово, — сочно. Сочно, с фруктовым вкусом.

— Интересно, кто-нибудь пойдет пить коктейли в Старый Орлеан сегодня или завтра или сейчас уже вечер?

Мы еще немного треплемся и идем обратно к остальным. Поразительно, как можно сблизиться с человеком, которого ты вроде совсем не знаешь, но только пока вы оба на экстази. Вот Хэйзел, совсем вроде как незнакомая девчонка, а потрахались так классно, и все из-за таблеток. По трезвой лавочке о такой близости и мечтать не приходится. Такую близость нужно растить и лелеять, я серьезно.

Алли тут же рядом.

— А малышка Хэйзел — ничего куколка. А ты-то хорош, похотливый ублюдок. Еб твою, Ллойд, жаль, что мне не шестнадцать, вот бы нам тогда все дела, а? Панк не панк, но по сравнению с тем, что сейчас, — совсем не тянет, прикинь, а...

Смотрю на него, потом оглядываюсь на комнату.

— Но зато у тебя и сейчас — все дела, сучара, тогда был панк, но вот появляется что-то новое — и оно становится вдруг твоим, потому что ты не хочешь становиться взрослым. Ешь свой кусок пирога, парень, бери от жизни все. Только так и стоит жить, ведь так, а?

— Сегодня сожрешь свой пирог, а завтра что сосать будешь, врубаешься?

— Офигенно сказано... слушай, а как на Тенерифе-то было? Ты мне ведь так ничего и не рассказал.

— Просто супер. Круче Ибицы, без шуток. Жаль, что не поехал, Ллойд. Прикололся бы здорово.

— Да я ведь собирался, Алли, да сраных бабок не хватило. Не умею я копить, и все тут. А что насчет этого Джона Богуида на прошлой неделе? Как прошло?

— Джона Богхэда, что ли? Да дерьмо собачье.

— Ну?

— Бывает, а что.

— Ну да... я так и не врубился до конца в то, что он крутит... но кое-что на самом деле ничего... ах ты, все-таки какой сучара...

— Да знаю, ладно. Слушай, ты просто должен трахнуть Эмбер. Она тебя хочет, парень.

— Иди ты, Ллойд, я еще тебе здесь Эмбер трахать стану. Мне и так уже стыдно бегать за девчонками, запаривать и трахать, а потом прятаться до следующей пятницы, хватит, уже достало. Как будто мне пятнадцать, блин, лет, когда только и ждешь, как бы потрахаться и поскорее свалить. Я просто возвращаюсь обратно в сексуальное младенчество, правда, слушай.

— А что там дальше бывает, за младенчеством?

— Ну, ты уже так не спешишь, ласкаешь девчонку сколько нужно, доводишь до оргазма, находишь клитор, лижешь... это у меня было с шестнадцати до восемнадцати. А после, уже до двадцати, мне нравились позы. По-разному пристроиться, и сзади, и на стуле, и в задницу, и все такое — сексуальная аэробика. Следующий этап — найти девчонку, с которой можно настроить друг друга в такт внутреннего ритма. Будто вместе играешь музыку. Но вот что я тебе скажу, Ллойд, по-моему, я прошел и эту ступень, и теперь по кругу возвращаюсь к началу, а мне бы хотелось двигаться вперед, вот как.

Я пытаюсь его утешить:

— Может, ты просто уже все попробовал?

— Да нет, не может быть. Мне нужна такая близость, чтобы под кожу проникала — прямо в мозги, как в астрал выходишь. — Он приставил свой указательный палец к моей голове. — И теперь должен начаться именно этот этап, пока я такую близость не найду. Но пока у меня такого не получалось. Внутренний ритм был, но до духовного слияния еще ой как далеко. Таблетки, они, конечно, помогают, но полное слияние возможно, только если вы одновременно позволите друг дружке прямо в головы свои забраться. Это настоящая коммуникация, парень. И ни с какой Тусовщицей у тебя такого не выйдет, пусть вы оба и в экстази будете. Тут нужна любовь. Вот что я хочу найти, Ллойд, — любовь.

Моя улыбка отражается в его огромных зрачках, и я говорю:

— Да ты, блин, настоящий философ секса, мистер Бойл.

— Да нет, я сейчас не шучу. Я на полном серьезе любовь хочу найти.

— Наверное, мы все ее ищем, а, Алли?

— Понимаешь, Ллойд, вполне возможно, что ее не надо искать. Может, это она сама тебя должна найти.

— Ну да, но пока не нашла, трахаться ведь с кем-то надо, а?

Позже Эмбер плачется мне, что Алли ей отказал, не стал с ней спать и еще сказал, что любит ее не как любовник, а как друг. Ньюкс с нами на кухне разводит руками, будто все это ему тяжело переносить, и говорит:

— Все, пора идти... до встречи...

Но я замечаю, что он, сука, валит вместе с этой девчонкой, и для всех это как будто знак расходиться по домам, но я остаюсь и пытаюсь объяснить Эмбер с Хэйзел, что в голове у Алли, и мы делаем себе по паре дорожек кокса, встречаем рассвет и болтаем про все на свете. Хэйзел идет-таки спать, а Эмбер хочется еще говорить. Но и она наконец срубается, сидя прямо на кушетке. Я лезу во вторую спальню, беру там плед и накрываю ее. Она смотрится так безмятежно. Ей, конечно, нужен хороший парень, который будет заботиться о ней, а она о нем. Я подумываю, а не пойти ли и мне завалиться спать с Хэйзел, но чем меньше в наших организмах МДМА, тем большая пропасть вырастает между нами. Иду домой, и, хоть я в церковь не хожу, все же молюсь за Эмбер, чтобы у нее появился парень, а у нас с Алли по той единственной подруге. Я не верю в бога, но мне нравится мысль, что друзья должны желать друг другу хорошие вещи; мне нравится верить в доброту, которая рассеяна повсюду вокруг нас в нематериальной реальности.

Дома съедаю пару яиц, запивая их бутылочкой «Бекса», и валюсь в постель, где на меня находит странный, беспокойный сон. Я в Сучьем городе, в знакомом мне районе Трахну-во-все-дырки-блин.

1. Хедер

Печатаешь свой отчет в редакторе, зашитом в программный пакет персоналки, и Брайен Кейс, *мистер Кейс*, оборачивается на тебя и, похотливо улыбаясь, произносит:

— Ну и как сегодня чувствует себя свет моих очей?

Но что ты думаешь на самом деле, так это то, что я вовсе не «свет твоих очей», а если ты серьезно так считаешь, то тебе он скоро понадобится, ты, тормоз и жалкий придурок, но мне нужна работа, а не заморочки, приходится просто улыбаться и выводить тупые данные на монитор.

Только очень обидно внутри.

Обидно, потому что ты не та, кем тебя называли, не такая, какой тебя видят. Это обидно.

По дороге домой я решила заглянуть в паб. В этот бар в Ист Порте. Последние две недели я каждый день подходила к дверям, пробовала набраться храбрости и зайти внутрь. Смотрела на всех этих пьянчуг, прислушивалась к шуму, странному отвратительному гоготу, принимаясь к вонючему дыму. Когда я, наконец, решилась и вошла, со мной, вопреки ожиданиям, не произошло ничего необычного, никакого потрясения. Я даже не поняла, что нахожусь в баре, пока не попросила морщинистого старикана за стойкой налить мне джина с тоником. Что я все-таки здесь делаю?

Я никогда не хожу в

Я никогда

Это Лиз попросила меня встретиться с ней. Лиз. Но ее самой еще нет.

Похоже, днем в баре бывают одни мужики, хоть они тут все и отделали по-современному. Один членовоз глядит на меня, будто я снимаюсь. Вот прямо здесь. В баре Ист Порт. В Данфермлайне. Здесь — ха-ха, смешно! Должно быть смешно! Но мне почему-то не до смеха. Свое я уже отсмеялась. Потому что слишком много смеялась, когда смеяться было не над чем.

А вот и Лиз. Беру с ее джином еще один для себя. Мы с Лиз все еще дружим, хотя нас и развели по разным офисам. Официальное обоснование — для профессионального роста необходимо уметь работать с новыми людьми в новой команде в новой области. Умение приобретать новые навыки. Вот что наш профсоюз выторговал для наших боссов — более гибкое руководство. И теперь нужно вводить старые данные в новую машину в новом офисе. Разумеется, на самом деле нас перевели просто потому, что нам хорошо работалось вместе, а им не нравится, когда людям *слишком* хорошо на работе.

Лиз старше меня. Она не вынимает сигарету изо рта и беспрестанно пьет джин. *Живу я с Хью, а для души у меня Лиз*. И Мэри...

2. Ллойд

Крыша у меня малость съехала, скорее всего из-за того, что я схавал пару тазепамов, чтобы сняться. Тупость и убожество — вот что меня окружает. Новостройка. Я гляжу на мир из трущобного окошка. Рядом с кроватью звонит телефон. На том конце провода Ньюкс.

— Привет Ллойд... это я.

— Ньюкс. Привет. Ну что, отпустило вчерашнее... или сегодняшнее уже? Я чего-то убитый, на хрен, а. Нажрался сраных транков, чтобы сняться...

— Слушай, не гони, а. На футбол чапаешь?

— Не-а... лучше пивка попью.

— А я бы сходил заценил видуху с новых трибун, а чего.

— Да пошли они в зад, эти новые трибуны.

— Вроде они и ничево... да уж, блин, получше старого дерьма Джамбо.

— Ага, эта дешевая плоская фигня из пластика. Гэри Маккей как-то расхерачил одну, когда в Скайе не было игры. Я, по-моему, больше полутора часов на таких и усидеть не мог, знаешь, Ньюкс...

— Ну что, дружок, оттянемся там по полной?

— Заметано.

— Тогда забьемся в Виндзоре через полчаса. Но только Алли не звони, а. А то если я еще раз услышу, как этот гад опять треплется про то, как круто было на Джоне Дигвиде на прошлой неделе или о прекрасном Тенерифе, я его просто из лобового окна под автобус выкину.

— Ну ладно... хотя мне этот везунчик прогнал, что Дигвид был говна пирога.

— Да он и про Тони Хамфриса то же самое несет. Каждый вечер начинается с одного и того же — и то дерьмо, и это дерьмо. Потом позже слышишь, что вроде не так уж плохо, а под утро — так просто все было зашибись.

Иду в душ, стараюсь хоть как-то взбодриться. Чертовы транки, больше ни в жизнь принимать не буду. Выползаю на аллею и сталкиваюсь с Ньюксом. И вдариваем по алкашке. Да еще по паре транков, чтоб денег поменьше тратить. Ньюкс объяснил это так: если пару таблеток запить четырьмя пинтами, то эффект тот же, что и от тридцати. На кой дарить деньги сукам-пивоварам, да еще и время почему зря тратить?

День превращается в мутный вечер.

— Слушай, Ньюкс, по-моему, мне уже совсем голову сшибло, — говорю я.

И вот я снова в городе убранных, в стране пустых голов, я с трудом осознаю, как бармен из Планеты Лит затягивает меня внутрь. Он чего-то говорит мне, но я ни фиги не могу разобрать. Вываливаюсь наружу. За дверью я слышу, как Ньюкс выводит Хибсовые марши, но ублюдка нигде не видно. Кто его разберет, куда мы забрели, ясно, что где-то в центре. Слышу, как надо мной смеются, пижонские голоса. Потом я снова оказываюсь в такси, и снова — в каком-то литском пабе. Слышу, как какой-то парень кричит, указывая на меня:

— А вот чувак, который трахнул свою сестру, — пытаюсь что-то сказать в ответ, но я слишком пьян, а тут другой парень и говорит:

— Да нет, это же Ллойд Буист, брательник Воана Буиста, слышишь. Ты спутал его с другим Ллойдом, а того зовут Биатти.

— Слушай, не лепи нам, что в Лите найдется целых два Ллойда, — говорит один из ребят.

После этого я только помню, что общался с одним своим приятелем, Вудси, не видел его уже тыщу лет, и он гонит мне что-то про Бога, выпивку и экстази. Потом отвозит меня к себе, и я выключаюсь.

3. Хедер

Хью дома. Он возвращается с работы позже меня. Работа более ответственная. Он ответственный. За что он там отвечает?

— Ну, как был день? — улыбается мне он, на секунду прекращая насвистывать своих Дайер Стрэйтс «Деньги впустую».

— Нормально, — говорю я, — неплохо. Что будешь к чаю?

Нужно было, конечно, раньше чего-нибудь приготовить. Но мне было абсолютно по фиг.

Я почти целый час занималась ногтями: стригла, полировала, красила, на все нужно время. Которое просто летит.

— Все, что есть, — отвечает он, включая новости.

— Яичница на тосте подойдет?

— Супер.

Отправляюсь готовить яичницу и кричу с кухни:

— А как у тебя?

— Нормально, — кричит он в ответ из гостиной, мы с Дженни делали презентацию по зонированию для районного управления. Мне кажется, все прошло хорошо, — его голова высывается из-за двери, — по-моему, мы их сможем убедить.

— Молодцы, — отвечаю я, пытаюсь придать своему тону хоть каплю убедительности.

Мы с Хью вместе закончили университет и сразу же стали работать в разных отделах местной администрации. Он теперь — начальник строительного общества, а я — абсолютно там же, где и начинала шесть лет назад.

И в этом никого, кроме меня, винить нельзя.

Все еще было бы ничего, если бы я и в самом деле любила его. Когда-то мне казалось, что так оно и есть. Он воплощал в себе все то, что входило в мои представления о настоящем бунтаре: рабочий класс, студенческое движение. Какая долбаная чепуха.

— Я сегодня иду веселиться, — говорю ему я.

— Вот как...

— С Лиз. Которая с работы. А то мы теперь работаем в разных офисах и поболтать даже нормально не получается. Просто к ней схожу. Может, куплю чего-нибудь съесть по дороге, бутылочку вина.

— Сегодня по второму каналу хороший фильм, — говорит он.

— Какой?

— *Уолл Стрит*. С Майклом Дугласом.

— Ну вот. Но только я уже обещала Лиз.

— Ну да, понятно.

— Ну тогда, пока.

— Пока.

Пока. Встречаемся с Лиз в Макдоналдсе, потом едем в Ист Порт бар — вливаем в себя по паре джинов с тоником, потом — на такси в Келти, в клуб.

— Что вам в Келти приспичило, девчата? — пугает нас водитель. — Там же одни шлюхи да шахтеры живут.

— Да ладно тебе, хорош трепаться! Я сама оттуда! — говорит ему Лиз.

— В какой шахте работала, киска? — спрашивает ее водила и высаживает нас на клубной парковке.

Находим свободные стулья и садимся в углу. Посреди танцпола — огромный зеркальный шар. Лиз показывает взглядом на столик у самой стойки.

— Мой бывший, Дэйви. Красавец, а? — Она кивает парню, занимающемуся своей карточкой Бинго, тот сразу же подходит к нам.

Я киваю в ответ на замечание Лиз, изо всех сил стараюсь поддержать ее, но в глубине души я не могу с ней согласиться. Глядя на Дэйви, можно было сказать, что когда-то он и в самом деле выглядел ничего себе, но это

ощущение скорей объяснялось его самоуверенно-игривыми манерами, нежели следами былой физической привлекательности, пережившими мясорубку времени и алкоголя. Он посмотрел на меня и наградил улыбкой отморозка. Хотя все же что-то такое в нем было.

— Голубые глаза — вот на что я запала, — шепчет мне Лиз, пока Дэйви пробирается в нашу сторону через толпу.

— Как поживаешь, малыш? И что это за милая дама с тобой сегодня?

— Знакомься — Хедер, с работы.

— Привет, — говорю я.

— Счастлив познакомиться с вами, Хедер. Могу ли я предложить нашим милым дамам чего-нибудь выпить?

— Два джин-тоника пошли бы неплохо, — отвечает

Лиз.

— Будет сделано, — с улыбкой отвечает Дэйви, отчаливая к стойке.

Ах, эти голубые глазки. А больше-то ему и взять нечем. Не тянет, и чем больше он ходил кругами и стрелял глазками, тем больше превращался в натурального кретина.

— Главная проблема, — подтвердила мои подозрения Лиз, когда он отвалил в туалет, — что за этими прекрасными глазками практически ничего не стоит.

4. Ллойд

Просыпаюсь на кушетке у Вудси, чувствую себя — дерьмовей не бывает. Тошнит, в голове сверлит, как у зубного, губа распухла и раздулась, а под правым глазом бесформенное фиолетовое пятно, будто тушь размазана. Вспоминаю, что закинулся классом А вместо алкашки. Да, вроде мы с Ньюксом порезвились на славу. Вот только — друг с другом или с каким-нибудь посторонним мудилой? Судя по легкости повреждений, должно быть, с посторонним мудилой, а то у Ньюкса рука тяжелая, он бы мне похлеще засадил.

— Нарезался вчера, а? — подкалывает меня Вудси, наливая чай.

— Угу, — отвечаю, но еще не протрезвел настолько, чтобы переживать по этому поводу. — Мы с Ньюксом как въехали в эти спутниковые темы, так и пошло-поехало. Кончилось оно, конечно, дракой.

— Вы, бакланы, просто долбанутые. А алкашка — оружие сатаны, парень. А уж что до транков... я, скажу тебе, не часто готов согласиться с этим дутым Тори, что по телеку выступает... но вот, мать твою, скажу тебе — на Ньюкса я уже не удивляюсь, фан поганый, но ты-то, Ллойд, мне казалось, сечешь поляну как-никак.

— Да ладно, слышь, Вудси, хорош уже.

Этот чел Вудси все из своей религии выбраться не может. Удивительно, как он долго держится, а началось все еще прошлым летом. Он утверждает, что видел Бога после двух Супермарио и пары «снежков» на опенэйере Резарекшн. Мы скинули его на танцполе Гэрэддж, пусть парень расслабится, а то он вроде как совсем перегрелся. Я сунул ему в руку минералки и оставил разглядывать розовых слонов. Нехорошо, конечно, но я сам был настолько уколбашен, а светшоу в главной палатке настолько заманчивым, что мне не терпелось попасть обратно в колбасню. Пара Тусовщиц с материнской заботой вызвались приглядеть за ним, пока нас нет.

Но только весь ваш хитрый план, мистер Фикс, накрылся медным тазом, когда внезапный приступ возмущения в желудке заставил Вудси оторваться от своих Тусовщиц и посетить сортир — покататься на фарфоровом автобусе. И как раз в одной из этих зловонных ловушек его и посетил сам Большой Вождь.

Хуже всего было то, что Боже, по-видимому, сообщил ему о том, что экстази — Его дар врубающимся, которые просто обязаны донести до остальных Его святое слово. И наказал Вудси строить клуб Святого Техно Благовещения.

Сейчас уже неясно, то ли голова у Вудси вскипела, то ли его прикололо других подурочить, — вроде культовой запары а-ля Кореш, — получать себе девчонок-с-вечерины сколько душа пожелает. Вы принимаете меня, девушки? Вы и в самом деле готовы принять меня, вместе со всем моим мозгоебским дерьмом, шайзе, мерде, шитом? Но, так или иначе, для культовой запары он явно выбрал не тот наркотик. Единственный, кого можно под экстази запарить, — так это ты сам. Кореш и пяти минут не продержался бы, если бы его свора в Вако на Е сидела. Хватит с нас твоей религиозной фигни, Дэйви-приятель, мы просто пришли сюда потанцевать...

— Слушай, Ллойд, те деки Технике все еще у тебя, а?

— Ага, но только это деки Шона, а у меня они, пока Шон из Таиланда не вернется.

Шона не будет еще около года, но если он сечет поляну, то лучше ему не возвращаться вовсе, а Шон поляну сек. Он нормально поработал в паре с тем парнем из Ланкашира, которого звали Вороной, и они неплохо поднялись, обчищая дома разных жирных ублюдков. Пораскинув мозгами, они решили завязать, чтобы с азарта не вписаться уже во что-нибудь совсем левое, и намылили лыжи в Таиланд через Гоа. И им хорошо, и мне неплохо — поскольку от Шона мне достались в наследство те самые деки и его коллекция пластинок, среди которых были крутейшие соульные раритеты.

— Ты уже на них, наверное, неплохо насобачился, а?

— Да уж, неплохо, — соврал я. На самом деле деки у меня лежали всего пару месяцев. У меня практически не было чувства времени, моторных навыков и не так уж и много винила. Я, конечно, хотел попрактиковаться на них побольше, но много времени съедала халтура на стороне с моим дружком Друзи, и я к тому же реально много торговал, работая на Злобную Сучку.

— Слушай, Ллойд, я тут одну вечерину устраиваю в клубе «Рек-тангл» в Пилтоне. Хочу тебя позвать поиграть. Сначала ты, потом я. Что скажешь?

— Это когда?

— Через месяц. Четырнадцатого. Времени еще навалом.

— Четко. Вписываюсь.

Я, конечно, полное дерьмо на деках, но мне подумалось, что, может, какое ни на есть обязательство заставит меня напрячься и сварганить себе программу наконец-то. Хотя я кипятком и не писал, когда Вудси заявил, что хочет, чтобы я замикшировал в техно, хаус, гэрэддж и амбиент всякие сэмплы с гимнами и песнопениями, я все равно понял, что хочу играть.

Тогда же я решил для себя, что теперь буду сидеть дома и мучить деки. Все мои дружки, особенно Ньюкс, Алли и Эмбер, старались меня поддерживать. Когда они заходили ко мне немного пошуметь, то часто приносили с собой взятые у кого-нибудь напрокат пластинки. Я и сам теперь ходил в клубы больше смотреть на игру ди-

джеев. Я совершенно офигевал от Крейга Смита, эдинбургского ди-джея из Соулфьюжн, — он каждый раз по-настоящему оттягивался, когда играл. Хотя многие ди-джеи оказались настоящими занудами с умными лицами, что особенно было заметно в Милхаузе. Когда самому не прикольно, то и народ разогреть не получится.

Однажды днем, только я включил себе Ричарда Никсона, как кто-то постучал в мою дверь. Вообще-то музыка вроде и не орала, но я все равно подумал, что это тот козел-яппи из соседнего подъезда, которому все вечно не по кайфу.

Открываю дверь и вижу перед собой миссис Маккензи из квартиры ниже этажом.

— Суп, — с перекосившимся лицом выплевывает в меня она.

И тут я вспоминаю. Вот беда — забыл сбегать в супермаркет за нужными продуктами для кастрюльки супа. Я всегда навариваю себе целое ведро по четвергам, пока не начинаются безумные излишества в пятницу и субботу, так что если мне совсем херово или готовить влом, то у меня всегда найдется что-нибудь питательное дома. И я немного отношу миссис Маккензи в эмалированной кастрюльке. И теперь то, что когда-то было единичным проявлением доброй воли, стало традицией и ритуалом и начинает меня уже доставать до чертиков.

— Извините, миссис Мак, не успел еще сготовить.

— Я... просто подумала... супчик... парнишка сверху супчик-то по четвергам приносит... вот Гектору своему на днях говорила. Супчик. Парнишка сверху. Супчик.

— Ладно, щас, скоро сготовлю.

— Суп, суп, суп... захотелось супчику.

— Все под контролем, миссис Мак, точно вам говорю.

— Супчик...

— СУПЧИК ЕЩЕ НЕ ГОТОВ, МИССИС МАККЕНЗИ, КОГДА ПРИГОТОВЛЮ, А ЭТО БУДЕТ СОВСЕМ СКОРО, ПРИНЕСУ ВАМ ВНИЗ, ДОГОВОРИЛИСЬ?

— Супчик. Скоро.

— ИМЕННО ТАК, МИССИС МАККЕНЗИ. СУПЧИК. ГОТОВ СКОРО.

От меня, должно быть, было много шума, потому что тетка типа Домоседки Праведной из соседней квартиры подходит к своей двери и спрашивает:

— С вами все в порядке, миссис Маккензи? Вам тоже мешает эта музыка? — спрашивает она у этого божьего одуванчика, у этой долбаной бездушной сучки, для которой на всем свете не существует ничего, кроме ее собственных желаний и запаривания окружающих.

— Супчик скоро будет, — сипит ей миссис Маккензи повеселевшим и довольным тоном, с трудом спускаясь по ступенькам лестницы к своей двери.

Я иду обратно к себе, вырубаю Ричарда и мотаю на улицу покупать ингредиенты для супчика. Пока я выхожу из квартиры, слышу сообщение на автоответчике. Ньюкс долго и нудно рассказывает о том, как в его дом вломились мусора и перевернули все вверх дном.

5. Хедер

Будто бы.

Будто бы физическая близость может решить проблему эмоциональной отчужденности.

Он крепко обнимает меня, но в его прикосновениях нет ни любви, ни нежности, одно отчаяние. Возможно, это оттого, что он чувствует, как я ускользаю от него, ускользаю из того мира, в который он меня пытается поселить, из его мира. Его, а не нашего.

Не наш мир, не общий. Я принадлежу Хью, я — его собственность, от которой он так просто не откажется. Я для него — источник комфорта, плюшевый мишка для подросткового мальчишки. Только никто больше его таким не видит. И если бы кто-нибудь смог разглядеть потрясающую незрелость в этом внешне вполне благополучном мужчине, то нашел бы ее трогательной, как когда-то и я сама. Но теперь — не знаю, все это жалко и скучно.

Он просто занюханный имбецил.

Что он получает от такой жизни?

Он жиреет, а во мне что-то умирает.

В нем тоже должно бы умирать, а не умирает.

И именно потому, что для этого у него есть я.

Что мне нужно? Просто любви мало. Все зависит от того, как ты ее чувствуешь. Вот я люблю своих родителей. И я не хочу, чтобы у меня были другие мама и папа. Хотя когда-то хотела. Хотела по определению, потому что не знала, чего мне хочется по-настоящему.

Мне не нужно, чтобы меня защищали. А Хью меня защищает.

Мне когда-то это тоже было нужно.

Но слушай, Хью, я все росла и росла внутри себя, росла больше, чем тебе бы хотелось. Помнишь, ты мне говорил, что мне нужно повзрослеть. А сейчас ты бы меня боялся, если бы знал, во что я превратилась. Мне кажется, ты уже боишься. Поэтому ты и вцепился в меня, вцепился под страхом смерти.

Часть меня умирает.

Часть меня растет.

Как ты их примиришь?

6. Ллойд

Возвращаюсь домой из супермаркета, вроде купил все для супа. Не успел войти, прямо за спиной настойчивый звонок в дверь. Злобная Сучка приперлась, а за ней — Жертва, с такой кислотой в напряженном от мороженом взгляде, что даже мои самые искренние улыбочки не могли ее расслабить.

Жертва — хронический случай, все время с ней происходит какая-то херня. А Злобная Сучка будто нарочно таких вот к себе и привлекает. Сама она их ни во что не ставит и держит в состоянии психической униженности. Просто предводитель для заблудших душ. Мне не очень прикольно, что я все больше и больше тусуюсь со Злобной Сучкой, — на самом деле мы только находили друг для друга поставщиков и надежный сбыт для разных тем. Жертву я один раз трахнул, когда кокса набрался и запарил ее завалиться со мной в постель... да в какую, блин, постель, просто на пол, рядом с кроватью, где Алли трахал ту девчущку, что познакомилась с нами в Пьюре. Так или иначе, Жертва потом за мной бегала целую неделю, звонила, подлавливала в клубах и тому подобное. Такая у нее особенность — приспосабливаться к чему угодно, реагируя на любые знаки внимания. Поэтому ей всегда и попадаются мужики-садисты.

— Тарам-пам-пам, — пропел я девчонкам, проводя их к себе, с веселостью, которой и в помине не чувствовал, но в ответ мне было ледяное молчание. Сучка выпятила нижнюю губу и стала походить на вывернутый наизнанку ярко-красный ковер. У нее был уставший и раздраженный вид, как у нестарой тетки, повидавшей уже всякого и решившей вдруг завязать с надеждами.

— Жди здесь, — приказным тоном обратилась она к Жертве, которая в свою очередь начала тихонько всхлипывать.

Я подхожу и делаю вид, что жалею бедняжку, но Злобная Сучка выворачивает мне руку и тащит на кухню, захлопывает за нами обоими дверь и переходит на шепот, так что я лишь по движению губ могу догадываться о том, что она говорит.

— Ну что? — спрашиваю я.

— Она долбанутая.

— Разве это новость? — пожимаю плечами, но мне кажется, что Сучка меня не расслышала.

— Она бредит, я ей так прямо и сказала, — говорит мне она, с шумом затягиваясь, лицо ее искажается в презрительной гримасе. — Ты, курочка, просто живешь в розовой стране дураков, вот что я ей сказала, Ллойд. Но она меня ни фига не слушает. Теперь она за все и отдувается. И к кому же она бежит плакаться, а?

— Конечно... конечно... — киваю я в ответ, изо всех сил изображая сочувствие, одновременно перегружая купленные продукты из пакетов в холодильник и на кухонные полки.

— У нее уже месячные регулярно пропадают, а она каждый раз за свое: залетела и залетела. Мне так и хотелось ей сказать, что как это можно залететь, когда тебя в задницу трахают, но я не стала. И еще я хотела ей сказать, что у нее месячные пропадают, потому что с головой не все в порядке, курочка; посмотри, как ты живешь, и если у тебя в голове бардак, то это точно на организме скажется.

— Понятно... опять с Бобби история.

Главным мучителем Жертвы на текущий момент был некий безумный байкер Бобби, с которым я был знаком довольно долго. Личность Бобби можно было разделить на две составляющие. Одна — злоба в чистом виде. Другая — абсолютная сволочность.

— Но я держала язык за зубами. Представь себе, Ллойд, он заявляется к ней ни с того ни с сего и начинает ей на мозги капать. Соло уже потешаться над нами начал, так что нам просто пришлось уйти. Хотели у тебя переждать, пока эта сука Бобби не свалит.

— Слушай, я не против, но придется вам сидеть здесь без меня, а. Я забился тут с парнишкой насчет этих розовых шампущек — спидболы, типа, знаешь?

— Возьми мне пяток... нет, шесть штук... — тяжело дышит она, роясь в сумочке в поисках кошелька.

— Если только у него будет, конечно, — отвечаю я, прикарманивая денежки. Я и не собирался ничего вырубать, просто намылился к своему братцу перекусить. Но мне все равно не хотелось сообщать об этом Злобной Сучке, и не потому, что это звучало не так уж круто, а потому, что она постоянно лезет не в свои дела, и я не хочу, чтобы любопытная корова про меня всякое вызнавала.

Перед самым уходом мельком замечаю обтянутую черными леггинсами задницу Жертвы, чувствуя разочарование и удовлетворение одновременно от полного отсутствия какой-либо реакции со своей стороны.

В самом конце аллеи сажусь на автобус, который везет меня к брату Воану. Разумеется, я опаздываю. И когда приезжаю, то звоню в дверь целую вечность. Воана нет дома, а Фиона, моя невестка, играет во дворе с Грэйс, моей племянницей, ей уже два года, и она, как и все двухлетки, реальная приколистка.

— Ллойд! Так и знала, что это ты. Заходи, заходи.

Зайдя в дом, я врубаюсь, что Воан тут занимался ремонтом, но ничего не говорю по этому поводу. Вообще-то

весь дом обставлен в безвкусном деревенском стиле, что смешно видеть в пригородном доме. В этом — они оба, Воан с Фионой. Хотя я все-таки по-своему люблю их, такая любовь вперемешку с семейным долгом, но с такими, как эти, о вкусах спорить не станешь. Им это просто по фигу, для них главное, чтобы все было, как на рекламе из каталога.

Спрашиваю у Фионы, можно ли от них позвонить, она понимает намек и уходит с Грэйс во двор. Звоню Ньюксу.

— Ну, рассказывай, — начинаю я.

— Все, завязываю с фанами и наркотой. Я под колпаком, Ллойд. Мусора тут были вчера, обвиняли меня во всяком, вот дела какие. Совсем хреново, парень.

— Тебе что, реально шьют что-нибудь?

— Еще нет, но я и так уже в штаны наложил. Мне вот тут советуют на это все положить, но хрен знает, парень. Я хоть и приторговываю-то самую малость, но мне может три годика легко накрутиться, и все только из-за глупых тусовок с футболом, прикинь, а.

— Слушай, я как раз хотел спросить, можешь нам немного помочь с товаром?...

— Нет, со мной все. Ложусь на дно, пока дерьмо не уляжется.

— Ну ладно. Но хоть на выходных-то повеселимся, а?

— Ладно.

— Пока, Ньюкс... слышь, ты-то помнишь, что с нами стряслось той ночью, — в историю вписались, что ли?

— Лучше тебе и не знать, Ллойд.

— Ньюкс...

Короткие гудки.

Я в запутках. Но не в таких, как у Ньюкса. Что-то старого пердуна сильно тревожит. Вообще-то он уже вроде как фанатство бросил, но основные сражения все же старался не пропускать. Я никогда не понимал, в чем тут прикол, но Ньюкс божился, что приход от этого дела офигенный. Но если ему мусора на хвост садятся — дело плохо; если у тебя наркоты хоть каплю находят, только для друзей да для себя, то ты уже сразу и дилер. Ньюкс все правильно делает, и я решил про себя, что тоже сделаю перерывчик и все такое.

— Как тебе новые цвета, а? — спрашивает Фиона.

Грэйс карабкается по мне, пытаюсь вырвать мой глаз из глазницы. Я отвожу ее ручонку, не давая дотянуться до второго, на котором синяк.

— Супер. Очень расслабляет. Только что хотел сказать, — откровенно лгу ей в глаза. — Не даешь Воану поскучать, а? А где сам?

Грэйс слезает с меня и топает к Фионе, прилипая к ее ногам.

— Отгадай с трех раз, — предлагает мне Фиона с улыбкой, которая тут же превращает ее из молодой домохозяйки в грязную потаскуху.

— Шары, что ли, катает?

— Отгадал с первого раза, — устало кивая, отвечает Фиона. — Просил передать, чтобы ты зашел на кружку пива. Обед все равно не будет готов раньше пяти.

— Супер... — отвечаю я. Хотя это далеко не супер. Я бы с большим удовольствием посидел здесь с Фионой и Грэйс, чем выслушивать всю эту Воановскую хуйню.-....Э-э, может, я здесь просто подожду?

— Слушай, Ллойд, мне нужно кучу дел переделать. И я не хочу, чтобы ты у меня тут под ногами болтался, хватит с меня одной личинки, — отшивает она меня с сарказмом в голосе.

Я смеюсь ей в ответ, изображая обиду:

— Огромное тебе за это спасибо.

Еще какое-то время мы продолжаем обмениваться репликами в том же духе. Может, это и звучит жалко и скучно, но меня странным образом впирает от того, что можно вот так нести полную фигнию окружающим и не бояться того, что на тебя посмотрят как на морального урода какого-то, и все потому, что вы оба связаны особыми отношениями. Безумный трип.

Но от этого дерьма, если через край хватить, может и крыша съехать, и я все же решаю сходить проведать Воана.

На улице меня ждал прекрасный летний вечер, и я вдруг почувствовал странную пружинистую легкость в каждом своем шаге. Ну естественно, ведь сегодня четверг. Организм переработал без остатка мою дозу

допинга с прошлых выходных, выпустив напрочь из себя все токсины — выпотел, высрал, выссал — финито похмелье; приступы ненависти к себе уходят вместе с химией, расщепляющейся в мозговых клетках, усталость остается в прошлом, а старый адреналиновый насос медленно набирает обороты в предвкушении новой серии приключений и излишеств. Это чувство, когда ты сбрасываешь депресняк после употребления, а твои тело и мозг вдруг обретают былую свободу, сравнимо лишь с хорошим приходом от экстази.

В клубе Воан гоняет шары с каким-то старым хреном. Он кивает мне издали, а старикашка бросает в мою сторону слегка озлобленный взгляд, и я понимаю, что помешал его расчетам, потому что моя тень упала как раз на линию прицела. Старый хрыч собирается с силой и катит свой шар — дальше, дальше, дальше, и мне кажется, что нет, он закатился уже слишком далеко, но дудки — старый пердун свое дело знает, шар делает бразильский разворот, именно так, хренов бразильский разворот, и фигачит обратно, прямо как долбаный бумеранг, врывается, как уличный нахал, лезущий без очереди, прямо за расставленные Воаном ряды защиты, подкатывается — и дело сделано.

Я громко выражаю свои восторги по поводу ловкости старого пердуна. У Воана в запасе еще один удар, но мне уже не хочется больше смотреть; прусь к бару за выпивкой. Вдруг обнаруживаю в кармане мятый пакетик со спидом, фиг знает, как я мог про него забыть. Отправляюсь в сортир и делаю себе пару дорог прямо на крышке бачка. Уж ежели о шарах придется трепаться, то к этому надо серьезно подойти... Выхожу из толчка, как, блин, согнутая пружина. Помню я это дерьмо, в прошлые выходные с пальцев слизывал. Но все-таки нюхать гораздо круче, такая вещь!

— Чего не остался на решающий, а? — говорит мне сдвинувшийся Воан. — Поддержал бы меня хоть с последним броском, братишка.

— Прости, Воан, надо было воду поменять в аквариуме. — Попал он, а?

— Не-ет, за километр отлетело! — радуется старый козел. На старом козле белые штаны, синяя футболка и летняя шляпа.

Хлопаю старика по спине:

— Отлично играешь, приятель! Особенно тот, закрученный, который в самом конце попал в точку. Я — Ллойд, брательник Воана,

— Ну что ж, Ллойд, а я — Эрик, — он протягивает мне руку и сжимает мою каменной хваткой. — Сам-то шары катаешь?

— Да нет, Эрик, сам не катаю, друг, — не моя игра, понимаешь. Я не против самой игры и все такое, отличная игра... я тут бездельничал как-то дома и по телеку смотрел, как Ричард Кореи играет... помнишь, он еще за Пост выступал, кажется. Вот кто умеет мяч крутануть...

Лу Рид, мать его, вставляет по самые гланды.

— Ну, тебе чего взять? — кричит, обращаясь ко мне, Воан, видно, что его чутка задевают мои неумные восторги.

— Не-не-не, щас все сам возьму. Три лагера, так, мужики?

— Только не этой ослиной мочи, — фыркает Эрик, — мне «Особого».

— Непростого пива после непростой победы, а, Эрик, — ухмыляюсь я.

Старый хрыч ухмыляется мне в ответ:

— Сделал Воана, как мальчишку, а!

— Да, да, конечно, — перебивает Воан, — ну че, несешь выпить, нет?

Топая к бару, парень за стойкой говорит мне, что наливает только, если ты с подносом подходишь, а я шучу, что и так все руки заняты, на что он отвечает коротко, что это, типа правила заведения, но тут как раз какой-то коротышка из очереди всовывает мне в руки этот самый поднос. Все забыл, все эти ублюдочные правила в этих заведениях, всех этих набриолиненных уродцев в пиджаках с клубными значками на лацкане и как к концу вечера стены здесь обваливаются не хуже, чем когда Люфтваффе бомбили собор Ковентри... но вот я возвращаюсь назад.

— На здоровье, парни, — кричу я, поднимая бокал. — Вот чего тебе скажу, Эрик, я, когда на твою игру посмотрел, сразу понял, что у тебя яйца на месте. У парня с яйцами все в порядке, сказал я тут себе. Бразильский крученный, а! Ух ты, сукин сын, ты просто настоящий сукин сын, твою...!

— Да уж, — говорит довольный Эрик, — думал, попробую тут одну небольшую штуку. Воан, конечно, хорошо защиту себе поставил, но, думаю, дай-ка попробую запустить штучку-дрычку с заднего хода, вдруг прокатит.

— Хороший удар, это точно, — Воану ничего не остается, как поддакнуть.

— Просто супер, — говорю я, — слышал, может, про тотальный футбол, тот, что голландцы придумали, а? Так вот, наш парень, вон этот, — я киваю в сторону Эрика, — просто тотальный шарогоняльщик. Сильно не бил, не дрыгался и не кривлялся, как эти кексы в Первой Лиге, нет, ты спокойно и с достоинством совершаешь этот

мастерский бросок.

Я кружку свою высосал, и Воан тащится к стойке.

У него есть одна черта, которую я замечаю при каждой нашей встрече: как человек с многочисленными обязанностями, как хороший муж и глава семейства, он старается влить в себя как можно больше единиц алкашки за тот временной отрезок, который он способен для этого занятия выделить. А пить он умеет. Слава богу, что я весь вечер просидел на разливном Бексе. Ни глотка этой шотландской мочи, особенно этой светлой ядовитой отравы — «Мак-Эванса». Кружки летели одна за другой, меня впирали все больше и больше от моего спида, меня несло, как бешеного. Смешно, что Эрик, казалось, попался в мой ритм, безумное веселье, будто старый хрен сам снюхал пару дорог.

После быстрого осушения очередной кружки он тащит из бара по пиву и виски — типа, с прицепом.

— Ну ты, бля, даешь! — говорю я. — В тихом омуте черти водятся!

— Попал в точку, — улыбается в ответ Воан. Он все глядит на нас обоих и улыбается сам себе, типа, «ну-и-идиоты-но-мне-они-нравятся». И от этого он мне становится еще ближе.

— Сходил бы, проведал предков, — говорит мне Воан.

— Ну да, — соглашаюсь с виноватым видом, — я уже давно собираюсь закинуть им эту кассетку, что я для них записал. Моутаун.

— Ну, вот и отлично. Знаешь, как они будут рады.

— Помнишь, Марвин, Смоуки, Эрета и все в таком духе, — продолжаю я и потом, резко меняя тему и обращаясь к Эрику: — Слушай, Эрик, помнишь этот свой трюк с шарами, а?

— Конечно, — с удовольствием вступает он. — После него наш Воан завалился вверх лапками, ты не обиделся, Воан? — смеется Эрик. — В тихом омуте черти водятся!

— Ду-ду-ду, ду-да-да, — я начинаю напевать мелодию из Сумеречной Зоны, потом вдруг мне приходит в голову новая штука: — Слушай, Эрик, а твоя фамилия случайно не Кантона, а?

— Не. Нет, Стюарт, а что? — отвечает он.

— Да вот, знаешь, в твоем последнем броске было что-то кантоническое, — меня начинает сотрясать от хохота, передоз Смешлейтенантов, у Эрика, вроде, тоже. — У Воана Райана паровоз слетел с рельс от этого броска, а...

— Ну да хватит вам, гады, — дуется Воан.

— У-а-Кантона, — начинаю заводиться я, Эрик тоже подключается. На нас оглядываются компании заезжих пьянчуг и несколько пожилых пар.

Разжигаемые присутствием зрителей, мы со стариной Эриком отплясываем веселый канкан — ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля...

— Эй, там, ха-аре уже. Здесь граж-жане желают расслабиться и выпить спокойно, — скулит в нашу сторону сиплый кекс в пиджаке со значком.

— Ладно, ладно, все путем! — кричит ему Эрик, а потом уже тише говорит нам, но так, чтобы всем вокруг было слышно: — И чего ему, блин, не так, а?

— Да ладно, Эрик... — вступает Воан, — Ллойд здесь не член клуба.

— Но парнишку же записали. Записали как гостя. Все по правилам. Мы здесь не шалим. Не шалим здесь, — трясет головой Эрик.

— Правила соблюдены, а, Эрик, — ухмыляюсь я.

— Все точно по правилам, — стоически заявляет Эрик.

— Мне кажется, некий месье Воан Буист все еще переживает свой недавний проигрыш, n'est-ce pas, месье Кантона? Он все еще, как говорится, не-е-емного ра-а-ас-строен.

— Je suis une booler, — хихикает Эрик.

— Да нет же, Ллойд, — дуется Воан. — Я только говорю, что ты здесь не член клуба. Ты гость. И за тебя отвечают те, кто тебя привел. Вот и все, что я хочу сказать.

— Ага... все путем... — мычит Эрик.

— Это как тот клуб, куда ты ходишь, Ллойд. Тот клуб на Венью. Как он называется?

— «Пьюр».

— Да, точно. Вот представь, ты в «Пьюр», а тут я должен прийти, и ты меня записываешь...

— В качестве гостя, — фыркаю я. Ох как мне становится смешно от этой мысли. Старина Эрик тоже заходится. Похоже, нас обоих сейчас выпрут.

— В качестве гостя... — вот и Воана прихватило. И тут я подумал, как я набрался. Смешлейтенант Бигглс навис над угрюмым метрополисом Сучьего города... Старина Эрик начинает подхрюкивать, а Воан продолжает: — В качестве дорогого гостя брата Ллойда в одном из клубов, им посещаемых...

Нас вдруг прерывает клокотание Эрика, который слегка наблевал на стойку. Тут сразу же крепыш в блейзере и со значком подбегает к нему и хватается за пинту:

— Все, хватит! На выход! На выход! Воан выхватывает у него кружку:

— Да нет, блин, совсем не на выход, Томми.

— Нет, твою мать, все! Все, — веско заявляет крепыш.

— Не надо тут подбегать к нам и кричать, что «все», — говорит ему Воан, — потому что это совсем не все.

Я стучу Эрика по спине, помогаю ему подняться и веду беднягу в сортир.

— Яшно, как божий жень, — слышу я его шипение, он едва успевает хватить воздуха между приступами рвоты. Полный унитаз наблевал.

— Все нормально, Эрик, все в порядке, дружище. Ничего страшного, — утешаю его я. Я почувствовал себя, точно в Резарекшн, успокаивающим Вудси после его припадка, но только теперь я здесь в боулинг-клубе с этим старым придурком.

Мы отвезли Эрика домой. Он жил в старом доме, его дверь выходила прямо на улицу. Мы прислонили его к этой двери, позвонили и отошли в сторонку. Открыла женщина, которая затащила Эрика внутрь, захлопнув за собой дверь. Я услышал звуки ударов и крики Эрика из-за дверей:

— Не надо, Бетти... прости, Бетти... не бей меня...

После этого мы пошли обратно к Воану. Обед уже, конечно, остыл, да и Фиону наша видуха не радовала. Мне не хотелось ничего есть, но я покусал чего-то с наигранным энтузиазмом.

Мне было тяжело и неловко, и я ушел пораньше — хотелось прогуляться до порта. Проходя по Лит Уоку, я увидел на противоположной стороне Злобную Сучку. Я перешел улицу.

— Куда направляешься? — спросил я.

— Да иду обратно к тебе. Звонила Соло, он хотел, чтобы я кое-что ему принесла. Да ты нажратый!

— Ну, немного да.

— Спидболов достал? Я молча взглянул на нее.

— Не-ет... еще с человечком не встречался. Наткнулся тут на одного. — Вдруг на меня напал внезапный ужас. — А где Жертва?

— У тебя.

— Черт!

— В чем дело?

— У нее же булемия! Она ведь сожрет мои запасы! Зачем ты оставила ее там одну!

Мы поспешили ко мне, где Жертва уже сожрала и выблевала три кочна цветной капусты — все, что я припас для супа миссис Маккензи.

Мне пришлось идти к азиатам за дорогими и уже несвежими ингредиентами — но ладно, они меня иногда здорово выручали с алкашкой, — и потом я целую вечность полупьяный готовил этот суп. У Сучки было несколько бумажек с кислотой, которыми она расплатилась со мной вместо налички, которую мне задолжала.

— Поосторожней с этим, Ллойд, вещь что надо.

Она немного поигралась с деками в наушниках. Должен признать, Злобная Сучка не так уж плоха, похоже, у нее имеются способности. Я заметил, что в пупке у нее кольцо, которое выглядывало из-под короткой майки.

— Клевое колечко, — прокричал я ей, она подняла в ответ на это оба пальца вверх и слегка станцевала со странной, уродской улыбкой. Если бы в голливудском отделе спецэффектов могли воспроизвести эту гримасу, многие бы там смогли на этом подняться.

Жертва сидела и рыдала перед телевизором. Она курила не останавливаясь. Единственное, что я от нее услышал, было:

— Сигареты есть, Ллойд... — однотонным, хриплым голосом.

В конце концов они ушли, и я отнес кастрюльку миссис Маккензи. Я собирался на выходные в Глазго встретиться с друзьями. Я ожидал этой поездки с нетерпением, уж слишком меня достал Эдинбург. Вот только я обещал своему другу Друзи, что помогу ему завтра утром, мне, конечно, здорово не хотелось, но это будет работенка за наличные, а мне нужны денежки на выходные.

7. Хедер

Счастливые семейства.

Мы с Хью и мои папа и мама. Хью с папой говорят о политике. Отец защищает государственное здравоохранение, а Хью заявляет, что нам нужно:

— ...общество, построенное на персональной ответственности каждого. У людей должен быть выбор, где им лечиться и какое образование получать.

— Знакомая софистика консерваторов, — замечает папа.

— А по-моему, нам всем пора посмотреть в лицо реальности: социализм старого толка, как мы представляли его раньше, давно уже почил в бозе. Сейчас необходимо примирить людей с противоположными интересами, признавая их различия; взять самое лучшее из левых и правых идеологий.

— Тем не менее, боюсь, я все равно останусь с лейбористами...

— Да и я тоже, и всегда их поддерживал.

— Только ты, Хью, — новый лейборист, — вступаю я в спор. Мама бросает на меня неодобрительный взгляд. Хью ошарашен:

— Как это?

— Да, ты — новый лейборист. Как Тони Блэр. Что одно и то же с консерваторами. Хотя Мэйджор, возможно, был даже левее Блэра. А он — просто более ядовитая версия Майкла Портилло, и именно поэтому он пойдет гораздо дальше.

— По-моему, Хедер, все это не совсем так просто, — отвечает Хью.

— А по-моему, нет. Что лейбористы предлагают рабочему классу в случае своего возвращения? Ничегошеньки.

— Хедер... — утомленным голосом начинает Хью.

— Думаю, что все равно проголосую за лейбористов, — говорит отец.

— Сейчас что они, что тори — никакой разницы, — заявляю я им всем.

Хью смотрит на мать, слегка закатывая глаза, словно извиняясь за мое поведение. Мы молчаливо соглашаемся сменить тему, и отец подытоживает:

— А что, разве было бы лучше, если бы у нас было одно мнение на всех?

Остаток вечера проходит без приключений. В машине по дороге домой Хью оборачивается ко мне:

— Кто-то сегодня выступал с большевистской прямоотой.

— Я всего лишь сказала, что думаю. Что, нужно из этого целую историю раздувать?

— Я лично никакой истории не раздувал. А вот ты — да. Зачем было вести себя так агрессивно?

— Я не вела себя агрессивно.

— Разве что чуточку, моя сладкая, — качает он головой с улыбкой. Сейчас Хью так похож на пай-мальчика, и я готова убить его за ужасную нежность, которая пробуждается во мне вопреки всему.

— Ну ты и телка, крошка, — произносит он голосом гангстера-американца, хватая меня за колено. Внутри у меня все содрогается, и я рада, что вся нежность куда-то улетучилась.

8. Ллойд

Мы с Друзи в гетто Гамлилэнд. Мне кажется, это Кэррик Ноу, но легко мог бы быть и Колинтон Мэйнс. В фургончике было премеерзко, да еще это похмелье.

— Плинтуса поменять, Ллойд, только и всего. И еще — новые двери поставить. Управимся в полсекунды, — уговорил меня Друзи.

Про Друзи можно подумать, будто он всегда улыбается из-за своих смешливых глаз и кока-кольных очков. Он и в самом деле пышет счастьем, и позитив из него так и прет. Мы с Друзи работали вместе еще тыщу лет назад, в одной шарашке в Ливингстоне, строя панельные дома, и с тех самых пор, как начал деньгу зашибать, он время от времени подкидывает мне халтурку по возможности, — все равно что ставить на чудо-лошадку две ЭЛЬ — О — И краткая и Дэ.

В доме хозяин, некто мистер Муар, угощает нас чаем.

— Понадобится что, ребята, кричите, — я в саду, — бодро говорит он нам.

Ну, мы разбираемся с комнатами одна за другой, все отлично, и мне уже становится получше, и я с удовольствием думаю о том, как мы с парнями повеселимся сегодня вечером. Наконец мы с Друзи оказываемся в комнате, похожей на спальню молоденькой девчонки. На одной стенке — плакат с кексом из Оазис, на другой — мужик из Праймал Скрим и еще один — с чуваком из Блёр. Над кроватью висит тип из Тэйк Зет, тот, что свалил из группы. Много кассет. Ставлю Парклайф, мне нравится заглавная песня, где слышно, как бормочет тот пацан, что играл в Квадрофения. Фильм-то был потрясный.

Я блаженно подпеваю, отфигачивая очередной кусок плинтуса.

— Ого! Вот это да... приколись! — Это Друзи. Он дергает за ручки ящичков в девичьем комоде, пытаюсь отыскать тот, что ему нужен. Ловкость охотника его не подвела — и вот он уже вытаскивает на свет божий пару крохотных трусиков и вынюхивает, будто сейчас прямо в ноздрю себе засунет.

— Жалко, что нет здесь какой-нибудь корзинки с грязным бельишком, — ржет он, но вдруг, охваченный новой идеей, он выбегает в прихожую и поднимает крышки стоящих там ящичков. Пусто.

— Вот гады. Хотя у нас уже есть парочка уютненьких трусишек, а?

— Ебнуться можно, я уже по уши влюблен в нашу цыпу, — говорю я, растягивая нежную ткань поближе к свету, и пытаюсь мысленно нарисовать себе голографическую картинку тех прелестей, что должны бы были оказаться внутри. — Сколько лет малышке, как думаешь?

— Ну, навскидку бы дал не меньше четырнадцати, но и не старше шестнадцати, — ухмыляется этот Друзи.

— Просто суперклевая наикрутейшая птичка, — говорю я, разглядывая самую что ни на есть сексуальную коллекцию исподнего. Вытаскиваю из кассетника Блёр и ставлю Оазис — заводят они здорово, и хоть я не прикалываюсь к группам, мне больше клубные темы нравятся, но сейчас Оазис мне подойдет. Иду обратно плинтуса отковыривать, а Друзи, похоже, застрял с бельем не на

шутку.

Поднимаю глаза и вижу перед собой следующую картинку: дружок мой натянул себе на бошку девчонкины трусики, сверху еще стеклышки свои нацепил и дрыгается под музон. И еще я, по-моему, слышу какой-то шум за дверью, но прежде, чем я успеваю крикнуть об этом Друзи, наш хозяин мистер Муар появляется в проеме прямо перед Друзи, который пляшет себе как ни в чем не бывало.

— В чем дело? Чем вы занимаетесь? Да вы... вы... Бедный Друзи стаскивает с кочна злополучные трусы.

— П...простите, мистер Муар... хотели немножко пошутить, — оправдывается он. — Ха, ха, ха — игривым театральным смехом.

— Это, по-вашему, смешно? Рыться в личных вещах постороннего человека? Вести себя по-свински в нижнем белье моей дочери!

Для меня это оказалось последней каплей. Я заржал, как жеребец, и уже ничего не могло меня остановить. Господин Смешковский личной персоной, да еще какой! Мышцы лица свело, будто в приступе, и я чувствовал, как багровею.

— Хе, хе, ха, ха, хе...

— А ты над чем потешаешься? — Он обернулся в мою сторону. — Думаешь, это смешно, черт вас дерит! Вы... — извращенцы поганые — рыться в личных вещах моей дочери!

— Простите нас, — заискивающе прошелестел Друзи, я бы и не смог ничего ответить.

— Простите? Вы еще прощения просите? У самих-то дети есть? Я вас спрашиваю!

— У меня два парнишки, — отвечает Друзи.

— И что, думаешь, так и должен себя вести порядочный отец?

— Ну, я ведь уже извинился. Ну, глупость сделали. Мы же пошутить хотели, только и всего. А сейчас что — будем стоять здесь и рассуждать о том, как должны вести себя порядочные отцы или мы с напарником будем работу делать? И так и этак — платить вам. Что предпочитаете?

По — моему, Друзи выступил довольно круто, но этот парень, Муар, видно, думал иначе.

— Собирайте инструменты и проваливайте. За работу, которую уже сделали, я заплачу. И радуйтесь, что я в полицию на вас пока не заявляю!

Пока мы убিরались, наш приятель несколько раз заходил и снова начинал свои причитания, простофиля, забыл, что в кулаке все еще стискивает дочкины трусики.

Мы с Друзи сразу пошли в паб.

— Слушай, прости, что не успел предупредить. Музыка громко играла. Все вроде спокойно, как вдруг, раз, а этот кекс уже вошел, — а ты прямо перед его носом отплясываешь свой маленький танец.

— И не такое еще бывает, Ллойд, — на лице Друзи заиграла улыбка. — А ведь неплохо поржали, правда? Помнишь, что у него на роже было написано?

— А у тебя самого — видел?

— И то верно, — разразился он задорным хохотом.

Друзи расплатился со мной, и мы здорово надрались. Потом я сел в тачку до Хэймаркета и на электричку в Соупдодж сити. Там я на такси добрался до хаты Стиво в Вест Энде, причем за то же расстояние, но только в Эдинбурге, я заплатил бы раза в три дороже. Мне сразу вспомнилось, какие засранцы эти эдинбургские таксисты. И у меня уже в кармане было хоть шаром покати. Надо будет постараться и сдать-таки эти голимые экстази, что мне Злобная Сучка дала.

Клэр, Аманда и Стиффси уже торчали у Стиво, как один разодетые в пух и прах.

— Это что еще за парад мод? — нервно спрашиваю я, прикидывая, насколько жалок мой собственный прикид.

— Мы не едем в Суб Клуб, Роджер Санчез сегодня играет в Тоннеле, — заявляет мне Клэр.

— Ч-черт возьми, — возмущаюсь я.

— Да у тебя все будет путем, — подбадривает меня Стиво.

— Думаешь?

— Ну разумеется, — кивает Клэр.

Стиффси все таскается из прихожей в комнату, прохаживаясь по ней, как по подиуму. Сто лет прошло, а он все не уверен... эти туфли и брюки с таким верхом — пойдет?

— Не-е, — сказал я, — штаны с кофтой не катят.

— Ну не могу я кофту так бросить. Шестьдесят пять фантиков за нее в Экзайле оставил. — Но вот ведь вопрос — если я свои коричневые штаны натяну, то с туфлями будет проблема.

— Пора идти, — говорит, поднимаясь с места, Клэр, — пошли же.

Аманда со Стиво тоже встают. Мне сначала трудно задницу с кушетки поднять, такая мягкая, что просто проваливаешься.

— Минутку, а! — умоляюще кричит Стиффси.

— Да пошел ты, — затряс башкой Стиво. — Идем, Ллойд, ты, старый прикольник с востока. Готов?

— Ага, — отвечаю я, наконец поднимаясь с кушетки.

— Еще минуточку... — умоляет Стиффси.

— Увидимся в следующей жизни, — отвечает ему Стиво и выходит. Мы за ним. За нами плетется Стиффси, все еще переживая за свой Гордон Рз.

Но все его беспокойство как рукой снимает в Тоннеле. Стивовские таблетки — просто класс, гораздо лучше моего дерьма, надо сказать. Роджер С был в отличной форме, и нам все было по приколу, пока мы не вернулись утром назад к Стиво. Стиффси, вот козел, опять разволновался, когда Е сошло понемногу, и отвалил домой переодеваться. Я кинул до кучи одну из марок, что Злобная Сучка дала на продажу, полагая, что раз уж таблетки у нее на этот раз дерьмовые, то и кислота на многое не потянет.

Достаю пакетик с экстази из кармана, голимые табы, и подношу его к свету. В жизни будет не сдать на фиг. Кидаю бесполезный пакетик на стол.

Эти напыщенные эдинбуржцы триповать не очень-то любят. Стиво врубает телек, а Аманда с Клэр начинают крутить косячки. Сначала кислота мне кажется простой бумагой. Но вскоре все кардинально меняется. И еще.

9. Хедер

Я не хочу ребенка.

А Хью готов. У него — жена, работа, дом, машина. Но все-таки чего-то не хватает. Ему кажется, что ребенка. Воображение у него не очень.

Общаемся мы не много, и я даже не могу сказать ему нормально о том, что не хочу ребенка. Мы, конечно, разговариваем, но только мы создали для себя такой особенный язык, на котором невозможно по-настоящему общаться. Мы создали не-язык. Возможно, это еще один признак всеобщего регресса цивилизации. Или еще чего-то. Точно, чего-то еще.

Во всем этом есть один положительный момент — Хью тоже не может мне сказать о том, что он хочет ребенка. Все, что ему остается, это улыбаться малышам, когда мы выходим погулять, или с чувством рассказывать мне о своих племянниках, о которых я раньше ничего не слышала. Но вот сказать прямо «я хочу ребенка» он не может.

А если бы и сказал, то я бы ответила: «А я не хочу».

НЕТ НЕТ Не хочу ребенка. Я хочу жить. Своей жизнью.

Вот он лезет своими пальцами ко мне в вагину. Как мальчишка-подросток в банку с вареньем. Это не чувственность, это всего лишь ритуал. Во мне — неприятное напряжение. Вот он старается засунуть в меня свой член, проталкивая его вдоль сухих, отвердевших стенок. Тут он начинает слегка похрипывать. Он всегда слегка хрипит. Помню, как после нашей первой ночи, еще в универе, подружка спросила меня:

— Ну и как он тебе?

— Ничего, — ответила я, — но только хрипит очень. Она над этим долго смеялась. Ведь она имела в виду, какой он как человек.

Я довольно долго думала именно таким образом. Была прямолинейной, по-своему, по-тихому. Так все говорили. Я и в самом деле такой была. Но не теперь. Хотя вот сейчас, здесь — да.

Мать всегда говорила, что мне повезло, что я встретила Хью. Целеустремленного, серьезного мужчину. Кормильца семьи.

— Ты за ним будешь, как за каменной стеной, — сказала она мне, когда я показала ей кольцо с бриллиантом, полученное от Хью. — Как я за твоим отцом.

Но если все мы получаем от Хью, то что же остается на мою долю?

Вскармливать.

Вскармливать малютку Хьюшу-хрюшу.

Вскармливать милого малыша малютку детку-конфетку Хьюшу-хрюшу.

Вскармливать собственное отвращение.

— ...У-ух... ебучка... — выдыхает он, впрыскивая в мое тело свой заряд, откатываясь и погружаясь в глубокую дрему. Ебучка. Так он зовет меня, меня, ту, что, словно кусок мяса под тяжестью его тела, нервно сжимает мятую простыню.

Ебучка.

Я специально постоянно оставляю свой Cosmo на журнальном столике и исподтишка наблюдаю, как Хью с опаской косится на заголовки статей:

Вагинальный и клиторальный оргазмы

Хорош ли ваш партнер в постели?

Ваша половая жизнь

Имеет ли размер значение?

Как улучшить свою половую жизнь

Да, я читала иногда *Вуманз Оун*. Степень по английской литературе, бесполезное образование, конечно, но все же с этим можно рассчитывать на большее, чем пролистывание *Вуманз Оун*. Вопросы Хью: Как ты можешь читать такую чушь, дорогая? — а в голосе отчасти презрение, отчасти — отеческое одобрение.

Понимает ли этот капитан местной промышленности, что он направляет кораблик наших взаимоотношений прямиком на скалы забвения? Осознает ли он, что он делает со своей добропорядочной супругой Хедер Томсон, известной в узких кругах по имени Ебучка? Нет, он смотрит в другую сторону.

Его ядовитая сперма во мне, она пытается пробиться к моему яйцу. Слава тем, кто изобрел противозачаточные средства. Рукой я нащупываю свой клитор и, воображая волшебного-таинственного партнера, довожу сама себя до оргазма.

Вот оно.

Вот оно. Я становлюсь Ебучкой. А Хью спит себе глубоким сном.

10. Ллойд

Звон нарастает в моих ушах, и мне кажется, что я слышу, как кто-то произносит что-то вроде, что «когда-нибудь мы все поймем, почему все всегда по-разному». Вроде знакомый акцент, но не совсем чтобы манчестерский, а скорее провинциальный восточный, ланкастерский.

Кто это сказал? У меня начинается паника, поскольку эта фраза ни к чему не относится и говорить ее было некому. Нас тут здесь было, есть, было четверо в комнате: я, да, я точно здесь, и Стиво, смотрит гольф по телеку, или скорее просто пялится на голубой зад того, кто может, а может и нет, сойти за игрока; Клэр развалилась на кушетке, смеется, как сумасшедшая, и рассуждает о том, почему ребята, что за стойкой стоят, голимые любовники (усталость, одиночество да алкогольная импотенция, заключает она; по-моему, не совсем верно, но ладно, фиг с ним); и вот еще тут Аманда — хакает со мной вместе клубнику.

Мы поедаем клубнику со сливочным сырком.

Есть клубнику надо так — разрезаешь ее на кусочки, тогда видно ту часть ягоды, которую видишь нечасто. Ага и угу, вот я умник-то, а. А потом можно наслаждаться чередованием красного и белого, пока темный ковролин не оборачивается гладко отполированными безупречно чистыми мраморными плитками, ласково уплывающими в бесконечность, и я вместе с ними, и просто поддаваясь минутной слабости, ускользая все дальше и дальше от Аманды, и от Клэр с ее кушеткой, и от Стиво, который так себе и смотрит гольф, и я ору во всю глотку УФФ РЕБЯТА ЯАА ПААШЕЛ УЖЕ НА ФИГ и роняю клубничину, комната вроде обретает нормальные размеры, и все эти на меня смотрят, а Стиво еще губы надувает, ну прямо клубничины, а Клэр ржет еще громче, отчего из меня пулеметными очередями изрыгаются громоподобные смешки, а к ним присоединяется и Аманда, и я воплю:

— Шушара на палубу! Охуительные бумажки, и мне башню щас так капитально снесет...

— К тебе щас все твои Смешлейтенанты слетятся, Ллойд, — смеется Стиво.

— И то верно. Точняком.

Я хочу как-то сняться и принимаюсь за руководство по приготовлению клубники, это понемногу становится для меня сверхзадачей. Не то чтобы я на измене или вообще съезжаю, но просто образовался вакуум, пустота в голове, в которую тут же заползают дурные мыслишки, а что если я тук-тук порежу эту клубничку, а потом раз-раз воткну этим ножом в кого-нибудь из присутствующих

Ух

Нет нет нет отвали нужно нужно не это зачем это я подумал нет это дурные мыслишки никак не объяснить от этого они только хуже а просто плевать на них надо а ножом только вычищать эти беловатые серединки из клубни-чен а в них сливочный сырок по чуть-чуть сличуть спирок.

Черт.

Не могу понять, сказал я это или подумал про себя или и то и другое одновременно. Так, если я все это сказал вслух, то о чем же тогда я думал? А? Вот-вот!

— Слышь, я говорил сейчас что-нибудь про клубнику, говорил вслух или нет?

— Ты просто думал вслух, — говорит мне Стиво.

Думал — говорил. Думать-то я думал, но вот только вслух ли? Вот подонки, хотят замутить меня в хлам, но мало одной марочки ЛС, чтобы сбить Ллойда Буиста с пути истинного, вот как брат семи морей.

— Думал вслух, — сказал или подумал я. Все-таки сказал, потому что Клэр заявляет мне:

— Наркотический психоз, Ллойд, вот что это такое.

Первый признак.

Я смеюсь ей в ответ и повторяю: наркотический психоз, наркотический психоз наркотический психоз

— Мы не против, но ты всю клубнику съел, Ллойд, -

говорит Аманда.

Я гляжу в кастрюльку, и точно, все признаки того, что там были ягоды, налицо, в виде листиков и все такое, но только сами ягоды скорее удивляют своим отсутствием. «Обжора ты, Ллойд», — думаю я про себя.

— Обжора ты, Ллойд, — говорит Клэр.

— Ни фига себе, Клэр, я ведь щас только что подумал те же самые слова... это же телепатия... или я сказал их вслух... от кислоты совсем башню рвет, и клубника, ведь я и правда съел всю клубнику...

Я начинаю слегка паниковать. Штука в том, что с истреблением всей клубники я каким-то образом утратил свой ковер-самолет во времени-пространстве. Клубника была для меня чем-то вроде машины времени, космического корабля, нет, слишком грубо, стираем эту мысль и начинаем по новой: клубника была для меня

способом передвижения из одного пространственного измерения в другое. Без нее я приговорен к вечной жизни в этом дерьмовом мире, поскольку без звуковых и визуальных галлюцинаций кислота вообще гадость порядочная; с тем же успехом можно просто упиться в минусы, да еще денюжат заслат пивнякам да тори, что мы и проделываем каждый раз, когда подносим к губам бокал этого дерьма, а вот без галлюцинаций у старой доброй кислоты есть один плюсики, приступы Смешлейтенантов, а это всяко получше, чем алкашка, в ней сидишь с козьей мордой и набираешься депрессанта под названием алкоголь, все, черт, хватит с меня, мы же про КЛУБНИКУ...

— Все, я пошел. Надо бы еще клубнички, а, — объявляю я всем. Меня что-то смешит в лице Клэр. Хроническая атака Смешлейтенантов.

— Смотри осторожней, не отлетай, — говорит мне Клэр.

— Да, поаккуратней там, — поддакивает ей Аманда.

— Ты безумный выходить в таком виде, — отвлекается Стиво от синей задницы гольфиста.

— Все отлично, ребята, — говорю им я.

И я прав. Здорово, когда о тебе все так беспокоятся. Но не до такой степени, чтобы я раскис иди или полез бы к ним целоваться, но это бы уже была паранойя. Я просто сказал, что хочу побыть один, я сказал.

Хочу побыть.

Но сначала иду отлить. Омерзительно ссать под кислотой, кажется, что никогда не закончишь, а время искажает все так, что вот вроде как отливаешь слишком долго; это действует на нервы, и в следующую же секунду я осознаю, как меня это уже достало, и я запикиваю член назад в штаны чуть раньше, чем закончил, хотя нет, уже закончил, но не стряхнул, и вот, блин, я ведь не в джинсах, а во фланелевых штанах, и с джинсами все бы ничего, но на фланели у меня будет карта Южной Америки или Африки прямо на самом интересном месте, если только я не приму радикальные меры — типа засуну в трусики туалетной бумаги. Трусики. Засуну. Кругом — обвинения. Я обвиняю. Пошли все на хрен. Я — Ллойд Буист.

Меня зовут Ллойд Буист, а не Ллойд Биатти. Б.У.И.С.Т. Еще одна атака Смешлейтенантов. Дышите глубже...

Только представьте меня, Ллойда Буиста, *меня*, перепутать с Ллойдом Биатти, тем кексом, что, как говорят, отпендюрил собственную младшую сестренку. Да у меня в жизни не было маленькой сестренки. Вверяю вам, ваша честь, и вам, господа присяжные, и тому палачу-психопату, что каждый разговор в любом пивняке Лита начинается словами: «А, помню-помню. Это же ты, грязный ублюдок...»

Блин, да как же можно все так напутать? Да, мы оба живем в Лите, и возраст тот же. Понятно, нас и зовут одинаково, Ллойдами... признаю, имя для Лита не совсем обычное. Ну да, у нас и фамилии с одной буквы начинаются. Да, боюсь, существует еще одно сходство, ваша честь, признаюсь, мы оба оттрахали наших сестричек. Ну что поделаешь тут, а? Все по-семейному, не надо драгоценное время на обычную болтовню тратить, на Баккарди с колой. Ну че, сестричка, давай-ка, а? Перепихнемся по-быстрому? А? Отличненько. Но вот только в моем случае это была чужая сестричка. Ясно? Ясно вам, люди? А вот и рок-опера, что я сочинил про Ллойда Биатти, того, другого Ллойда:

Дома, дома Ллойд сидит и ждет
И дрожит от скуки
Он смотрит из окна вперед и вниз
Вперед и вниз он смотрит
Но ничего там нет, один лишь город.

Сука, блин, это уже слишком, потому что это про меня, или про меня — подростка, а должно быть про Ллойда Биатти, мне нужно сосредоточиться на проблемах, которые привели этого самого Ллойда Биатти к инцестуальному роману с собственной сестрой, потому что просто так это все не случается, по крайней мере, ни с того ни с сего, постой-ка, постой... ведь если Ллойд Б. нумеро уно, кого мы назовем не-трахающим-сестру Ллойда, т. е. меня самого, если он сидел и дрожал, как и всякий тоскующий сексуально подавленный четырнадцатилетний подросток в своей комнате в Лите, то что же тогда делал Ллойд нумеро два; тот, что на самом деле, или, по крайней мере, со слов, отдал свою малышку-сублинга? Наверняка то же самое, что и Ллойд Первый, то же самое, что любой четырнадцатилетний парнишка в Лите в этот самый момент. Вот только он, грязная свинья, не просто дрожал, как все, а пошел, сука, еще дальше и связался с маленькой девчонкой, двенадцати лет от роду по слухам, в общем, хлебное дело для советников по семейным проблемам...

Но я совсем не то же самое, что тот урод поганый, да, имя совпадает... и все... спокойней-спокойней, это все кислота. Пора возвращаться — назад к друзьям, сказать «пока-пока», прежде чем я, наконец, точно, вчистую, раз и навсегда пойду в тот магазин.

— Да не трахал я свою младшую сестренку, — заявляю я им всем, входя в комнату.

— Да у тебя и сестры-то нет, некого трахать, — отвечает мне Стиво. — А если бы была, то уж наверняка бы засадил.

Задумываюсь над его словами. Тут что-то начинает шевелиться у меня в желудке. Я же ничего не хавал, на фиг, за последние пару дней, кроме экстази, амфетаминов и кислоты. Еще я выпил энергетического напитка и сожрал кусочек груши у Аманды и, разумеется, сливочный сырок и КЛУБНИКА. Пора идти.

Я выхожу из квартиры и прыжками, да, буквально прыжками несусь по Грейт Вестерн Роуд. Ллойд Буист, повторяю я про себя. Почему-то мне кажется важным про это помнить. Лит. Партийный беженец. Самый притесняемый из всех людей на свете. Борись за право тусоваться, нечего тратить драгоценную энергию на

всякую глухую чушь типа жрачки, работы и всей этой фигни. Скука, скука и еще раз скука. Беженец Ллойд, один посреди чужого мне Вест Энда в Глазго. Я был потерян во Франции, влюбленный. Нет, нет, нет, сукин ты сын. У тебя задача проще некуда. Наипростейшее задание

— Привет, большой человек!

Со мной поравнялись два кекса, тяжело дышат и оглядываются по сторонам. Это же эти... как их там... Роберт с Ричардом из тусовки с Мэрихилла. Я постоянно на них натываюсь, — в Метро, в Форуме, в Резарекшн, в Пьюр, в Суб Клабе... фанаты Слэма, не-е, Терри и Джейсон... Индастриа...

— Привет, ребята!

Что — то не то с их лицами, и слишком уж поспешно они от меня валят.

— Извини, большой человек, спешим, немножко поели и свалили... Приходится, а что поделаешь, ведь так... ведь не на хавчик же деньжата тратить... -выпаливает все это Роберт, обращаясь ко мне и пятясь назад, словно рефери на футболе. Полезный навык.

— Все ясно, ребята! Все, блин, с вами ясно! Хорошо идешь, Роберто! Отлично идешь, сынок, полезный навык! — кричу я им вслед, пока они быстrehонько сматывают удочки. Оборачиваюсь назад, и на меня валится этот слон-бамбула, я группируюсь, потому что безумец вот-вот кинется на меня, нападет на ни в чем не повинного Ллойда, паренька из Лита, одинокого в городе чужом, ни с кем не знакомым, однако нет, он все-таки пытается догонять ребят, несущихся во весь опор к подземке на Кельвин Бридж, и распухший от алкашки синяк ни за что не догонит двух здоровых молодых парней, тела которых окрепли от танцев и экстази; они в отличной, на фиг, форме, и толстозадый мясистый чувак (хотя не такой уж он и толстый) наконец сдается. Наши герои скрываются из виду, а запыхавшийся и раздосадованный преследователь остается стоять, тяжело дыша и уперев руки в боки.

И тут я начинаю ржать. Этот чувила направляется в мою сторону, но я уже не могу заставить себя заткнуться. Смешлейтенанты — огромные отряды.

— Где живут эти подонки, быстро! — то ли рывкает, то ли просто тяжело выдыхает наш герой. Похоже, что Ллойда из Лита, хорошего мальчика, воспитанного и прилежного эдинбургского студента, играющего в кегли и больше всего на свете интересующегося международными матчами по регби в Муррейфилде, здесь ставят в один ряд с Рикардо и Робертом, гопниками из грязных глазговских кварталов.

Это все равно что меня бы обвиняли в том, что я отпендрюжил свою младшую сестру, которой у меня и в помине нет.

— Чего? — выкашливаю я.

— Эти подонки — дружки твои. Где они живут?

— А пошел ты... — с этими словами я отворачиваюсь. И тут чувствую на своем плече его тяжелую ручищу. Он же мне шас врежет. Нет. Но отпускать не отпускает. Это хуже. Удар я еще могу понять, но вот ограничение свободы, нет уж, дудки... и я мочу его прямо в грудную клетку, самое место для таких подонков, но не в полную силу, а так, чтобы он отцепился, но это не срабатывает, и если вы хоть раз смотрели видео, то знаете, что надо либо мочить кого-то, либо нет, а с глупыми вполсилы шлепками ты будешь выглядеть полным уродом, и тут я начинаю по настоящему дубасить этого мужика, и ощущение такое, будто матрац выбиваешь, а тот орет:

— Звоните в полицию! Позвоните в полицию! Этот человек сбежал из моего ресторана не заплатив, — а я кричу:

— Отцепись, ты урод, это не я, — а сам продолжаю мочить его, будто я резиновый, и уже задыхаюсь, а он все держится за меня, и на его искаженном, но упрямом лице видны страх и жалость.

И вот он, мусор, прямо перед нами. Разнимает нас и все такое.

— В чем здесь дело? — спрашивает. А у меня в моих фланелевых трениках четыре марки. В кармашке. В маленьком таком кармашке, в специальном отделении. Я могу пощупать их пальцами. И вот мужик отвечает первым:

— Дружки этого вот приятеля наели-напили в моем заведении фунтов эдак на сто двадцать, да и наутек!

У меня же в голове одно — выудить кончиками пальцев эти малюсенькие квадратики заряженной бумаги.

— Правду говорит? — оборачивается мусор в мою сторону.

— Да с чего мне-то знать, а, я тут, понимаешь, просто вижу, понимаешь, двух парней — бегут себе по улице. Одного вроде видел как-то в Саб Клабе, ну, типа, и здороваюсь с ним. А тут этот хрен, — киваю на хозяина ресторана, — гонится, понимаешь, за парнями. А тут вдруг как вернется, да как набросится на меня.

Мусор снова поворачивается к мужику. Тут я быстро, зажав марочки между указательным и большим пальцем, подношу их к губам и глотаю разом, вот дурилка картонная, ведь мог бы и так оставить, и мусора бы не нашли, да и обыскивать меня не стали бы, ведь ничего и не натворил вроде бы, но я все ж таки глотаю всю казну, хотя мог бы на крайняк и так запросто скинуть. Вот дурья башка...

Мальчонку звали Ллойд Биатти

Он рос прелестнейшим дитятей

Ллойд Первый вызывает Ллойда Второго, как слышно, Ллойд Второй? Как слышно?

улетаю

Здоровяк, однако, не в лучшем расположении духа.

— Да эти суки просто грабанули меня! Я изо всех сил бьюсь, чтоб дело хоть прибыль приносило, что ли, а тут эти гребаные недоноски...

Вокруг нашей шумихи собралось несколько зевак. Я заметил это, когда одна тетка, по-видимому, наблюдавшая всю заварушку, вступилась:

— Да ты просто вцепился в парнишку! Схватил его, и все тут! Он-то тебе ничего дурного не сделал...

— Верно, верно, — подтверждаю я, поглядывая на копа.

— Верно говорит? — спрашивает тот.

— Ну вроде как и да, — приходится признаться мужику, моментально обмякшему, еще бы, ведь он только что абсолютно незаконно привязался к некоему Ллойд Буисту из Лита, шалопаю и бездельнику, противнику фашистской Британской государственности, но в этот конкретный миг, к стыду своему, вынужденному признать, что закон-то именно сейчас на его, Ллойда, стороне, и даже больше — грозит своим империалистическим кулаком капиталисту-бизнесмену, что пытался возвести поклеп на названного выше жителя Лита.

Тут другая тетка произносит:

— У таких, как ты, денег и так куры не клюют!

— Вот вам и мужики долбаные. Деньги, деньги, деньги, только о них и думают, — говорит с усмешкой та, что за меня заступалась.

— Деньги и своя нора, — отвечает ей другая. Потом смотрит на хозяина ресторана с презрительной такой ухмылкой.

Мужик поднимает на нее глаза, но она смотрит него с таким выражением, что он было хотел чего ответить, но сразу же передумал.

Коп закатывает глаза, пытаясь изобразить крайнюю степень раздражения, только сейчас это выглядит уж слишком театральным, а потому смешным движением.

— Слушайте, — говорит наш законник со скучающим лицом, — можно разыграть это все по правилам, то есть я забираю обоих в участок за нарушение порядка. — И приподнимает бровь, типа «а что предпочтете вы», глядя в глаза хозяину ресторана, который, похоже, уже и в штаны наложил.

— Да ладно... давай не будем, а, — просит наш мужик.

— Ты нарушал порядок, приятель, — начинает свою проповедь коп, указывая пальцем на мужика, — пытался задержать вот этого гражданина, в то время как виновники — два совершенно посторонних человека. Признаешь, что этот парень даже и не бывал в твоём заведении?

— Ну да, — отвечает тот. С виноватым видом.

— Как дважды два верно, — вступаю здесь я. Свинья нахальная. — Я — невинный прохожий, а, — говорю я полицейскому.

У него вид, как у Нодди-мультишки.

Тут он оборачивается ко мне, натягивая на себя формальную маску этакого Стража порядка.

— А ты, — начинает мусор, — ты вообще явно не в себе. Не знаю, чего ты там такого съел, но сейчас я слишком занят, чтобы это выяснять. Еще что про тебя услышу, и мне сразу будет до этого дело. Так что иди себе с миром.

Он снова обращается к хозяину ресторана:

— А от тебя мне нужны описания этих двоих.

Мужик делает свое заявление, подробно описывая ребят. Потом нас заставляют пожать друг другу руки, будто мы пацаны на школьной спортплощадке. Я было хотел обидеться на такое принуждение, но мне, к собственному удивлению, показалось приятным слегка повеликодушничать, тем более что я увидел, как с одной стороны у мужика на лице стали проступать ссадины и синяки, все-таки зря я так отдубасил беднягу ни за что ни про что, он же сильно расстроился из-за того, что его ограбили, и всего лишь пытался добиться справедливости, но ум его помутился в таком эмоциональном состоянии, когда он пытался задержать

вышеупомянутого парня из Лита. На этом законник исчезает в свою машину и оставляет нас глазеть друг на друга. Женщины тоже уходят своей дорогой.

— Неудобно как, а! — смеется мужик.

А я ни фига ему не ответил; пожал плечами, да и только.

— Слышь, прости, дружище... то есть ты бы мог мне неприятностей устроить. Обвинения там выдвинуть какие. Спасибо тебе.

Устроить, блин, ему неприятностей...

— Слышь, ты, блин, я в таком, блин, трипе, а тут этот мудака мусор, так мне пришлось все марочки свои заглотить. Через минуту мне тут полный капец наступит!

— Блин... кислота... сколько лет уже не пробовал... — говорит мне он, а потом: — Слушай, дружище, пошли-ка со мной. В ресторан. Отсидишься немного.

— Ну, если выпить чего у тебя там найдется, то пошли.

Он кивает.

— Понимать, все, что мне щас нужно, — это алкашка. Только с ней можно притормозить трип — влить в себя как можно больше. Депрессант, понимаешь?

— Ладно, ладно. Есть у меня выпить в ресторане. Я бы тебя в паб сводил на пару пива, но, знаешь, мне нужно к себе возвращаться — к вечеру готовиться. Субботний вечер, сам понимаешь, оживленное время и все такое.

От такого предложения я не могу отказаться. Марки накрывают меня, будто холодной рыбой по роже вмазали. В голове моей взрываются тысячи маленьких взрывов одновременно, и я вдруг понимаю, что ничего уже не вижу, передо мной только яркий золотистый свет и какие-то туманно-неопределенные предметы выются вокруг на недосягаемом расстоянии.

— Вот блин... слушай, я щас кинусь, не давай мне выйти прямо на дорогу...

— Все путем, приятель, держу тебя...

Мужик снова держит меня, но в этот раз я сам за него хватаюсь, хоть он и похож на этого мерзкого динозавра из Парка Юрского периода, одного из этих шустрых уродцев, которые, по динозаврским меркам, ну совсем малюсенькие, не то что Т. Рекс, Т. Рекс — вот это был крупный ублюдок.

— Субботний вечер, и вот опять... помнишь этого чувака Т. Рекса?

— Все путем, приятель, вот мы идем по улице... вот идем... ведь только потому, что у меня ресторан, это же не значит, что я толстый богатый мерзавец, которому все на блюдечке с золотой каемочкой достается. Я такой же, как эти ребята, дружки твои. Красть у своих же! Вот как это называется. Это меня больше всего бесит. То есть я хочу сказать — я же сам из Йокера, знаешь Йокер? Я — парень из красного песчаника, да.

И он продолжает нести всякую несусветную чушь, а я ослеп уже на фиг, и дыхание пошло на хуй, о нет, не думай о дыхании, твою, нет нет нет, плохой трип, и нет надежды, когда начинаешь думать про дышалку, твою мать, все плохие трипы случаются, когда начинаешь думать о дыхании.

но

мы же отличаемся от дельфинов, например, потому что этим кексам приходится осознать каждый свой вздох, когда они всплывают на поверхность и все такое. На хрен все это, себя бы пожалел.

Не я нет, не Ллойд Буист. Человеческое существо с развитым дыхательным механизмом, без учета кислоты. Ты никогда не задумывался о дыхании, просто дышал и все. Да!

Что если

Что если, но нет, нет, нет, но что если нет нет нет, вот это трип; я вылетаю в открытый космос, вижу тело Буиста: пустую раковину, которую тащат в логово серийного убийцы и извращенца ресторатора, это тело, что раскладывают на пустом столе, намазывая задний проход лубрикантом, и проникают внутрь в тот самый момент, когда сонную артерию жертвы перерезают ножом мясника. Кровь мастерски сливается в ведро для приготовления черного пудинга, а тело систематично^ рассекается, в то же самое время наполняясь спермой Йокера, и этой ночью в модном ресторане Вест Энда ничего не подозревающие обыватели сидят, болтая, не догадываясь о том, что вместо своей обычной трапезы из дохлых крыс они жуют останки Ллойда А. Буиста, малопривлекательного изгоя прихода города Лита, вошедшего в муниципальный Эдинбург в тыща девятьсотом, нет нет, подожди, в девятьсот двадцатом, я знаю свою историю, и этого хватит, чтобы душа запела ой ля ля хочешь перепихнуться, потому что мне почудилось что-то или кто-то обалденный, на самом деле обалденный, пересек поле моего транс-зрения здесь высоко в облаках, но да, Лит включили в Эдинбург, несмотря на то что народ проголосовал против слияния, что-то вроде семь миллиардов против одного но да, они все равно это провернули, потому что эти глупые люмпены ни хера не понимают, и им нужны хорошие и ласковые центральные правители, которые расскажут им про их собственные интересы, и так вот Лит и процветал с тех самых пор ха ха ха вот черт... ну кроме нескольких заезжих яппи, но очевидно что история Лита говорит об

— Знал я времена и потруднее, вот что я хочу тебе сказать, — говорит мой друг, Парень из Красного Песчаника, и я влетаю назад в свое собственное тело оглушительным толчком.

[illegible]

Нет, нет, нет, думай о жизни в райском саду, где вокруг сплошные голые похотливые бабы, и вдруг там появляется не кто иной, как Ллойд, но лица не могу представить себе долбанные лица и что если эти жестокие ублюдки в лаборатории дают ЛСД дельфинам? Уверен, блин, на сто процентов — эти подонки так и поступали. Аманда мне показывала, что она по почте получает, про то, как они измываются над кошками, собаками и мышами и кроликами, но это все херня; настоящая жестокость — это скормить ЛСД дельфинам. Мы сейчас нигуда не идем. Идем сейчас нет. Сейчас мы не идем. Мы где-то. Куда-то пришли.

— Держись, приятель, мы в моем ресторане. У Гринго. Мексиканская Кантина Гринго. Улица Ходж. А мы на кухне.

— Лонг Айленд Айс Ти пойдет.

Пойдет.

— ... мальчонка из красного песчаника. Не то что я жаден до денег, я ведь знаю, как много людей в Глазго голодают да без крова, но в этом правительство виновно, а не я. Я ж только пытаюсь как-то прожить, вот. Я ж не могу всех бедных накормить, это же не богадельня. Знаешь, сколько эти сволочи-громилы из муниципалитета берут за аренду?

— He-a...

А ведь парню стоит создать воинственную группировку в Йокере, и пусть назовет ее Красный Песчаник. Звучит неплохо. Красный Песчаник.

— Я ведь не тори, совсем нет, — говорит Красный. Пойми меня правильно, этот муниципалитет сами тори, только под другой, блин, вывеской, точно тебе говорю. А в Эдинбурге та же фигня?

Это уже слишком, блин. — А, да, Эдинбург. Лит. Ллойд. Никогда я, слышишь, я не тот, что отымел сестричку, это другой был Ллойд... хороший коктейль, прия — тель...

Лонг Айленд Айс Ти.

Коктейль бесится в моем теле, как не знаю что. Шас взорвется...

— На здоровье. Да, слышь, если б я и голосовал за какого-нибудь кекса, чего я, кстати, не делаю, я б голосовал за *Эс Эн Пи...* не-е, не стал бы, щас тебе скажу за кого я б голосовал, если бы голосовал, — помнишь того парня, что в тюрьгу попал за то, что не платил подушный налог?

Блин, что-то с коктейлем этим не того. Мне нужно что-то с клубникой, Клубничный, Клубничный Дайкири.

— Как парня-то звали?

— Клубничный Дайкири.

— Не-е... того, что в тюрьгу засадили за то, что не платил налог. Воинственного парня. Мне нужна клубника...

— Клубничный Дайкири, друг... мне сейчас нужен.

— А-а, Клубничный Дайкири... конечно. Но сначала допей этот Айс Ти, а! А я, пожалуй, сейчас пивка выпью, Сан Мигель, не-е, слишком крепко, может, просто Сол.

— А Бекса нет, дружище?

— Не-е, только Сол.

Красный Песчаник встает со своего места напротив сделать нам выпить, а у меня перед глазами просто как вулкан взрывается, и, вот блин, крыша проваливается... нет, ха ха ха наебал, наебал сам себя, но вот окно точно исчезло, это уж как пить дать.

— Прости, старик, но клубники-то нет. Пускай будет Лайм Дайкири.

Что? Нет клубники, твою... что за, блин, фигня, приятель... нет клубники, твою, говорит мне мужик, а я ему:

— Путем, все путем. И, э-э, спасибо, что приютил.

— Ла-адно уж, мне тебя как-то жалко стало, что ты все марки свои заглотишь. Как себя чувствуешь?

— Все путем.

— Вот видишь, я и говорю, пытаюсь выжить, только и всего. Но эти парни, они просто мусор. На клубы у них деньги есть, а у таких же, как они, воруют. Это же совсем не по-людски, твою мать.

— Не-а, парень, ты не прав, я целиком за парней... они-то знают, что игра идет не по правилам. Они-то знают, что в правительстве засилье скучных, тупых ублюдков, которые хрена с два таким, как мы, дадут, и они считают, что все такие же бедные, как они сами. А когда они видят, что кто-то побогаче, хоть они и лоб себе расшибут, то это им очень не нравится. Но ребята не понимают, что деньжата на клубы да на наркотики — не роскошь, черт дерь. Это деньги на самое необходимое.

— Да как ты можешь говорить такое?

— Мы же, блин, общественные, социальные животные, и нам абсолютно необходимо где-то собираться и хорошо проводить время. Это одна из основных потребностей живого человека. Основное, твою мать, право. А эти парни из правительства, потому что они подсажены на власть, они просто потеряли способность время хорошо проводить, и вот они хотят теперь, чтобы все остальные чувствовали вину, оставались навеки в своих коробочках и посвящали всю жизнь воспитанию следующего поколения корма для их фабрик, пушечного мяса или кротов на пособия для государства. И наши ребята, их долг как разумных, блин, существ — ходить по клубам и гулять с друзьями на вечеринках. Ну и конечно, время от времени им нужно есть, это тоже совершенно очевидно играет роль, но не так важно, как хорошо проводить время.

— Да не может быть, чтобы ты был за таких парней. Ерунда это все.

— Нет, я и в самом деле за парней. Целиком за — Ллойд, Ллойд из Лита, тот, что никогда не трахал своей сестры; целиком и полностью за Ричарда и Роберта из Глазго... славного города Глеска...

— Ты же вроде говорил, что их не знаешь? — Обиженное лицо Красного Песчаника вытягивается в мою сторону, окруженное какофонией лязгов и стуков и мигающего пульсирующего света...

— Я знаю их лишь как Ричарда и Роберта — вот и все, друг. Пару раз чесал языком с ребятами в чилаутах и тому подобное. И все на этом... слушай, мне полный п-ц. Я, может, сейчас умру. Мне надо либо голову куда-нибудь приложить, либо еще Сол...

И Сол, и Дайкири, и Лонг Айленд Айс Ти пусты, и я не помню, кто их все выпил, точно не я то есть...

Мужик отваливает расставлять столы в ресторане. Я лезу через мойку, по каким-то грязным тарелкам и просто сползаю, как угорь, из открытого окна, падая на какие-то мешки, полные мусора, и скатываюсь в сухую сточную яму посреди зацементированного заднего двора. Пытаюсь встать на ноги, но никак, и я ползу к зеленым воротам. Я знаю только, что должен идти, продолжать движение, и я порвал уже штаны и колено поцарапал и вижу свежую пульсирующую рану, похожую на разрезанную клубничину, и вот я уже на ногах, что странно: я ведь не помню, как вставал, и я иду по оживленной улице — может, по Грейт Вестерн или по Байрез, или, может, по Дамбартон, и я не вижу, куда иду, должно быть, домой, но точно, блин, не туда, не на квартиру к Стиву.

Солнце встает над кварталами. Я сейчас прямо полечу в него.

Кричу, обращаясь к людям на улице, двум девчонкам. Я говорю им:

— Солнце, видите, я сейчас полечу прямо в него.

Они ничего не отвечают и даже не обращают внимания на то, как я взрываюсь ввысь из этого мира, его затасканных, банальных подлостей, и лечу прямо в этого огромного золотого ублюдка в небесах.

11. Хедер

Мне кажется, что меня привлекала в Хью его преданность делу. Будучи студентом, он обладал невероятной преданностью делу. Но это его качество изменилось, можно сказать, эволюционировало с годами. Как же менялась преданность Хью?

Имя: Студент Хью

Предан делу освобождения трудящихся от ужасов капитализма

Имя: Безработный выпускник Хью Предан делу борьбы за сохранение рабочих мест трудящимися, но при этом не за смену системы

Имя: Новичок-на-служебной-лестнице Служащий Хью Предан делу защиты и улучшения услуг для трудящихся

Имя: Супервайзер Хью

Предан делу оптимизации качества услуг для потребителей этих услуг

Имя: Менеджер госсектора Хью

Предан делу предоставления высококачественных услуг путем повышения экономичности и снижения расходов. (На деле это означало увольнение многих трудящихся, предоставляющих эти услуги, но если это шло на пользу большинства их пользователей, то цена оправдывала подобные меры.)

Имя: Менеджер частного сектора Хью Предан делу максимизации прибыли за счет экономии, эффективного распределения ресурсов и выхода на новые рынки.

— Но мы же слегка продвинулись с тысяча девятьсот восемьдесят четвертого, Хедер, — улыбается он мне, выглядывая из-за своей *Индепендент*.

А вот кому пришлось меняться для сохранения имени, так это невинным. А у Хью «окончательный анализ» превратился в «точку отсчета». Семантика имеет значение. Банальные лозунги революции и сопротивления обернулись еще более банальной фразеологией бизнес-эффективности, финансового учета и спорта, — точки отсчета, движущиеся штанги, прикрытие базы, уровневые поля...

Где — то по дороге были похоронены и наши мечты. Может, революционные лозунги и были наивностью, но, по крайней мере, мы готовились к чему-то большому, к чему-то важному. Теперь наши горизонты стали такими узкими. Мне этого мало. Некоторые вполне довольны и этим, -пусть будут довольны. Но мне этого просто мало.

Мне мало, потому что мне уже почти двадцать восемь, а оргазма долбаного у меня уже четыре года как не было. Все эти четыре года он выпаливал в меня свой обойный клей, потребляя меня, пока я лежала, мечтая о потреблении.

И пока он трахает меня, я составляю в уме свой список:

сахар

джем

хлеб

молоко

фасоль

рис

приправы

пицца

вино

помидоры

лук

зеленые перцы

...а потом, потом я сделала кое-что совершенно провидческое: я прекратила потреблять ради самого потребления.

Жир начал опадать с моего тела. Он начал спадать с моих мозгов. Все стало легче. Началом послужили мои фантазии о нормальном трахе. Затем о том, как я всех их пошлю на... Я начала читать книги. Я начала слушать музыку. Я начала смотреть телевизор. Вдруг я поняла, что снова думаю головой. Я пыталась это прекратить, потому что мне только становилось больно. Но не смогла.

Когда все это переполняет твою голову, оно неизбежно выплескивается и в твою жизнь. Если этого не происходит, тебя может раздавить. Я не позволю себя раздавить.

12. Ллойд

Не сразу, не сразу мы попали снова в Соупдодж сити. Кислота, приятель, на хрен, на хрен, больше никогда, никогда, то есть, по крайней мере, до следующего раза. Приезжаю домой, а у дверей меня уже встречает Злобная Сучка.

— Где шлялся? — обвинительным тоном спрашивает она. Слишком, блин, ревнивой становится эта Сучка.

— Глазго, — отвечаю я.

— А зачем? — продолжает допрос она.

— Вечерина Слэма на пароме Ренфрю, — лгу я ей. Зачем Сучке знать обо всех моих похождениях...

— Ну и как?

— Нормально, — отвечаю я.

— У меня еще есть «птички» тебе на продажу, только они дома остались, — говорит она.

Офигенно. Еще дерьмового экстази на продажу. Моя репутация скоро так подмочится, что люди будут покупать себе химию у шотландских да ньюкаслских пивоваров. Те таблетки я у Стиво так и оставил, тот, конечно, ни на что особенно не рассчитывал, но сказал, что попробует кому-нибудь их сбавить.

— Ладно. Зайду попозже, — говорю я ей. Я хотел лишь одного — попасть к себе, выпить чашку чая и курнуть. И тут я вспоминаю, что оставил свою дудку в Соупдодж сити, вместе с таблетками. — У тебя дунуть есть? Мне очень надо дунуть. Так устал от этой поездочки. Челюсть сводит, будто сломанная. Мне необходимо расслабиться. Даже какие-нибудь транки долбаные подойдут. Мне нужно хотя бы что-нибудь. Мне нужно, и точка, блин.

— Ага, есть и гаш, и дудка, — говорит она.

— Ладно, тогда провожу тебя до дома.

Идем к Злобной Сучке, а там уже Соло, а также парочка приятелей по имени Монтс и Джаско. Соло начинает говорить со мной, а я ни хрена не понимаю. Будто он медленно выдавливая слова по слогам через свой длинный нос. Сучка пошла на кухню чайник поставить и дудок принести, а Монтс встал за спиной Соло с ядовитой ухмылкой и начал языком в щеке ворочать, будто хуй сосет. Они с Джаско, будто пара стервятников, кружащих над большим раненым зверем. Мне стало от этого грустно и жалко Соло. Все это напомнило мне сцену из фильма о Мухаммеде Али, который я смотрел по телеку, где он теряет свою живучесть, разбитый Паркинсоном, возможно, полученным в результате одного из боев. Злобная Сучка, когда вошла, была похожа на Дона Кинга, у которого страсть к манипуляции проглядывает даже в улыбке неподдельной радости.

— Ну, так ты отвезешь за меня товар Абдабу? — спрашивает она.

— Отвезу, отвезу, — отвечаю я. Абдаб — мой старый дружок в Ньюкасле. Сучка снабжала его товаром, а я возил. Мне не светило, конечно, туда только за этим ехать. И я согласился лишь потому, что хотелось повидаться с Абдабом и его джордивскими дружками да сходить куда-нибудь проветриться. Ньюкасл мне всегда нравился. Джор-ди — те же шотландцы, и не их вина, что их так англичане испоганили, бедняг.

Джаско начинает надо мной прикалываться. Обычно он — ничего мужик, но в последнее время что-то наглеет. Слишком много наркоты, по-видимому.

— Слышь, Ллойд, если у меня башка заболит, то я могу твой парацетамол схавать.

— Чего? — спрашиваю.

— А когда живот прихватит, то и бикарбон сойдет. Что-то я торможу сегодня — никак не просечь, в чем тут фишка.

— Да ладно тебе, оставь парня, Джаско, — говорит

Монтс.

— Да нет, ты послушай, — продолжает Джаско, — штука в том, что у меня тогда ни башка, ни живот не болели. Нет и нет. А хотелось мне одного — срубиться на экстази. Так чего же этот парень мне сдал парацетамол и бикарбон? — показывает он на меня.

— Отвали, Джаско, — говорю я, защищаясь, — то, конечно, были не лучшие таблетки, согласен, я тебе же так сразу и сказал, но не такое уж дерьмо.

Я не очень-то напирал, потому что Джаско был в таком настроении, когда непонятно, то ли он на полном серьезе, то ли в шутку себя накручивает.

— Только вот мне от них ни хера не было, — простонал он.

— Да ладно, в них МДМА сто двадцать миллиграм, мне парень говорил, — заявляет Сучка.

Хотя это, конечно, полная лажа. Хорошо, если там хоть пятьдесят миллиграм было, в этих «птичках». Их надо было по паре сразу глотать, чтобы хоть какой-нибудь приход словить.

— Ага, конечно, — говорит Джаско.

— Да точно. Ринти их из Голландии привез, — настаивает на своем Сучка. Слава богу, что она вступилась, хоть Джаско от меня отвлекла.

— Может, во сне он их и привез. Шотландские футбольные клубы больше в Европе проводят, чем те таблетки, что вы тут толкаете, — огрызнулся на нее Джаско.

Я знал, что этот разговор может длиться вечность, и быстро скурил свой косяк. Когда я вышел на улицу, вдруг увидел парня с девчонкой, идут в обнимочку, явно влюбленные, и уж точно без наркотиков. И тут мне подумалось: а когда я сам в последний раз вот так с девчонкой был, так, чтобы не на экстази? Да в прошлой, блин, жизни, вот когда. Пнул камень, лежащий на дороге, и тот попал, но не разбил, прямо в лобовое стекло припаркованной машины.

13. Хедер

Сейчас он что-то скажет. Брайан Кейс. Что-то, что он произносит каждое утро. Он скажет что-то неприятное. *Мистер Кейс*. Что же мне делать? Буду улыбаться, как и всегда. Будто мне в рот ложку засунули. Улыбайся. Улыбайся, даже когда чувствуешь себя раздетой догола, выставленной напоказ для осмеяния. Нет. Я слишком болезненно это воспринимаю. Надо понимать, что все зависит от того, как ты это воспринимаешь. Надо научиться так не реагировать, не сжиматься от неприязни. *Не* делать этого. Сама виновата. Я должна контролировать свое восприятие.

— Как поживает свет моих очей? — обычный уже вопрос Кейса.

Я готова выдать свой традиционный ответ: все в порядке, но что-то ломается.

— А с чего вы решили, что я — свет ваших очей?

Черт. Что я несу? Так нельзя... а почему, собственно? Можно. Я могу говорить все, что захочу. И если он делает непонятные или неуместные замечания, я могу попросить его объясниться, рассказать мне, что, черт подери, он имеет в виду. Что стоит за этим его вопросом?

— Ну, я вижу тебя, и моя жизнь становится ярче.

Как бы я ни старалась, мне уже не остановить «плохую Хедер». Раньше она могла всего лишь думать. Сегодня вдруг заговорила. У меня шизофреническое раздвоение личности, и плохая Хедер вырывается наружу...

— Странно, правда, то есть это неравновесие. Вот я вижу вас каждый день, но это абсолютно никак не отражается на моей жизни.

Важный момент — когда то, что я не могла сказать, становится тем, что мне нельзя говорить. Мой бунт перемещается из головы в большой открытый мир. Да! Нет! Да! Черт.

— О, — говорит он, — явно обиженный, не прикидываясь, а на самом деле, действительно, неподдельно обиделся, бедняга, — вот так вот, да?

— Я не уверена, что точно понимаю, что «так вот», — говорю ему я, — но я так вижу, и я так чувствую.

— Слушай, — говорит он с озабоченно-таинственным видом, — если что-то не так, можешь мне прямо рассказать. Не обязательно мне голову откусывать. Не такой уж я дурак, — говорит он с глупой улыбкой.

— Дурак вы или нет, совершенно меня не касается. Это ваше дело. А со мной все в полном порядке, лучше и быть не может.

— Н-да... но ты ведешь себя слегка странновато... Я выдерживаю безразличную мину.

— Слушайте, ваше поведение по отношению ко мне основывалось на предположении, что мне есть дело до того, как вам кажется я выгляжу. Дело не во мне. Вы — мой менеджер в компании, компании, для которой прежде всего важна выполненная работа, а не эстетика, сексуальность или что-нибудь еще в этом роде. Меня это не касается, и я не намерена об этом задумываться, но если то, как я выгляжу, делает вашу жизнь ярче, как вы изволили предположить, я посмотрю на себя очень внимательно и спрошу сама себя, что же за жизнь я вела до сих пор.

— Ну спасибо, что все мне разъяснила, — дуется он, — я же всего лишь пытался показать свое расположение.

— Ну да, но это я прошу прощения. К вам это не имеет никакого отношения. Принимая как должное ваше ребяческое, занудное поведение по отношению ко мне, я тем самым молча давала вам понять, будто я одобряю его, что было неверно с моей стороны с самого начала. Простите меня за это, я и в самом деле прошу меня простить.

Он кивает со смущенным видом, потом робко улыбается и заявляет:

— Ладно... ну, тогда я пойду.

Смущенно улыбается. *Мистер Кейс*. Господи Иисусе!

Я расслабляюсь за компьютером, ощущая легкую эйфорию. Во время обеда я шагаю в бар *Ист Порт* и поощряю себя джином с тоником. Сажу сама по себе, но не чувствую одиночества.

Весь последующий день я ощущаю прилив сил и энергии, а когда возвращаюсь домой, на автоответчике — сообщение от Хью: «Дорогая, сегодня немного задержусь. Мы с Дженни работаем над новой презентацией для команды».

14. Ллойд

Неплохо я повеселился с Абдабом в Ньюкасле, только чертовски устал. Он дал мне несколько грамм кокса, отвезти Злобной Сучке, и пакетик жег мой карман всю дорогу в автобусе. Это была, конечно, типичная отходняковая измена, но я постоянно вспоминал о Ньюксе и на каждой остановке ожидал появления старшего инспектора. Ничего такого не случилось, я благополучно добрался до дома и сделал себе супа.

Вечером пошел с Алли в Трайбл. Вообще-то мне хотелось одного — свалиться в постель, но этот кекс настоял на своем, и я пошел с ним. Мне даже пришлось употребить парочку экстази из своих запасов, что говорило само за себя. Эта партия оказалась полна неожиданностей, вроде с кетаминном или еще с чем. Я прибился — не то слово, танцевать вообще не смог. Засел в чил-ауте, а Алли развлекал меня трескотней.

— Как себя чувствуешь, Ллойд?

— К чертям, — говорю я.

— Тебе точно нужно попробовать моего чистейшего кристаллического мета, я дома оставил. Нюхнул раз, и глаз не сомкнешь. У меня от него три дня такой стояк был, вообще. Я уже собирался забыть про свои поиски любви и вызванивать Эмбер, чтобы пришла на лицо мне села. Но не хотел девчонке башню сносить, так вот.

— А сегодня она где?

— Да там, наверху. Она с Хэйзел, да еще Джаско. Он уже притерся к этой Хэйзел, — заметил Алли с грустинкой в голосе, цедя слова сквозь зубы и закидывая волосы назад. — Пойду, схожу их проведать.

Эмбер не заставила себя долго ждать. Убежала от Алли, оставив его отплясывать там, наверху.

— Да ладно, не обязательно было меня навещать, — прошелестел я. — Со мной все в порядке. Просто слегка прибило...

— Всё нормально, — быстро ответила она, взяв мою ладонь в свою, а потом задумчиво прибавила: — Да, знаешь, тебя там эта Вероника искала.

Мне, как обычно, потребовалась еще пара минут, чтобы понять, о чем речь, потом дошло. Вероника, этим вульгарным прозвищем некоторые иногда называют Злобную Сучку.

— А она сегодня здесь? — осмотрительно осведомляюсь я, а сам поглядываю на часики Эмбер — успеем ли мы свалить отсюда в Сублим или в Сативу, если ответ положительный.

— Не-е, до клуба еще в Сити Кафе виделись. Ну и славненько. Глотаю еще одну, и мы с Алли, Эмбер и еще с одним приятелем по имени Колин тащимся ко мне. Я пробую исполнить что-нибудь на вертушках, но чувствую себя слишком затраханым, чтобы делать что-то осмысленное. Скоро же та вечерина будет и все такое. Пришлось убавить громкость из-за этого дерьма-яппи из соседней квартиры, что он вообще в Лите делает, пожаловался на шум, а мне копов не очень-то хочется у себя видеть, особенно после того, что произошло с Ньюксом. Было смешно, потому что Эмбер слегка накидывалась на Алли, а этот молодой чувак Колин приставал к ней. Если бы я обладал хоть каплей того, что называют сексуальной амбивалентностью, мне стоило бы подъехать к нему, просто чтобы завести всю честную компанию. Но в конце концов он свалил, а за ним и Алли, и по мне бы и Эмбер тоже домой пошла, но она все сидела и музыку крутила. Мне было так хреново, и я сказал, что мне пора на боковую. Когда я проснулся, она лежала на моей кровати головой в другую сторону, а ее ноги упирались мне в лицо.

— Как дела, Ллойд? — спросила меня Эмбер. Она натягивает брюки, а сама так чертовски молодо выглядит без косметики, и я начинаю себя чувствовать просто педофилом каким-то, да-да грязный подонок, да-да, правда, ты — грязный любитель молоденьких девочек, гаденыш.

— Отлично, — говорю я ей.

— По мне, так ты не тянешь на отлично. У тебя ноги, кстати, воняют.

— Спасибо, что сказала. Вот это настоящий друг. Кофе хочешь?

— Да... давай. Да ладно, не обижайся, а, Ллойд. У любого ноги завоняют, если всю ночь в кроссовках болтаться.

— Есть такое дело. Например, у тебя. Прямо под нос мне сунула. Да-да, — отвечаю я, поднимаясь делать кофе, а она в ответ долго и недовольно гримасничает.

Мне, честно говоря, было довольно хреново. И кофе меня не слишком вылечил. Пора было наведаться к Злобной Сучке. Это все уже ни в какие ворота не лезло. Алли оставил мне немного своего мета, и я был не прочь им воспользоваться. Мне точно нужно было как-то взбодриться перед походом к моей мучительнице.

— Хочешь нюхнуть этого? — спрашиваю я Эмбер.

— Нет, и думать не хочу.

— Разумно, — отвечаю я, делая себе пару дорог.

— Ты обезумел, Ллойд. На хрен тебе это нужно?

— Не знаю, не знаю, Эмбер. Чего-то в моей жизни явно не хватает. Я уже старичок, по крайней мере, в сравнении с тобой, а еще ни разу по настоящему не влюблялся. Грустно, правда, — жалею я ей, занюхивая свои дороги. Ух, как жгут, суки, нежный мой носик.

Эмбер говорит:

— Бедный Ллойд... — и обнимает меня, ох как я хотел бы в нее влюбиться, но этого нет, и нет никакого смысла прикидываться, ведь это выйдет полная фигня. Все, что получится в результате, — это перепихнуться, но что это в сравнении с настоящей дружбой.

И когда она уходит, моя голова взрывается.

15. Хедер

Доктор выписал мне Прозак. Хью согласен с тем, что мне нужно его принимать.

— Вы слегка депрессируете, а это поможет вам приподнять тонус, — сказал мне доктор. Или это был Хью? Не помню. По-моему, они оба.

Приподнять мне что?

— Посмотрим, — говорю я Хью, — мне не очень-то нравится принимать такие таблетки, еще привыкнешь. Столько про них говорят всего.

Я опаздываю. Снова опаздываю на работу. Мне не встать с постели.

— Да-ра-га-я... врачи видят такое не в первый раз. Они знают, что делают, — обращается он ко мне, перекидывая через плечо сумку, полную клюшек для гольфа. У него сегодня выходной, свободное расписание. — Бог ты мой, мне совсем пора. Мы сегодня начинаем с новой лунки с Питриви, потому что я сделал его на прошлой неделе в Канморе. Вот ведь Билл, — Хью пожимает плечами. — Может, заскочим к ним с Молл попозже, а? — Хью целует меня на прощанье. — Пока, дорогая.

Я звоню своей подружке Мэри. Она советует мне взять больничный на день и отправиться на поезде до вокзала Хэймаркет в Эдинбурге. Она тоже собирается взять отгул. Самое простое для меня сейчас — это согласиться.

На станции Данфермлайн я удивляюсь, что до Эдинбурга ходит всего один поезд в час, тогда как до странной станции Инверкэйтинг — три или четыре. Но, слава богу, до моего поезда всего пятнадцать минут, и он опаздывает всего на десять, что довольно сносно, учитывая обстоятельства.

Мы с Мэри ходим по магазинам, потом возвращаемся к ней, сидим, пьем чай и болтаем. Она скручивает нам пару косяков, от которых я начинаю подхихикивать. Не хочу я ехать домой. Не хочу, а все-таки придется, нужно тащиться на вокзал в Хэймаркете.

— Оставайся на ночь. Прошвырнемся куда-нибудь. Тут новый клуб открылся. Давай съедим экстази и погуляем, — предлагает мне Мэри.

— Не могу... Надо возвращаться... Хью, — мямлю в ответ я.

— Он уже достаточно взрослый, чтобы последить за собой одну ночь. Давай, оставайся. У тебя прозак — отлично. Можем принять его после таблеток. Прозак продлевает эффект от экстази и к тому же разлагает токсины МДМА, которые могут, а может, и не могут вызвать мозговые нарушения впоследствии. Можно сказать, прозак делает экстази абсолютно безопасным.

— Ну, не знаю... я наркотиков уже сто лет не пробовала. Я, конечно, много слышала про экстази...

— Девяносто процентов из этого — полная фигня. Ну да, экстази убивает, но не больше, чем все остальное: пища, которую ты ешь, воздух, которым ты дышишь. На самом деле он причиняет гораздо меньше вреда, чем алкоголь.

— Ну да... Но я не хочу никаких галлюцинаций...

— Это же не кислота, Хедер. Тебе просто будет хорошо, и все вокруг будет очень красивым какое-то время. Никакого вреда в этом нет.

— Ну давай, — неуверенно соглашаюсь я.

Как последняя трусиха, я оставляю на нашем автоответчике сообщение для Хью. Потом мы отправляемся в бар перед клубом, а затем в сам клуб. Мне слегка неловко в одежде, что выбрала для меня Мэри. У нас всегда были одинаковые размеры, и в студенческие годы мы часто менялись шмотками. Тогда мы одевались одинаково. Сейчас, глядя на себя в зеркало, я подумала, что похожа на клоуна — короткая юбка, облегающая футболка. Но эти вещи шли Мэри, а мы все-таки с ней одного возраста. Я боялась, что в клубе все будут глазеть на меня, но никто не обращал внимания. Сначала мне было немного скучно. Мэри не позволила мне выпить в баре. Испортит экстази, как она сказала. Мои нервы жаждали джина.

Таблетку я приняла в клубе. Приход был сильным, и у меня слегка заболел живот. Мне было не по себе, хотя и не так плохо, как я представила это Мэри.

— Тебе нехорошо, потому что ты борешься с этим ощущением, — прошептала мне с улыбкой она.

Потом оно появилось в руках, в теле, прошло по спине — щекочущее ощущение волны. Я взглянула на Мэри, она показалась мне прекрасной. Я всегда знала, что она красива, но с годами я начала смотреть на нее с точки зрения общего увядания. Я искала морщинки вокруг глаз, прибавления в весе, седину. Находила я их или нет, не имело значения. Главное — я искала их в Мэри, а значит, и в себе, не задумываясь, что сама совершенно такая же.

Я отправилась в туалет посмотреть в зеркало. Мне казалось, что я не иду, а лечу, окруженная собственной таинственной аурой. Как будто я умерла и летела в небесах. Все эти красивые люди улыбались мне, их облик отражал мое собственное состояние. На самом деле они не выглядели как-то по-особенному, но я замечала в

них какую-то радость. Я посмотрела на свое отражение. Я не увидела в нем одного — тупой супруги Хью Томсона. Ее там не было.

— Привет, — обратилась ко мне одна девушка, — как себя чувствуешь?

— Да... это просто невероятно! Мне никогда не было так хорошо! Я первый раз в экстази... — выдохнула я. Она подошла и обняла меня.

— Здорово! Первый раз — это что-то особенное. С ним всегда хорошо, но, понимаешь, первый раз — это...

Мы говорили целую вечность, только потом я вспомнила, что мне нужно возвращаться к Мэри. Мне казалось, что я всех здесь знаю, всех этих незнакомых мне людей. Нас объединяли понимание и близость, о которых не имеют представления те, кто не испытал этого в подобной обстановке. Как будто мы были вместе в нашем отдельном мире, мире, в котором не было места страху и ненависти.

Я отпустила от себя страх, вот и все, собственно, что со мной случилось. Я танцевала под чудесную музыку. Я обнималась с совершенно незнакомыми мне людьми. И с парнями, но не похотливо. Когда я вспоминала про Хью, мне становилось его жаль. Жаль, что он никогда не узнает этого, жаль, что он растратил свою жизнь понапрасну. Жаль, что он потерял меня, а он потерял меня теперь уже наверняка. Между нами все было кончено. Этот этап моей жизни был пройден, завершен окончательно. На следующий день я снова взяла отгул.

16. Ллойд

Алли был прав в отношении этого дерьма. Все именно так — не можешь глаз сомкнуть днями и ночами. Меня переполняли энергия и мысли. Я не мог даже моргнуть. Я пытался, пытался моргнуть, пока сидел на горшке в туалете. И вдруг кое-что случилось — я стал так моргать, что не мог остановиться. Мне стало дурно, я даже думал, что вырубаясь. Я грохнулся на холодный линолеум и прижался горячей щекой к полу, мне стало полегче. Моргание прекратилось, я снова был бодр.

Тут позвонили в дверь, пришел парень по прозвищу Сталкер. Он шагнул мимо меня в прихожую. Достал мешочек и подцепил его на металлические весы, которые вытащил из кармана.

— Десять грамм, — сказал он, — попробуй.

Я попробовал, хотя я и не умею на вкус определять чистоту кокаина, поскольку я не такой его любитель, но так или иначе он показался мне получше, чем у Абдаба. Я спросил Сталкера, можно ли снюхать дорожку. Закатив глаза в нетерпении, он тем не менее насыпал нам обоим по дороге на моем кухонном шкафу. Я сразу ощутил эту приятную онемелость, но меня все еще так перло с того мета, что какая-то дорожка кокса просто не играла роли. Да и весь этот мерзкий мешочек не сыграл бы роли. Но я все равно вручаю Сталкеру его лавэ, и он отваливает. Станный тип, этот Сталкер, вроде ни с кем не тусуется, но все почему-то его знают.

Я высыпаю примерно пятую часть порошка и замешиваю в остаток такое же количество талька без запаха. Разницы все равно мало.

Дома мне никак не успокоиться. Звоню всем своим друзьям-подонкам и несу всякую чушь. У меня уже чудовищные счета за телефон, а лавэ ноль, и я пользуюсь им лишь в таких, как вот этот, случаях. Я все вспоминал, как я завязался со Злобной Сучкой. Это уже давно было, а причины — чисто финансовые. Я возил для нее и для Соло, который был у нее вроде парня или мужа или что-то в этом роде. Соло был подонком, но с тех пор, как он здорово схлопотал от другой конторы, он уже не смог снова стать значимой силой. Он существенно затормозил после того, как его нашли без сознания, вроде с мозговой травмой. Как сказал про него Джаско однажды:

— Эти чуваки из скорой, что его с асфальта соскребали, наверно, оставили часть бедняги на месте происшествия.

Должен признать, что я особо и не горевал, но когда он еще хулиганом был, ты все-таки всегда знал, что за тобой Соло. Злобная Сучка — это совсем другое дело. Я должен был что-то заподозрить, когда я позвонил ей, а она не подошла к телефону. Жертва сказала, что мне «нужно зайти».

Прихожу, а там народа пруд пруди. В углу тихо сидит Жертва и в окошко глядит, в ее больших темных глазах напряжение и испуг, будто она пытается понять, откуда ее жизни будет нанесен следующий сокрушительный удар. Там еще был Бобби, его улыбка излучала злое презрение. Там сидел Монтс, убранный в говно настолько, что даже поздороваться со мной не смог, а еще я заметил Пола Сомервилля, Спада Мерфи и одного кекса, лицо которого было мне смутно знакомо. В углу сидел Соло в кресле-каталке. Да просто дом, блин, ужасов какой-то.

— Сучка совсем с дуба вчера рухнула, — сообщает мне Бобби. — Кокса накурилась. А щас отходняк, да еще какой. Не завидую тебе, Ллойд.

Мне все это дерьмо ни к чему. Я просто пришел по делу. И отправился прямиком в спальню к Сучке, сначала постучался, а в ответ услышал хриплое шипенье, которое могло значить и «входи» и «пошел ты...». Я вошел.

Сучка лежала на кровати в отвратительно ярком спортивном костюме. На столике возле кровати работал телек. Она курила гаш. В лице у нее ни кровинки, но черные кудри были, похоже, хорошо вымыты и даже как-то блестели. Кожа ее выглядела грубо, в оспинах и обезвоженной, и настолько контрастировала с пышущими здоровьем волосами, что она была похожа на старую каргу в театральном парике. В ней еще была заметна та удивительная черта, которой я не уставал восхищаться, а именно — густые черные брови, сходящиеся на переносице, что делало ее похожей на особый тип кельтского фанатика, которые всегда похожи на Пола Мак Стэй. Эти ее брови нависали над узкими зелеными глазками, всегда в тени и обычно полуприкрытыми. Помню, как однажды под экстази у меня случилась эрекция, когда я увидел ее небритые подмышки под белым хлопковым топом без рукавов. И однажды я дрожил, представляя себе, как трахаю ее подмышки. Не знаю уж почему, но эротика — странная штука, и так просто в ней не разберешься. Мне от этого стало очень не по себе, ну, может, минуты на две-три. А однажды, я в трипе попал в забегаловку в начале улицы и не мог говорить, не мог сказать даже, что мне было нужно, не мог думать ни о чем, кроме подмышек Злобной Сучки. Это все Алли, он меня первый к ним приколот. Он как-то был в кислоте в Гластонбери и сказал мне голосом благородного выродка:

— А эта девица Вероника, — какой избыток волос у этой девицы...

И после этого мы уже глаз не могли оторвать от подмышек Сучки.

Ее лицо дернулось в уродливой гримасе — она меня узнала; потом выражение сменилось на карикатуру негодования, и я понял, что даже думать о сексе с ней — совершенно абсурдная мысль.

Трахаться с Сучкой — ну что за бред.

— Ну? — выпаливает она.

— Ну, все получил, — говорю я, вручая пакетик с коксом.

Она, как ошалевшая хищница, накидывается и рвет его на части, торопливо делает дороги и снюхивает, с искаженным лицом, совсем таким же, как когда она рылась в бычках в моем мусорном ведре однажды, когда у нее кончились сигареты. Я тогда наорал на нее, и она присмирела, скрутив капельюшку давно прокисшего табачка.

Это был первый и последний раз, когда я видел со стороны Злобной Сучки хоть какое-нибудь уважение.

Именно Монтс дал ей такое прозвище. Он отымел ее однажды, а потом то ли не стал больше, то ли не удовлетворил ее как надо, но, в общем, она натравила на него Соло, тогда еще не овоща.

— Эта Злобная Сучка Вероника, — шепелявил он с горечью в голосе, когда я пришел навестить его в больнице, все лицо у него было в бинтах.

— Как себя чувствуешь? — спрашиваю. Я засмотрелся на ее профиль. И вижу кольцо у нее в пупке, там, где чуть задрался верх ее спортивного костюма.

— Погано, — шипит она в ответ, посасывая сигарету.

— Что, крэком балуешься?

— Ага... — говорит она, потом оборачивается ко мне, — чувствую себя отвратно. Предменструальный синдром. Единственное, что помогает, так это хорошо перепихнуться. Но от этих уродов там ничего путного не добьешься. А это все, что мне нужно. Перепихнуться.

Я вдруг понимаю, что гляжу ей прямо в глаза, и стягиваю с нее треники.

— Ну, я готов, блин...

— Ллойд! — смеется она, помогая мне раздевать себя.

Я сую палец Злобной Сучке в вагину, она уже вся мокрая. Наверное, трогала себя, а может, это от крэка или еще чего. Я тем не менее забираюсь на нее и вталкиваю свою эрекцию в ее пизду. И лижу ее испещренное оспинами лицо, как дурная собака грызет сухую, потрескавшуюся, старую кость, и накачиваю механическими толчками, наслаждаясь ее стонами и придыханиями. Она кусает мне шею, плечи, но от кристал-мета мое тело как одеревенело, и я мог бы засаживать ей хоть целый день. У Сучки случались оргазм за оргазмом, а я только мог мечтать о том, чтоб кончить. Я сую ей под нос свои «кнопки» в последний раз и пихаю ей в анус свой палец, — она вопит, как бэньши, и мне кажется, что сейчас все эти кексы сюда сбегутся из соседней комнаты, но что-то никто не появляется. Сердце у меня прямо выскакивает, и мне на секунду становится жутко, что я сейчас копыта откину, потому что у меня вдруг снова начинается мое моргание, но вроде мне удастся с ним справиться.

— Все... хватит... -слышу, как Сучка стонет, и я вытаскиваю из нее свой член, такой же твердый, как и в начале.

Сижу на ее постели и пытаюсь хоть немного согнуть свой твердый член, чтобы в джинсы поместился. Такое ощущение, что у тебя в штанах деревяшка или железный брусок какой-то. Хочется или отломить его, или отхватить чем-нибудь. Меня передергивает, когда я представляю себе, какое у меня должно быть давление.

— Безумие какое-то... -откинувшись, выдохнула Злобная Сучка.

Мне пришлось полежать с ней, пока я не услышал, что все ушли. Слава богу, она глубоко заснула. А я лежал себе, весь напряженный, смотрел в потолок и думал о том, что за хреновую жизнь я веду. Мне даже подумалось, что вот, надо было оттрахать подмышки у Сучки, пока была возможность. Если уж приходится делать что-то крайне неприятное, о чем потом пожалеешь, то хоть исполнение твоих давних эротических фантазий могло бы скрасить серую действительность.

Через какое-то время я пошел в гостиную, Соло с Джаско заснули на кушетке. Я выбрался из квартиры и пошел бродить по городу. Любители экстази спешили — шли или уже возвращались из клубов, с улыбками на лице, держа друг друга за руки; пьянчуги горланили песни, шатаясь по улицам; и были еще всякие прочие, что замешивали себе в безумные коктейли все возможные виды наркотиков.

17. Хедер

Голова гудела, пока я шла по Принцесс-стрит. Мэри сегодня утром пришлось отправляться на работу в *Шотландский Офис*, для меня подобный подвиг был бы слишком. Утром в ее квартире я взяла с полки томик стихов Шелли. Я не могла остановиться, все читала и читала, потом — Блейка и Йетса. Мозг мой требовал подзарядки, мне было не насытиться.

На Ганновер-стрит я зашла в художественную лавку. Мне хотелось рисовать. Вот, что мне было нужно — купить набор красок. Потом я заметила музыкальный магазин *HMV* и заглянула внутрь. Я бы купила там все диски, что мне попадались, и я сняла весь свой лимит — триста фунтов — с карточки. Мне было никак не решить, что же выбрать, и в итоге я купила несколько дисков сборников хауса, может, и не настолько хороших, но все, что угодно, неплохо после Дайер Стрэйтс, U2 и Ранрига, которых слушает Хью.

Я зашла в книжный Уотерстоунс. Порылась немного и купила книжку про Битлз и их музыку в контексте шестидесятых. Сзади на обложке было написано об одном парне, который прочитал эту книжку и пошел и купил себе полное собрание Битловских альбомов на CD. Я сделала то же самое. Хью Битлы не нравились. Как могут они не нравиться?

Потом я пошла выпить чашку кофе и читала Нью Мьюзикал Экспресс, который не покупала себе уже много лет. Я прочитала интервью с человеком, который играл в Хэппи Мандэйз, а потом собрал группу Блэк Грэйп. Я снова вернулась в *HMV* и купила себе их альбом *Здорово, что ты не пидор... Да!* только потому, что этот парень рассказал про себя, что он принимал горы наркотиков.

Еще купила себе несколько книжек, а потом села на поезд — домой. На автоответчике было сообщение: — «Дорогая, это Хью. Позвони мне на работу».

На кухне я нашла записку:

Ты меня здорово напугала. По-моему, это немного эгоистично. Позвони, когда появишься.

Хью

Я смяла записку. Диск Хью *Братья по оружию* лежал на кофейном столике. Он всегда его ставил. Мне особенно не нравилась песня Деньги впустую, именно ее он постоянно напевал. Я поставила свой диск Блэк Грэйп, а *Братьев по оружию* сунула в микроволновку. Мне хотелось доказать, что то, что говорят про лазерные диски, что их не испортить, просто чепуха. И еще, чтобы удвоить свои доказательства, я посмотрела на то, как с лица земли так же исчезает *Любовь превыше золота*.

Хью вернулся домой встревоженным. К этому моменту у меня настроение тоже поменялось. Я чувствую себя загнанной, подавленной. Вчера я приняла четыре таблетки экстази, что, по словам Мэри, и так слишком много для первого раза. Но мне не хотелось останавливаться. Хотя она предупреждала меня об отходняке. Сейчас все кажется безнадежным.

А Хью встревожен.

— Ты не видела *Братьев по оружию*, дорогая? Не могу найти... у нас есть музыка и цветное ТээээВээээ...

— Нет.

— Дееееньги впустую... слушай, а... Давай прокатимся.

— Я здорово устала, — отвечаю я.

— Выпила лишнего с Мэри? Что за пара! Но серьезно, Хедер, если ты собираешься прогуливать работу, этого я не могу оправдывать. С моей стороны было бы лицемерием убеждать собственных сотрудников в важности нормальной дисциплины после того, как все станет известно; а ведь Данфермлайн не такой уж большой городок, и, Хедер, если люди начнут говорить, что моя собственная жена — прогульщица и что я попустительствую этому...

— Я устала... Мы действительно выпили лишнего... Пойду-ка я наверх, прилягу...

— Прокатимся, — говорит мне он с ключами в руке, помахивая ими, будто я собачка, а ключи — мой поводок.

Не могу с ним спорить. Мне нехорошо, голова кружится, я устала и выжата, как будто меня прокрутили на полный цикл в стиральной машине.

— Мне просто кажется, что небольшая прогулка поможет тебе чуточку взбодриться, — улыбается он и выгоняет машину из гаража.

Рядом с ним сидит женщина с растрепанной головой и темными кругами вокруг глаз. Откуда-то я ее знаю.

Я достаю темные очки из бардачка. Хью неодобрительно ерзает.

— Я ужасна, — я слышу свой тоненький голосок.

— Ты просто устала, — отвечает он. — Подумай о том, чтобы перейти на неполный день. Нелегко работать в организации, в которой идут перемены. Я хорошо это понимаю, — у нас то же самое. И люди твоего уровня обязательно это чувствуют. К сожалению, всегда кто-то да страдает. Но ведь яичницу так просто не сделаешь, правда? Боб Линклэйтер уже вторую неделю в отгуле. Стресс. — Хью оборачивается ко мне, закатывая глаза. — Я уверен, что в твоём случае все по-настоящему. Некоторым людям не вписаться в современную организацию. Грустно, но что поделаешь. Но, подумай, у нас и так все идет неплохо, и нет необходимости превращать себя в мученицу, только чтобы что-то кому-то доказать, Хедер. Ты же сама это прекрасно знаешь, правда, сладкая моя?

Я снимаю с себя темные очки и гляжу на это бледное больное лицо, смотрящее на меня из отражения в боковом зеркале. Мои поры открываются. Под моими губами — пятно.

— ...возьми жену Алана Коулмана... как ее зовут? Вот она — отличный пример. Сомневаюсь, что она вернется, даже если ей и приплачивать за это будут. Мы все хотели бы так, большое спасибо! Иан Харкер с гольф-площадки не вылезает с тех пор, как ушел на пенсию... Мужчина двадцати семи лет рассуждает о пенсии!

— ...и понимаешь, Алистер и Дженни и в самом деле просто перевернули отдел вверх дном. Жаль, конечно, что кто-то из них останется ни с чем, когда другой займет место Иана. Похоже, деньжата глядят в сторону Дженни, хотя, возможно, они и возьмут кого-то свежего со стороны, чтобы не расстраивать никого из этих ребят...

Я все ждала, когда же Дженни появится в этом разговоре.

— А ты бы хотел полизать ей?

— ... потому что, при всех прочих равных условиях, а они оба профессионалы, — если одного из них назначат, а другого нет... прости, дорогая, ты что-то сказала?

— Как тебе кажется, у нее есть имидж? У Дженни? Сама как на витрине, куча пи-ар, как ты как-то выразился.

Я вся дрожу, парализующая дрожь проходит по всему телу точным цифровым ритмом раз в две секунды.

— Да я никогда еще не работал ни с кем более настойчивым и целеустремленным, будь то мужчина или женщина, — в улыбке Хью сквозит обожание.

Ты трахаешь ее, трахаешь уже четыре года, я надеюсь на это, потому что не может быть, чтобы ты трахал меня настолько плохо, если только в это время ты не трахаешь кого-то еще...

— У нее есть любовник? — спрашиваю я.

— Она живет с Колином Норманом, — отвечает Хью, безуспешно пытаясь не придать словам «Колин Норман» смысл «маньяк-педофил» или, что еще хуже, «сотрудник с большим количеством больничных дней».

Конечно, вся эта поездка была подстроена. Я знаю, куда мы направляемся. И вот мы въезжаем в знакомый дворик.

— Билл с Молл сказали, что мы спокойно можем заскочить на стаканчик-другой, — объясняет мне Хью.

— Я... э... я.

— Билл что-то рассказывал о том, что он свой кабинет увеличил. Я думал взглянуть.

— Мы почему-то никогда не ходим к *моим* друзьям!

— Дорога-ая... Билл с Молл — это и *твои* друзья!

— Мэри... Кэрен... они тоже были *твоими* друзьями.

— Ну, эти университетские знакомства; студенческие глупости, дорогая. Жизнь не стоит на месте...

— Я не хочу заходить...

— Ну что с тобой, дорогая?

— Мне кажется, я лучше пойду...

— Пойдешь? Пойдешь куда? О чем ты говоришь? Ты хочешь домой?

— Нет, — шепчу я, — мне кажется, я лучше уйду. Просто уйду. Навсегда, — мой голос сливается с тишиной.

Уйду от тебя, Хью. Ты играешь в теннис, но живот у тебя все же появляется...

— Ну, вот и хорошо, дорогая! Вот молодец! — говорит он, выпрыгивая из машины.

Билл уже в дверях, приглашает нас войти с поддельным удивлением.

— Двойняшки Томсон! Как наша прелестная Хедер? Великолепна, как и всегда!

— Хью завидует, — говорю я, рассеянно теребя Билла за пуговицу, — говорит, что твой кабинет больше его. Правда, что ли?

— Ха-ха-ха, — немного нервно смеется Билл, а Хью устремляется дальше, и вот он уже чмокается с Молл, и я чувствую, как чьи-то руки снимают с меня пальто. Меня передергивает, и я снова начинаю дрожать, хотя в доме тепло. На столе в гостиной накрыто что-то типа фуршета.

— Отведайте знаменитой чесночной пасты от Молл, — зовет нас Билл.

Чувствую, что сейчас мне надо бы сказать Молл: НЕ НУЖНО БЫЛО ТАК БЕСПОКОИТЬСЯ, но сейчас мне все до фени. Я ощущаю, как приходят слова, но их слишком много, и они застревают у меня в горле; мне кажется, что мне придется физически доставать их пальцами. Так или иначе, Хью первым открывает рот:

— Не нужно было так беспокоиться, — улыбается он Молл.

Так беспокоиться. Понятно. Молл отвечает:

— Что вы, какое беспокойство.

Я присаживаюсь, наклоняясь вперед, и замечаю пуговицы на ширинке Билла. Я думаю, что расстегнуть их и посмотреть на его член было бы все равно что развязать мусорный мешок и копаться в его содержимом: вонь ударяет прямо в лицо, когда берешь в руку этот мягкий гнилой

банан.

— ...и Том Мэйсон оговаривает в контракте на обслуживание, что у нас будут аккумулированные штрафные санкции за задержки при поставке, и это, надо заметить, оказало нужный эффект на внимание нашего друга мистера Росса...

— ...похоже на нашего Тома, расставить защиту по всем фронтам, — замечает Билл восхищенно.

— Разумеется, наш приятель Марк Росс был совсем не рад такому обороту. Но, как говорится, не все коту масленица.

— Абсолютно справедливо! — улыбается Билл, и Молл за ним, от чего мне вдруг хочется крикнуть на нее: чего *ты-то* улыбаешься, какое *тебе* дело до всего до этого; но тут он добавляет: — Ой, кстати, я же купил сезонные.

— Отлично!

— Сезонные? — спрашиваю я. — Фрэнки Валли... и

Четыре...

— Я купил пару сезонных билетов для себя и для твоего благоверного в Иброкс, на старый стэнд.

— Что?

— Ну, футбол. Глазго Рэйнджерс ЭфСи.

— Да?

— Неплохо проведем денек, — говорит, смущаясь Хью.

— Но ты же — за Данфермлайн. И всегда за него был! — это почему-то злит меня, сама не знаю почему. — Помнишь, ты водил меня в Ист Энд Парк... когда мы были...

Я не могу закончить предложение.

— Да, дорогая... но Данфермлайн... понимаешь, я никогда за них как таковых не болел; они и были-то всего простой местной командой. Сейчас все изменилось, теперь нет местных команд. Мы должны болеть за Шотландию в Европе, за историю успеха Шотландии. К тому же я очень уважаю Дэвида Мюррея и знаю, что они в Иброксе умеют хорошо принять гостей. Парсы... это совсем другой мир... к тому же в душе я всегда был ближе к синим.

— Ты болел за Данфермлайн. Мы же с тобой ходили. Помнишь, как они проиграли финал Хибсам в Хампдене. Ты же места себе найти не мог. Плакал, как мальчишка!

Молл улыбается на это, а Хью явно не по себе.

— Дорогая, мне кажется, Биллу с Молл совсем не интересно слушать, как мы спорим о футболе... да ты ведь никогда этим особенно не интересовалась... с чего это вдруг?

С чего это я вдруг?

— Да так, ни с чего... — устало закрываю я тему.

Это последняя капля. Мужчину, который меняет женщин, еще можно простить, но мужчину, который меняет команды... Это значит, что у него нет воли. Это значит, что он стал глух ко всему, что важно в жизни. Я бы не

могла жить с таким.

— А Молл приготовила замечательную пасту! Очень вкусно — этот чесночный соус!

— И очень легко, — говорит Молл.

— Прости, Молл, что-то аппетита нет, — говорю я, отщипывая кусочки хлеба. Я почти подпрыгиваю, когда Билл вдруг подлетает ко мне и устанавливает тарелку прямо мне на сиськи.

— У-упс! Служба слежения за крошками! — говорит он, выжимая улыбку на расстроенном лице.

— Новый ковер, — извиняющимся тоном добавляет Молл.

— Мне так неудобно, — слышу я свой собственный

голос.

— Давай посмотрим на твой кабинет, Билл, — говорит Хью, подпрыгивая от возбуждения.

Пора уходить.

В конце вечера, когда я умирала в тысячный раз, Билл говорит:

Хью, по — моему, Хедер не совсем в порядке. Ее знобит и всю трясет.

— Может, у тебя грипп начинается? — спрашивает Молл.

— Да, дорогая, мне кажется, что тебя пора везти домой, — кивает Хью.

Мы приезжаем домой, и я начинаю собирать вещи. Хью даже не замечает. Мы ложимся спать, и я говорю ему, что у меня болит голова.

— О, — отвечает он и засыпает. Когда он уходит, я только просыпаюсь. Он уже надел костюм и стоит надо мной, а я вся заспанная, и он говорит:

— Тебе пора собираться на работу, Хедер. Ты опоздаешь. Давай, дорогая, бери ноги в руки. Я рассчитываю на тебя!

На этом он уходит.

И я тоже.

Я оставила записку:

Дорогой Хью,

в последнее время у нас не все было в порядке. Это моя вина, я мирилась с переменами в тебе и в нашей жизни уже много лет. Они постепенно копились, и я стала похожа на «вареную лягушку», о которой ты говоришь на своих бизнес-семинарах. Окружение меняется так постепенно, что ты, не замечая, миришься с этим, а потом вдруг видишь, что все уже не то. Я не обвиняю тебя, я ни о чем не жалею, просто все кончено. Бери себе все деньги, дом, вещи и т. д. Я не хочу общаться с тобой, поскольку у нас нет ничего общего, и результатом такого общения будут лишь ложь и разочарование. Я не держу на тебя зла.

Хедер

Внезапно я почувствовала облегчающий приступ злости и приписала:

PS: когда мы трахались все эти последние четыре года, мне казалось, что меня насилуют.

Но потом я взглянула на записку и оторвала этот кусочек. Я не хочу начинать все это. Я просто хочу, чтобы это кончилось.

На такси я добралась до железнодорожного вокзала и села в поезд до Хэймаркета, потом на другом такси — до Мэри в Горджи. Я думаю о пластинках, книгах, клубах, наркотиках и свежей краске на холсте. Наверное, и о мальчишках тоже. О мальчишках. Не о мужчинах. Хватит с меня мужчин. Они — самые большие мальчишки на свете.

18. Ллойд

Алли совсем не весело, и причина его раздражения — Вудси.

— Слушай, этот кекс думает, что может залететь сюда, как Грэми Саунес перед сердечным ударом на чистом коксе, и выдавать содержание *Миксмага*, как мы раньше делали с *Нью Мьюзикл*, когда были помоложе, и все должны, типа, говорить: Вау, Вудси, правильно чувак, вау, и в очередь вставать лизать его шоколадный торт. Это. Будет. Правильно. Блин.

— Он и сейчас такой, а ты посмотри на него, когда он наконец свою дырку заполучит, — лыбится Монтс.

— Слава богу, тут у него немного шансов, парень, — улыбается в ответ Алли, — а все из-за его высокомерия. Это просто наглость. У него и дырки-то не было уже тыщу лет. А это ой как влияет на самоуважение. Эго-проекция, приятель, вот как парень справляется с вещами. Когда у него появится дырка, он поостынет. Вот к чему все это религиозное дерьмо.

— Ну, надеюсь, так оно и будет. Либо так, либо он так наберется своего траханого высокомерия, что с такими, как мы, и разговаривать не станет. Тогда и проблемы не будет, — заключает Монтс.

— Я бы собрал со всех для него лавэ, слышишь, и заплатил бы шлюшке, чтобы она с ним позанималась, если у него от этого голова на место встанет, — говорит Алли.

— С Вудси все в порядке, — сказал я. Играл с ним на пару утром, и потому чувствовал, что мне надо бы заступиться за паренька. — То есть мне по фиг, что он все время несет что-то про ди-джеев да про клубы. Даже круто, не надо покупать ни *Миксмаг*, ни *DJ*, он их и так пересказывает. Вот только с религиозным дерьмом этим мне сложно мириться. Но я его за это даже уважаю.

— Да пошел ты, Ллойд, — говорит, отмахиваясь, Алли.

— Не-ет, сначала мне казалось, что это дурь просто. Потом я читал книгу одного кекса, где он пишет про экстази и говорит, что знаком с монахами и раввинами, которые его принимают, чтобы достичь большей духовности.

— Полижи-ка собаке яйца, — ухмыляется Алли, — ты что, парень, хочешь сказать нам, что он и вправду говорил с боженькой на Резаррекшн?

— Не-е, я говорю, что ему кажется, что говорил, и он верит в это вполне чистосердечно. Поэтому для него это все равно что случилось. Лично я считаю, что он просто обдолбался, зашел в белую комнатку и у него случилась галлюцинация, но ему-то кажется, что все было по-другому. Никто из нас не может доказать обратного, поэтому приходится признать, что для нашего парня все было действительно так, как он *говорит*.

— Фигня. По этой, блин, логике, выходит, что какой-нибудь сумасшедший может заявить тебе, что он считает себя, скажем, Гитлером или Наполеоном, а ты поверишь?

— Не-ет... -говорю я, — вопрос не в том, чтобы *верить* в чью-то реальность, а в том, чтобы *уважать* ее. Конечно, если они никому при этом вреда не причиняют.

— А вот здесь ты лицо заинтересованное, Ллойд, ты заступаешься за этого кекса, потому что с ним на пару играешь, а? В Ректангле. Во вторник вечером! Вот будет прикол, — смеется Алли.

— Да уж точно, не очень-то честно, Ллойд, — насмехается Монтс.

У меня от всего этого начинают нервы пошаливать, и я волнуюсь по поводу своего выступления, блин.

19. Хедер

Мы встречаемся в чайном зале Карлтон-отеля. У моей матери на лице выражение типа ты-всех-нас-сильно-разочаровала. Удивительно, как я раньше всегда перед ним отступала. И даже сейчас у меня от него странное и неприятное ощущение в груди и в животе, от этого четко очерченного лица с тонкими чертами и напряженными, слегка гипнотизирующими глазами. Обычно этого хватало, чтобы я, поджав хвост, вернулась на место, но не теперь. Я понимаю, откуда дискомфорт. А понимание — семьдесят процентов решения.

— Хью вчера заходил, — говорит она обвиняющим тоном, выдерживая долгую паузу.

Я чуть было не высказалась. Но нет. Запомни: никогда не давай другим манипулировать собой при помощи пауз. Сопrotивляйся искушению заполнить их. Выбирай слова. Будь самоуверенной!

— Он был так расстроен, — продолжает мать. — Он говорил — работаешь изо всех сил. Отдаешь им все. Что им еще нужно? Что им нужно? Я могла только ответить, что ни черта я не понимаю, Хью. У нее и было все, сказала я ему. Вот в чем твоя проблема — тебе все подносили на блюдечке, юная леди. Возможно, это наша вина. Мы просто хотели, чтобы у тебя было все, чего мы были лишены...

Голос матери становится ровным и низким. Как ни странно, он начинает оказывать успокаивающий и трансцендентальный эффект. Я чувствую, как уплываю, плыву ко всем местам, где мне хотелось побывать, ко всем вещам, что мне хотелось увидеть... может, у меня еще будет что-то хорошее... счастье... любовь...

— ... и мы всегда считали, что нельзя отказывать тебе ни в чем. Когда у тебя будут свои дети, ты поймешь это, Хедер... Хедер, ты не слушаешь меня!

— Я уже все это слышала раньше.

— Что-что?

— Я уже все это слышала. Всю свою жизнь. Для меня это ничего не значит. Это просто жалкое самооправдание. Вам не нужно оправдываться передо мной за свою жизнь, это сугубо ваше личное дело. Я несчастна. Хью, наша с ним совместная жизнь, это совсем не то, чего я хочу. Это не ваша вина... не его вина...

— По-моему, ты — большая эгоистка...

— Да, наверное, если это значит, что я думаю о том, что мне нужно, впервые в своей жизни...

— Но мы всегда старались, чтобы у тебя было все, что тебе нужно!

— То есть то, что вы считали мне нужно. И я благодарна вам за это и люблю вас за это. Но мне важно попробовать самой встать на ноги, без того, чтобы ты или папа или Хью все делали для меня. Это не ваша вина, а моя. Я слишком долго капитулировала. Я знаю, что всем сделала больно, и я прошу прощения.

— Ты стала такой жестокой, Хедер... не знаю, что с тобой происходит. Если бы ты знала, как расстроен твой отец...

Она вскоре ушла, а я вернулась на квартиру и расплакалась. Затем случилось кое-что, что все поменяло. Мне позвонил отец.

— Слушай, — сказала я, — если ты звонишь плакаться...

— Нет, совсем нет, — ответил он. — Я согласен с тем, что ты делаешь, и приветствую твоё мужество. Если ты несчастна, то нет смысла там ошиваться. Ты еще молодая и можешь делать то, что ты хочешь, и не позволять связывать себя. Столько людей живут себе и живут, даже когда чувствуют, что завязли. У тебя всего одна жизнь, и давай, живи ее так, как тебе хочется. Мы всегда будем любить и поддерживать тебя, надеюсь, ты это знаешь. Мама расстроена, но с ней все будет в порядке. Хью уже большой мальчик и может за собой последить...

— Папа... ты даже не знаешь, как для меня важно то, что ты говоришь...

— Не будь дурочкой. Живи своей жизнью. Если что понадобится... если тебе нужны деньги...

— Нет... все в порядке.

— Ну, если тебе что-нибудь будет нужно, ты знаешь, где нас искать. Все, что я прошу, — так это чтобы ты давала о себе знать.

— Конечно, папа... и... спасибо тебе...

— Ладно, родная. Давай.

Я еще больше разревелась, потому что вдруг поняла, что все это была я сама. Я ожидала от мира одной реакции, а он ответил мне совсем по-другому. Мир не собирался меня осуждать. Ему просто было не до меня.

Этой ночью я одиноко лежала в постели и думала о сексе.

Двадцать шесть лет.

Четыре бывших любовника, до Хью, конечно, но теперь и Хью — тоже бывший, итак пятеро бывших любовников до моего теперешнего состояния «временно без любовника».

№ 1. Джонни Бишоп

Крепкий, грубый, шестнадцать лет. Обычный смазливый мальчишка, играющий в Джеймса Дина. Я помню, мне тогда казалось, что я могу вызывать спрятанную в нем нежность. Все, на что был способен глупый маленький мачо, это трахаться по-быстрому и по-простому, а потом сразу же вынимать и оставлять меня, как место преступления. Он пялил меня, как он пялил местные лавки, — быстро забраться с минимумом шума и быстро свалить с места кражи.

№ 2. Алан Рэберн

Застенчивый, надежный, скучный. Антипод Джонни. Член такой большой, что мне было больно, но слишком интеллигентный, чтобы доставлять мне боль чуть подольше. Рассталась с ним, когда поступила в университет Св. Эндрю.

№ 3 . Марк Данкан

Студент — мудака. Второкурсник, приверженец подхода «трахни-первокурсницу». Любовник самого низкого пошиба, хотя я в тот раз была слишком пьяна, чтобы это понимать.

№ 4. Брайан Лиделл

Замечательный. Все на месте. В сексуальном плане. Меня тогда еще волновали страхи по поводу удовольствия от секса, чтобы на меня не смотрели как на легкую добычу, и я не позволяла ему близости довольно долго. Но когда это случилось, мне просто не хотелось его отпускать. Парень, который так хорошо трахается в его возрасте, не станет ограничиваться одной девчонкой, что он и делал, а у меня была своя гордость.

А потом Хью. Хью Томсон. Мой *Номер Пять*. Любила ли я его? Да. Я все еще вижу его в студенческом баре, как он одолевает реакционные призывы, как он одолевает кружку за кружкой. Всегда все делал с чувством уверенности. С этой его уверенностью я чувствовала себя безопасно, пока она не превратилась в уверенность совсем другого рода. Тогда я перестала чувствовать себя безопасно. Я почувствовала, что вляпалась в дерьмо.

Теперь это.

Ничего.

В ожидании оживления. В ожидании отсутствия оживления.

За последние четыре недели я сделала несколько вещей, которые кардинально поменяли мою жизнь. Первое — я ушла от Хью и переехала к Мэри, в отдельную комнату в ее квартире в Горджи. Это тоже, конечно, предсказуемо, но, чтобы найти саму себя, мне пришлось сменить тезис на антитезу.

Второе — я бросила работу и пошла на курсы учителей. У меня было 6.500 фунтов в облигациях — не Хью, мои личные, мой маленький бастион независимости в течение нашей супружеской жизни. Мне было не на что тратить, Хью давал денег на все. Я собиралась было подать на пособие, но Мэри сказала, что смысла нет, потому что они все равно проверяют, ушла ты по собственному желанию или нет, и мне все равно ничего не дадут. Меня приняли на курсы в Морей Хаус; не то чтобы я так хотела стать учительницей, мне просто хотелось делать *что-нибудь*, а это было все, до чего я смогла додуматься.

Еще одна вещь, которая изменила мою жизнь, это то, что я пошла в тот клуб и приняла там экстази. Я бы сделала это снова, но мне много о чем нужно было подумать.

Мы с Мэри отправились на Ибицу на пару недель. Мэри трахнула четверых парней, пока мы там были. Я оттрахала кучу парней и съела массу экстази... нет, не так. Я просидела в отеле и проплакала себе все глаза. Я была в тяжелой депрессии и напугана. Освобождения не происходило. Мэри путешествовала по клубам и барам Сан Антонио, будто это был ее дом родной, и с ней каждый день был новый поклонник. Она жила ночной жизнью, появляясь в отеле лишь под утро со странным видом: не пьяная, но уставшая, просветленная, возбужденная и уверенная. Она много слушала меня, а я рассказывала ей о Хью, о том, как я любила его, обо всех наших надеждах и чаяниях и о своей боли внутри. Потом я уехала от нее. Она тоже хотела вернуться, но я сказала ей, что не надо, что мне, возможно, нужно побыть наедине с собой, чтобы все осмыслить. Я и так испортила ей большую часть отпуска.

— Не волнуйся, — сказала она мне в аэропорту, — просто тебе стало все это не по силам, — слишком много и быстро. В следующий раз тебе будет хорошо.

Я отправилась домой, в квартирку в Горджи. Я продолжала читать. Днем я ходила в Тинз и в Уотерстоунз и читала еще больше. Я засиживалась в кафешках. Я надеялась, что лето скоро кончится — и я скорей пойду на свои курсы, начну заниматься чем-то, что поможет мне отвлечься от мыслей о Хью. Главное, я знала, что мне надо пройти через это. Я знала, что для меня обратной дороги нет. Но эта боль, это почти физическое ощущение все не покидало меня. Но обратной дороги нет. Это даже не приходило мне в голову.

Не знаю, как он разыскал мой адрес, но он нашел меня. Возможно, это должно было случиться. Он пришел около шести. Сначала, когда я увидела его в дверях, я задрожала. Странно, он никогда не проявлял физической силы по отношению ко мне, но в этот момент я почувствовала его размеры и силу по сравнению с моими. Это и гневный огонь в его глазах. Я перестала дрожать, лишь когда он заговорил. Слава богу, он заговорил. Этот урод

ничего не понял. Как только он раскрыл рот, я почувствовала, как он съеживается, а я расту.

— Мне казалось, что эта маленькая глупая игра уже вышла из твоей головы, Хедер. Потом мне показалось, что тебе, возможно, плохо от того, какие беспокойства ты всем доставила, и тебе просто стыдно появляться дома. Мы же всегда с тобой все обсуждали. Признаю, многого я просто не могу себе представить в данный момент, но ты уже доказала свое и должна быть довольна. По-моему, тебе лучше вернуться домой. Как ты на это смотришь, сладкая моя?

Самое смешное, что он говорил серьезно. Я никогда еще никому не была так благодарна, как Хью в этот самый момент. Он на удивление точно показал мне, как глупо было продолжать чувствовать что-то по отношению к нему. Боль внутри моментально улетучилось. Я почувствовала себя просто отлично: у меня даже закружилась голова. Я рассмеялась, громко рассмеялась прямо в его глупое, комичное лицо.

— Хью... ха ха ха... слушай... ха ха ха ха ха ха... по-моему, тебе стоит пойти домой, а то... ха ха ха... ты выставишь себя еще большим придурком, чем уже получилось... ха ха ха... вот мудила...

— Ты что, что-то приняла? — спрашивает он. И оглядывается вокруг, словно ища подтверждения.

— Ха ха ха ха... что-то приняла! Что-то приняла! На прошлой неделе я совершенно несчастная прилетела с хуевой Ибицы! Наверное, мне нужно что-то принять! Мне нужно себя не помнить в экстази вместе с Мэри и трахать первого, кого увижу! Чтобы меня трахнули по-настоящему!

— Я ухожу! — закричал он и вышел из квартиры. Уже на лестнице он оборачивается ко мне и шипит: — Ты сумасшедшая! Ты и твоя подружка наркоманка. Эта сучка Мэри! Все кончено! Все!

— ДАВАЙ ВАЛИ СКОРЕЙ, ТЫ, УРОД! ПОПРОБУЙ ЖИТЬ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ! И НАУЧИСЬ НОРМАЛЬНО ТРАХАТЬСЯ!

— ДА ТЫ САМА, НА ФИГ, ФРИГИДНА! ВОТ В ЧЕМ ТВОЯ ПРОБЛЕМА! — кричит он мне вдогонку.

— ДА НЕТ, ЭТО ТВОЯ ДОЛБАНАЯ ПРОБЛЕМА! У ТЕБЯ НЕТ ПАЛЬЦЕВ! У ТЕБЯ НЕТ ЯЗЫКА! У ТЕБЯ НЕТ ДУШИ! ТЕБЕ НЕ ИНТЕРЕСНО НИЧЕГО, ПОМИМО ТВОЕГО ТРАХАНОГО СТРОИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА, ТЫ ЖАЛКИЙ МАЛЕНЬКИЙ УРОД! ПРЕЛЮДИЯ! ПОСМОТРИ ЭТО СЛОВО В ДОЛБАНОМ СЛОВАРЕ! ПРЕБЛИНЛЮДИЯ!

— ДА ТЫ ДОЛБАНАЯ ЛЕСБИЯНКА! ОСТАВАЙСЯ СО СВОЕЙ МЭРИ, ТЫ ТРАХАНАЯ ЛЕСБО!

— ПУСТЬ ТЕБЕ ТВОЙ ЗАНУДНЫЙ ДРУЖОК БИЛЛ ЗАСАДИТ В ЖОПУ! ВОТ ЧЕГО ТЕБЕ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ХОЧЕТСЯ!

Тут выходит миссис Кормак из соседней квартиры.

— Простите... мне показалось, что я слышу какой-то шум. По-моему, кричали.

— Милые бранятся, — говорю я ей.

— Да-да, только тешатся, а, птичка? — отвечает она, а потом шепчет мне на ухо: — А без них и того лучше.

Я показываю ей жест с большим пальцем вверх и возвращаюсь к себе. Я уже жду с нетерпением возвращения Мэри. Я употребляю все наркотики, известные человечеству, и оттрахаю, все, что движется.

Необычно выходить днем на улицу и чувствовать себя свободной, по-настоящему одной. Мне свистели работяги, клавшие асфальт на Дэлри Роуд, но, вместо того чтобы смутиться, что случилось бы со мной еще несколько лет тому назад, или возмутиться, что бы я сделала совсем недавно, я поступила как раз так, как предложил мне один из них своим козлиным голоском, — я улыбну-у-улась и-и-им. Тут же я почувствовала легкое раздражение от самой себя, потому что я не собиралась уступать жалким придуркам, но это была я, я сама, и я была счастлива.

Я ходила на Кокберн-стрит не то чтобы всерьез клеить парней, но все же, типа, проверить посты. Я накупила новых шмоток и косметики на четыреста фунтов. Большую часть своей старой одежды я засунула в мешки для мусора и отнесла в лавку «Для раковых исследований».

Мэри сразу заметила, что во мне произошли серьезные перемены. Бедняжка была выжата, как лимон, по возвращении домой.

— Все, что я хочу, — это завалиться и лежать целыми днями, — простонала она, — и больше никаких таблеток и никаких членов в жизни.

— А вот и нет, — ответила я ей, — сегодня вечером — Трайбл Фанкшен.

— По — моему, ты мне больше нравилась в роли домашней хозяйки, -улыбнулась Мэри.

20. Ллойд

Даже простой треп Вудси заставлял меня нервничать перед нашей игрой. Чем больше я думал о ней, тем большей фигой она мне начинала казаться. По плану Вудси рэйв должен был быть в клубе Ректангл (или Ректальный, как он писал на флаерсах) во вторник днем. Что само по себе уже странно. Я пытался всех уговорить прийти, но Алли ушел в полный отказ, и все только из-за своего отношения к Вудси.

Эмбер и Ньюкс вроде согласились пойти, и Друзи отвез нас всех в своем микроавтобусе. Когда мы приехали, там еще было абсолютно пусто, кроме ответственного за зал. Вудси уже расставил свои деки, пульт, усилки и колонки. Его техника была попрличней шоновской, и мне не терпелось попробовать сыграть что-нибудь до начала.

Чуть позже появляется Вудси с этим попом.

— А это преподобный Брайан Маккарти из англиканского прихода Восточного Пилтона. Он спонсирует вечеринку, — говорит нам Вудси.

Этот доброхот в собачьем ошейнике ухмыляется в нашу сторону. Мне даже стало интересно, не нажрался ли он экстази.

Мне не пришлось долго ждать, потому что Вудси вдруг говорит:

— У меня тут чертовски хорошие экстази, — и сует таблетку преподобному. — Нате-ка съешьте, Брай.

— Боюсь, мне нельзя... *наркотики*... — говорит бедолага с испуганным видом.

— Съешь, съешь, и узришь своего Бога, — продолжает настаивать Вудси.

— Мистер Вудс, я не могу приветствовать прием наркотиков в своем приходе...

— Ах, так, ну и где же тогда твои прихожане, а? — ворчит на него Вудси. — Что-то в церкви у тебя не было битком, когда я заходил туда в прошлое воскресенье. А в моей было!

Тут в зале стали появляться пацанята и матери со своими карапузами.

— А когда рэйв начинается? — спрашивает одна из

женщин.

— Да щас, через минуту уже, — говорит ей Эмбер.

— А здорово, что они устраивают это для ребятшек, — замечает другая мать.

Поп уходит, а Вудси кричит ему вдогонку:

— Сука-лицемер! Где твоя духовность! И ответить нечего! Ты, сатанист в рясе! Нет церкви, кроме церкви самого человека! Нет посредника между Богом и человеком, кроме МДМА! Паршивый клоун!

— Да ладно тебе, Вудси, — говорю ему я, — давай уже начинать.

Толпа уже вся смотрит на уходящего попа. Начали приходить совсем молодые ребята.

— Им же всем надо в школе быть, — приколотась

Эмбер.

Я вдруг заметил двух молодчиков — вытащили стол для тенниса и начали играть прямо посреди танцпола. Вудси чуть не рехнулся, когда увидел их.

— Эй! Это же наш зал! — громко закричал он.

— Тебе чего, нос разбить, а, ты, придурок? Ты вообще не местный, — огрызнулся один из них.

— Слушай, Вудси, парень прав, это же не твой клуб, — вступаю я, — места много, всем хватит. Ребята, ничего, что мы тут поиграем и попляшем немного, а? — Это я сказал на вид самому крутому из этих двоих.

— Делайте чего хотите, — ответил, по-видимому, самый крутой.

Я залез к аппарату и стал понемногу наигрывать. Сначала я вроде и не микшировал, просто играл разные темы, потом начал что-то пробовать, пару штук, что я знал. Это была, конечно, полная фигня, но я так старался, что и все, видно, приколотись. Мамы с малышами дергались, пацанята рэйвовали друг с дружкой, и даже те двое парней бросили свой настольный теннис и тоже зажигали не на шутку. Таблетки Вудси разошлись нарасхват, а Эмбер даже удалось сплавить парочку моих «птичек». Я и сам принял пару и заглотил «бомбу» того кристал мета. Через час зал был забит до отказа. Я не успел заметить, как полиция уже была у нас на хвосте, это один из ребят стуканул, и все накрылось, оставив беднягу Вудси без вариантов.

После этого я поехал в город в тот клуб и там увидел ее.

21. Хедер

Я пришла в клуб с Дениз и Джейн, двумя подружками Мэри, они превратились в моих лучших подруг очень быстро, за то время, что ушло на то, чтобы меня зацепила первая таблетка, и на то, чтобы я с ними потанцевала, пообнималась и поплакалась о том, что у меня все херово последнее время. Когда люди вот так открываются перед тобой, становится ясно, что мы, в сущности, одинаковы, и все, что у нас есть, — это мы сами. За последние двадцать лет Британией правили лжецы. Проблема в том, что над нами сидят слабаки и полоумки, у которых ума не хватает даже на то, чтобы понять, что они слабаки и полоумки.

Мы сидим с Джейн в чил-ауте и болтаем, экстази только начинает свое действие. Я знаю, что у меня еще не сошла предыдущая таблетка, но я снова что-то узнаю, я снова так много чувствую. Тут появляется этот парень и садится рядом. Он спрашивает у Джейн, не занято ли место. Она говорит, что нет.

Он улыбается ей и говорит:

— Головы нет, — и крутит пальцем у виска.

— У нас та же фигня, — отвечает она.

— Меня зовут Ллойд, — оборачивается он, протягивая руку.

— Джейн.

Он улыбается ей и слегка приобнимает за плечи. Потом он поворачивается ко мне. Он молчит. Его глаза — как огромные черные дыры. От его глаз исходит нечто, что проникает прямо в мои, в глубь меня. Я чувствую как будто отражение самой себя. Я слегка откашливаюсь и говорю:

— Хедер.

Джейн, похоже, почувствовала, что что-то происходит, и отправилась наверх танцевать. Мы с Ллойдом сидели, болтали, шутили. Мы трепались обо всем: о своей жизни, о мире, обо всем на свете. Потом он говорит:

— Слушай, Хедер, ничего, если я обниму тебя? Мне хочется поддержать тебя чуть-чуть.

— Хорошо, — ответила я.

И тут оно случилось. Что-то. Случилось что-то.

Мы обнимались довольно долго. Я закрывала глаза и чувствовала, как тону в тепле и запахе его тела. Потом мне показалось, что мы движемся, летим куда-то вместе. Я почувствовала, как он прижался ко мне крепче, и я ответила ему тем же. Мы ощутили это вместе. Он предложил уйти. Когда мы вышли, он продолжал обнимать меня, прижимать к себе, время от времени убирая волосы с моего лица, чтобы можно было заглянуть мне в глаза.

Мы дошли до Артур Сита и взглянули вниз на город. Становилось холодно, на мне была лишь легкая кофточка, он снял с себя куртку и бережно завернул меня в нее. Мы просто говорили друг с другом, потом смотрели на восход солнца. Мы пошли ко мне через весь город, и я пригласила его зайти. Мы сидели в моей комнате, слушали музыку и пили чай. Потом вернулись Мэри с Джейн.

Мы все просто разговаривали. По-моему, я никогда не была так счастлива.

Позже Ллойд собрался домой. Мне хотелось, чтобы он остался. У самых дверей он погладил мою руку и сказал:

— Это было так здорово. Я позвоню тебе. Я так много о чем хотел бы с тобой поговорить. И мне очень понравилось болтать с тобой сегодня ночью. Мне будет о чем подумать, во всех смыслах.

— И мне тоже.

— Я позвоню.

Он поцеловал меня в губы, потом слегка отпрянул.

— Черт возьми... — выдохнул он, качая головой. — Пока, Хедер, — сказал он и побежал вниз по ступенькам.

Мое сердце колотилось как бешеное. Мне хотелось убежать. Я рванулась к себе в комнату и зарылась в одеяло.

— Ух ты! — сказала Мэри.

Я даже забыла, что она еще сидела у меня в комнате.

— Ну и на что ты намекаешь, а? — рассмеялась я. Весь день я считала часы и минуты, пока не зазвонил телефон.

22. Ллойд

Когда твое поведение вдруг меняется, ты понимаешь, что что-то происходит в эмоциональной стратосфере, и не только с приходов U4E. После того, как я встретился с ней, я начал мыться в душе каждый день и чистить зубы аж дважды за день. Я стал надевать свежие носки и штаны каждое утро, что явилось причиной невыносимых страданий со стиркой. Обычно мне хватало одной пары на неделю, а на выходные я надевал стираные. Что самое главное, я начал ревностно вычищать швабру. Даже квартира выглядит по-новому. Не то чтобы чисто и аккуратно, но все же лучше.

Ньюкс зашел дунуть. Станный парень Ньюкс, такой мирный, даже и не подумает задираться, кроме как во время футбола. В субботу же все кардинально меняется — совершенно другой Ньюкс вылезает из своей норы. Но не сейчас. С тех пор, как его копы зашугали, он ни во что уже не ввязывается. Меня слегка прибывает. И хотя обсуждать дела сердечные гораздо лучше с Алли, Ньюкс тоже вполне покатит.

— Понимаешь, Ньюкс, я ж совсем не знаю, как это бывает, а. То есть я никогда раньше не любил, а поэтому не знаю, настоящая это любовь или химия или что-то типа очарования. Но, похоже, здесь что-то есть, что-то глубокое, духовное, понимаешь...

— Трахнул уже? — спрашивает Ньюкс.

— Да не... слушай... здесь не в сексе дело. Мы же говорим о любви. Электричество, химия, все такое — выше этого. Потому что от секса это тот же приход. Но вот я не знаю, что же такое любовь, понимаешь, типа, *быть влюбленным*.

— Погоди, ты ж был женат, что, нет?

— Ну да, но это было столько лет назад, тогда я еще не врубался ни во что. Мне ж было семнадцать лет. Все, чего мне нужно было, — это дырку каждый вечер, вот и женился.

— Ну, неплохая причина. С тем, чтобы дырку каждый вечер, все нормально, а? Нет?

— Ну да, да, но я скоро и понял, что да, каждый вечер, все нормально, но только не с одной и той же девчонкой. И вот тогда начались проблемы.

— Ну вот, может быть, это именно оно, Ллойд. Может, ты только что нашел определение настоящей любви. Любовь — это когда ты хочешь дырку каждый вечер и при этом с одной девчонкой. Вот так. Ну, так что, ты получил свою дырку с этой, а?

— Слушай, Ньюкс, с некоторыми девчонками ты дырку получаешь, а с некоторыми любовью занимаешься. Просек, к чему я веду?

— Просек-то просек. Я тоже с ними любовью занимаюсь, только я называю это «дырку поймать», это короче, да и не так напыщенно. Где же ты свою-то встретил?

— Да в Пьюре. Она там первый раз была.

— Да ты не в малолетку ли часом втюхался? Узнаю твой стиль, ты, старый хрен!

— Да иди ты, ей уже двадцать шесть или что-то такое. Она замужем была за этим прилизой и, типа, свалила от него и все такое. Она там была с подругой, в первый или, может, второй раз в экстази.

Ньюкс поднимает руку ладонью ко мне.

— Ух, ты... постой-ка, постой... ты что же нам тут лепишь, а? Ты знакомишься с этой цыпой в момент ее первого выхода после ухода от прилизы, она первый раз в таблетке, ты сам наглотался экстази, и ты говоришь о любви? Тут больше пахнет химическим романом. Ничего в том плохого тоже нет, но подожди до отходняка, прежде чем подумаешь о церкви, лимузинах и приемах.

— Ну, посмотрим, в общем, — отвечаю я Ньюксу, отмечая про себя, насколько разные у него профили. С одной стороны, он настоящая очаровашка, а с другой просто вампир какой-то. Ньюкс с вечернего американского ТВ и Ньюкс с дневного американского ТВ. Я пытаюсь представить себе Хедер всю целиком. Но все, что я могу вспомнить, — это глаза и лицо. Меня вдруг удивляет, что я даже не знаю, какие у нее груди и попа, размеры, форма, все такое. Странно, обычно я такое первым делом замечаю. Мне кажется, что, пока мы были вместе, я ей все время в глаза смотрел. Это точно не как обычно, будет отвратительно, если я слиняю прямо сейчас, не почувствовав ее всю целиком.

— Будь осторожен, Ллойд, вот все, что я хочу тебе сказать, — Ньюкс поворачивается ко мне своей хорошей стороной, — ты же знаешь, как здорово влюбляться, когда ты в таблетке. Помню, как-то раз ходили мы на вечерину Слэма на Ренфрю Ферри. Меня только приходывать начало, как дружок мой Хензо подбегает и кричит, кодла там, слышь, полно ребят с Мотервелля. Я смотрю вокруг, и точно, полна коробочка, серьезные пацаны-кэжуалсы, все колбасятся здесь. Ну, я оборачиваюсь к Хензо и говорю ему: спокуха, сиди на попе ровно. Все же и так прутся. С ребятами все будет нормально. Они такие же, как и мы, — впираются как могут. Неважно, переться от хауса в экстази или от валева с адреналина, один хрен. Ну, я иду к этому самому их главному, и мы показываем друг на дружку пальцами и ржем стоим, потом брататься начинаем. Он мне говорит, это, типа, не так круто, как попиздиться, но заснуть потом легче. А то после валева мне вообще ночами не заснуть, и все тут. В общем, щас мы большие друзья, но подожди, когда встретимся в Фер Парке.

Пощады не жди, не пожалеем.

— Ну, так и к чему ты?

— Ну, к тому, что на рэйве мы создаем такую обстановку, не только из-за экстази, хотя в основном из-за него, в которой именно такие чувства проявляются. Это атмосфера. Но во внешний мир она не очень хорошо передается.

В нем, в этом внешнем мире, совсем другие заправляют, и там гораздо больше того прихода, что от валева.

— Но, понимаешь, все-таки можно там найти любовь, настоящую любовь, в клубе. Атмосфера сближает, открывает и снимает комплексы. Такое тоже может быть.

— Но послушай-ка вот про что. Иногда это может с тобой и шутку сыграть. Когда ты в Е, каждая малышка тебе куколкой кажется. Попробуй-ка кислотный тест: потрипуй с ней на следующий день. Посмотришь, как она тебе тогда! Помню, раз в Йип-йапе цепляю я девчущку. Такая хорошенькая и все такое, точно тебе говорю, приятель. Эмоции кипят, и я, настоящий романтик, предлагаю ей пройтись до Артур Сит взглянуть на восход, тра-ля-ля.

— То есть ты в экстази по самые гланды?

— Ну конечно, конечно! Если бы обычным собой был, то сказал бы примерно следующее: не хочешь ли пройтись ко мне домой, крошка? Но нет, в экстази я совсем по-другому себя повел. Но, кстати, сейчас-то я всегда в Е, и потому для меня это стало уже нормально! Э... про что я говорил?

— Твоя малышка, Артур Сит, — напоминаю я.

— Да, так вот... эта крошка считает, а она тоже в экстази и все такое, она про себя там думает: попался ей романтик. Ну, вот мы приходим на Артур Сит, и я гляжу ей в глаза и говорю: хочу с тобой заняться любовью, прямо щас. Она туда же, снимаем шмотки, и понеслось, мы смотрим вниз на город, здорово, жуть. Но вот штука — минут так через десять мне вдруг становится херово. Все внутри прям сжимается, противно так, настоящий отходняк. Тупые таблетки были, да. Ну, так или иначе, все, чего мне нужно, так это кончить поскорей да отвалить. Так и происходит, да. Крошке это все явно не понравилось, но куда ты денешься, коли приспичит. Поэтому будь осторожней со своей любовью. Может, это просто еще один вид развлечения. Вот если твои чувства переходят в обычную жизнь, вот тогда да. Любовь — это не только по выходным крутить.

— Но видишь ли, Ньюкс, я начал труснюк каждый день менять и швабру мыть.

Ньюкс приподнял бровь и улыбнулся:

— Тогда наверняка любовь. — Потом прибавил:

— С твоей стороны наверняка. А что с ее стороны, приятель?

23. Хедер

— Ллойд! Никогда бы не подумала, что буду встречаться с парнем с таким именем, — говорю я Мэри.

Мэри устала. Она так не любит свою работу, а сегодня еще только вторник. Она на отходняках, и в ней ни капли бодрости. Сама утверждает, что не хочет жить лишь по выходным, но не может удерживаться от соблазна. К тому же что может предложить ей жизнь в рамках рабочей недели «с-девяти-до-пяти».

— Да, странно все-таки иногда получается, — рассеянно стонет с постели она.

— Понимаешь, что с Ллойдом необычно, — говорю я, понимая, что достаю и мучаю ее, а возможно, и раздражаю, как не знаю что, но мне уже не остановиться, — так это, что ему вроде ничего и не надо.

— Всем что-то надо. Он хочет тебя? — спрашивает она, усилием воли сосредотачиваясь на моих словах. Какая она все же лапа.

— Мне кажется, да, — улыбаюсь я. Квартира в полном разгроме. В глазах Мэри с этими ее отходняками она должна казаться просто ужасной. Ничего, приберусь попозже.

— Когда ты переспшишь с ним? — спрашивает она, а потом заявляет: — Тебе пора, наконец, нормально потрахаться.

— Не знаю даже. У меня какие-то странные чувства по отношению к нему. Я сразу становлюсь такой неопытной и нервной.

— Так ты такая и есть, — говорит она.

— Я пять лет была замужем.

— Вот именно! Если ты целых пять лет была замужем за одним типом, который даже и оттрахать тебя не мог

удовлетворительно, то это все равно что полная неопытность. Если секс — просто бессмысленный ритуал, если он не значит ничего и ты его не чувствуешь, тогда он и становится ничем и у тебя его как будто бы и не было. Многие мужики тупые мудилы только потому, что их устраивает плохой секс, но для женщины плохой секс — это хуже, чем вообще без секса.

— Ну что ты знаешь о плохом сексе, госпожа Искушительница? Мне казалось, ты сама только хорошее всегда выбираешь?

— Знаю, и даже больше, чем ты думаешь. Помнишь, когда мы девчонками были, шутили о бригаде «поймай-схвати»? Ну, так они и сейчас имеются. Пару недель назад я знакомлюсь с одним красавцем, настоящим самцом двадцати пяти — двадцати шести лет. Мы оба на отличных таблетках, а в Йип-йапе такая атмосфера любви и все такое. Меня все это, конечно, захватывает, и мы с ним оказываемся на Артур Сите. Наши тела сплелись, но вдруг он весь твердеет, становится странным каким-то, а потом просто кончает в меня и быстро сваливает. Даже меня не дождался. Так и оставил меня на чертовом холме. Какой-то старикан мерзкий там собаку выгуливал, пока я свое сердце выплакивала. Смотри, будь поосторожней, не химический ли это роман. Не торопись. Не дай себя надуть.

— Знаешь, Ллойд мне тут на днях включал пластинку Марвина Гэя, одна из его не очень известных песен. Называется Кусок Глины. В ней поется, что мы все хотим, чтобы второй был глиной, чтобы лепить из него то, что вздумается. Вот Ллойд не такой. С Хью, так он лепил меня с самого начала. Всем, что бы я ни сказала, или подумала, или сделала, всем руководили его взгляды, пристрастия, идеология, начиная с революционного социализма и заканчивая продвижением по служебной лестнице. Нашей чертовой жизнью всегда руководила какая-то борьба, разумеется, с его подачи. Мы никогда не вели себя просто как люди. Вот Ллойд действительно интересна. Он слушает меня.

Он не подсмеивается, не издевается, не встревает, не противоречит тому, что я говорю, а если и делает это, то, по крайней мере, я знаю, что он выслушал меня. Я не чувствую себя осмеянной или преуменьшенной, когда он спорит со мной.

— Итак, Ллойд — это не Хью. Ты свободна, и тебя тянет к этому парню, который, похоже, ни на что не годен. Без работы, занимается наркотой, ничего не хочет делать, друзья подонки. Похоже, к этому миру тебя тянет после того, как ты бросила свой, старый, Хедер, но я бы не стала им слишком увлекаться, будь я на твоём месте. Пройдет время, и он тебе не покажется таким уж замечательным. Получай удовольствие, но пока. Не отдавай слишком много этому миру. Вот в чем твоя беда — ты слишком много отдаешь себя. Оставь что-нибудь самой себе, Хедер. А иначе ты скоро поймешь, что другие забирают слишком много. И заберут все без остатка. Одно дело — завоевать себе свободу, другое — удержать ее.

— Ты просто старая циничная корова, вот ты кто.

— Я просто реально смотрю на вещи.

— Ну да, ты права. Вот в чем главная проблема, черт подери. Ты права.

24. Ллойд

Это было так замечательно, лучше всего, что я только мог себе представить. Это была любовь, а не просто секс. Секс только завел мотор, но это был настоящий акт любви. Я почувствовал ее сущность, я знаю, что это так. Она тоже, я знаю, что ей было так хорошо, как никогда раньше, потому что она плакала и прятала лицо. Я попытался обнять ее, но она отвернулась. Я подумал, что это из-за проблем с парнем, с которым она жила, что ей стало плохо и нужно побыть одной. И я врубился — офигеть можно, какой я понятливый.

— Хорошо, — сказал я ей тихо, — хорошо, побудь одна.

Звучало довольно примитивно, но это было все, на что я был тогда способен. Я пошел в гостиную и включил Скот-спорт: Хибсы против Абердина.

Потом она стала немного отдаленной и холодной и ушла домой. Мне кажется, ей просто нужно время, чтобы со всем разобраться. Я записал кассету Бобби Уомака из коллекции Шона и пошел относить ее родителям.

25. Хедер

Это был просто кошмар. Первый, блин, раз и полный кошмар. Самое ужасное, это то, что у меня почти получилось. У меня даже близко к этому не подходило с Хью, и я никогда ничего и не ждала. А тут у меня почти получалось, но я знала, что не получится, и я расплакалась, а этот эгоистичный подонок Ллойд так ничего и не сделал, просто выстрелил в меня и откатился, потом ходил вокруг с глупой улыбкой на лице весь день и нес всякую хипповскую чушь да смотрел футбол по телеку.

Мне надо было уходить.

26. Ллойд

На этот раз все было лучше, чем в первый, для меня и для нее. Я и не понял тогда, но в первый раз я здорово облажался. Она рассказала мне, что она чувствовала. Для меня это был настоящий шок. Мне кажется, это произошло потому, что в первый раз тебе хочется, чтобы все поскорее закончилось, слишком это важный момент, если ты с кем-то, кто тебе по-настоящему нравится. Первый раз в новых отношениях — это как большой вопросительный знак, если это кто-то действительно важный, кого ты любишь. Когда первый раз уже случается, все, теперь можно заниматься любовью. Прелюдия и все такое уже прочно занимают свои места. Странно, что никаких проблем засунуть член в новую девчонку нет, а вот лизать или ласкать ее в первый раз всегда как-то неудобно. Надо было мне экстази принять, когда я в первый раз занимался любовью с Хедер. С Е отлично быть с новой девчонкой, барьеры спадают, и секс с новым человеком под экстази — замечательная вещь. Вот с тем, кого ты уже знаешь, барьеры и так уже спали и химия не играет такой роли. Правда ведь? Хотелось бы это с Ньюксом обсудить, когда он зайдет.

Делаю себе чаю, скручиваю косячок и ставлю клип Орб, тот, что с дельфинами. Пусть будет психоактивно, я ведь о сексе хочу с Ньюксом потрепаться. Дудка неплоха для Эдинбурга, и Ньюкс тут же звонит мне в дверь. Я поставил свою романтическую коллекцию:

— Марвин, Эл Грин, Зе Топс, Бобби Уомак, Зе Айлис, Соуки, Темтэйшнз, Отис, Арета, Дион и Дасты. У меня сердце тает, парень. Поставь такое, примерь к своей жизни, и ты просто мертвец, если не почувствуешь эмоции, как черт, а? Супер.

— Привет, старичок.

— Рад, что ты зашел, приятель, мне с тобой кое о чем поболтать хотелось.

— Да?

— Хотел узнать, пойдешь ли ты завтра на игру Юут в Макдиармид парк. Алли едет на машине.

— Не-а, не прет. Турнир в бильярд-клубе, завтра... ну что, трахнул девчонку, Ллойд?

Люблю я Ньюкса, хлопаю по плечу, но вот сегодня... Сегодня по мне бы лучше зашли Алли или Эмбер, да.

27. Хедер

Прихожу домой, а с лица у меня улыбка не слезает.

— Ну, как было, а? — спрашивает меня Мэри, затягиваясь косячком.

Оглядываюсь вокруг. Полный развал. Невытряхнутые пепельницы, занавески задернуты, кассеты и пластинки все без коробок и обложек. Ночью здесь что-то было.

— Дай хотя бы пальто снять! — улыбаюсь я.

— К черту пальто, как все прошло? — настаивает Мэри.

— Он настоящий самец, — отвечаю я ей.

— Мисс Довольная Улыбочка собственной персоной, — смеется Мэри.

— Дорогуша, пососала бы ты такой классный член, у самой была бы такая довольная улыбочка, — говорю я.

— Давай-давай, поподробнее.

— Ну, с пальцами и языком у него все в порядке, он расслабился и прекратил пытаться доставить мне удовольствие, прекратил быть таким...

— Старательным?

— Именно, это слово я и искала.

— Лизал тебя...

Я улыбаюсь и киваю, закатывая губу, и дрожу от сладкого воспоминания.

— Хедер! На втором свидании!

— Это было не второе, а уже шестое свидание. Это был второй раз, помнишь?

— Продолжай.

— Я так кончила, что все задрожало, я разбудила добрую половину Лита. Это было офигенно. Так здорово, что я кончила снова. Я прямо чувствовала его у себя в животе. Это было так странно, наверное, потому, что он был больше Хью, хотя они оба примерно одного размера. Потом я поняла, что Хью трахал меня только на половину члена, несчастный урод. Я так напрягалась с ним, что ни разу так и не раскрывалась, как надо. А вот с Ллойдом, он открывает меня, будто апельсин чистит, на фиг. У меня так все раскрылось... я могла бы туда целый паровоз запихать.

— Ну ты, блин, везучая... но нет, ты заслужила это, точно заслужила. Мне просто завидно. Я прошлой ночью отымела кокаиниста. Ему-то было прикольно, а вот мне не очень. Черт, так холодно, — грустно покачала она головой.

Я подошла и обняла ее.

— Все в порядке... ну бывает... Она погладила меня по руке.

— Ну да, в следующий раз...

28. Ллойд

Сижу с Алли и выкладываю ему:

— Я никогда так в жизни не боялся, Алли. Может, притормозить мне с этими отношениями, а? А то уже слишком серьезно все становится.

Алли глядит на меня и качает головой:

— Если решишь свалить, Ллойд, смотри, не обломись потом. Я же вижу, каким ты становишься с ней, что с тобой происходит. Только не спорь!

— Да, но...

— Что «да но»? «Да но», «да но»! Не ссы ты, или, может, я, конечно, чего-то не знаю. Не бойся любви, парень, именно это им и нужно. Именно так они нас и различают. Не бойся никогда любви.

— Может, ты и прав, — отвечаю я. — Хочешь, яичницу сделаем?

29. Хедер

Странно, но Ллойд никак не проявляется на неделе. Меня это начинает слегка возмущать. На выходных все было здорово, мы наедались экстази и много занимались любовью. Это было как один большой праздник. Но на неделе он почему-то избегал меня. Однажды мне это надоело. Я пришла к нему без звонка.

Когда я появилась у него, его квартира была сплошной бардак. Хуже, чем у Мэри в худший из дней.

— Понимаешь, я живу по-другому в обычные дни, Хедер. Я же знаю себя. Просто я сейчас плохая компания, — сказал он мне.

Выглядел он ужасно — уставший, напряженный; под глазами темные круги.

— Понятно, — ответила я. — Ты все твердишь, как ты любишь меня, но быть со мной ты хочешь только, когда впираешься на выходных. Отлично.

— Это не так.

— Нет, так, — я услышала, как начинаю говорить повышенным тоном. — Ты вот сидишь здесь целый день в депрессии и чахнешь. Любовью мы занимаемся только по выходным, только когда ты наглотаешься экстази. Ты просто подделка, Ллойд, ты — эмоциональная и сексуальная подделка. Не можешь, не лезь, раз эмоционально не дорос... Не говори, что тебе доступны эмоции, которых ты не можешь получить без наркотиков!

Я чувствую себя виноватой, что выговариваю ему, потому что он кажется таким подавленным, но я все равно раздражена. Не могу ничего с собой поделать. Я хочу, чтобы все развивалось. Я хочу быть с ним больше. Мне это нужно.

— Это не подделка, блин. Когда я в экстази, я именно такой, каким бы я хотел быть. Это совсем не то, что у меня что — то прибавляется, наоборот, что-то уходит; все это дерьмо, что обычно лезет в голову. Когда я в Е, это настоящий я.

— Ну и кто же ты сейчас?

— Я жалкая эмоциональная развалина, побочный продукт того мира, что создала кучка уродов для себя самих за наш счет. Главная беда в том, что они даже сами не могут ему порадоваться.

— А ты радуешься?

— Ну, может, не прямо сейчас, но у меня бывают моменты, в отличие от этих уродов...

— Да-да, выходные.

— Да, выходные! Я хочу этого! Почему мне нельзя получать то, что хочется?

— И ты это получаешь. И я хочу, чтобы у тебя это было! И чтобы ты мне это давал! Слушай, не звони мне какое-то время. Ты не можешь без наркотиков, Ллойд. Но если ты хочешь встречаться со мной, пусть это будет без наркотиков.

Ему было так плохо, но не так, как стало мне, когда я вернулась домой и моя злость утихла. Я ждала его звонка, подскакивая на месте каждый раз, когда звонил телефон.

Но он так и не позвонил, а я не смогла себя заставить позвонить ему. Ни тогда, ни потом, особенно после того, что я услышала о нем на одной вечеринке.

Мы с Мэри и Джейн пришли туда вместе, и у меня кровь застыла в жилах, когда я услышала, как на кухне ребята рассказывают об одном пареньке по имени Ллойд из Лита, и про то, что он сделал, и про то, с кем.

Я не могла позвонить ему.

Эпилог

Я танцую в Пьюре, танцую, как сумасшедшая, потому что из Лондона приехал Уэзеролл, и он незаметно переходит от эмбиента к жесткому техно-биту, и вот пошли лазеры, и все постепенно сходят с ума, и сквозь все это я вдруг вижу его, дергающегося в свете стробов, а он видит меня и подходит. На нем та же куртка. Та, в которой он был, когда мы познакомились. Та, которой он укрыл мои плечи в ту ночь.

— Что тебе надо? — кричу я ему, не пропуская ни одного удара.

— Мне нужна ты, — говорит он, — я люблю тебя, — кричит он мне в ухо.

Легко говорить, когда в тебе столько экстази. Но меня это трогает, хоть я и стараюсь этого не показывать, так же как и того, что он мне здорово нравится. С того дня уже прошло три недели.

— Ага, скажи мне это утром в понедельник, — усмехаюсь я. Это нелегко, потому что я в экстази до отказа и чувства так обострены. Я больше никому не позволю себя одурачить. Никогда. Шум начинает мне мешать. Все было так хорошо, но Ллойд превратил все в какую-то бетономешалку своей фигней, которая прочно засела у меня в башке.

— Я зайду к тебе.

— Поверю, когда ты и в самом деле зайдешь, — отвечаю я. Кем, он себя, блин, считает, а?

— Поверь, — говорит он

О Бэтман, мой Черный Траханый Рыцарь, я не думаю.

— Пойду, найду Джейн, — говорю я ему. Мне просто хочется уйти. Мне хорошо, я сама по себе. Он просто инвалид, бедный жалкий инвалид. Нужно было думать раньше. Нужно было сказать раньше. Ллойд. Уходи. Я повернулась к ди-джею. Я пыталась вернуться в ритм музыки, танцуя, пытаюсь забыть о Ллоиде, выгнать танцем его из своей головы, вернуться туда, где я была до его появления. Толпа обезумела. Вот сумасшедший прямо перед Уэзероллом выделяет что-то безумное, потом останавливается и хлопает ему, а тот отвечает, поднимая ритм все выше и выше. Мне становится жарко и нечем дышать, и я останавливаюсь на секунду. Бреду сквозь толпу к бару взять воды. Тут я встречаю Алли, приятеля Ллойда.

— На чем сегодня Ллойд? — спрашиваю его. Не надо было. Ллойд мне не интересен.

— Ни на чем, — отвечает Алли. Он потный, сразу видно, что только что давал жару, — принял пару стаканчиков. — Не стал таблетку есть, вот как. Говорит, что собирается сделать перерыв месяцев на шесть. Не хочет перспективу искажать, кажется, так сказал наш умник. Слушай, Хедер, — говорит он мне доверительно, — надеюсь, ты не сделаешь из моего приятеля прилизу, а?

Ллойд не в таблетке. Тысяча мыслей вспыхивают в моей голове, отравленной МДМА. Уэзеролл замедляется, и у меня начинает слегка кружиться голова.

— Слушай, Алли, хочу тебя спросить кое о чем, — говорю я, слегка дотрагиваясь до его рукава, — кое-что про Ллойда. — И я рассказываю ему о том, что слышала на вечеринке. Он громко смеется в ответ, а потом рассказывает мне, что было на самом деле.

После этого я чувствую себя полной дурой. Щупаю пальцем свою вторую таблетку, которую уже переложила из лифчика в маленький кармашек джинсов. Пора принимать. Но нет. Я вижу, как Ллойд разговаривает с этим парнем и девочками. Киваю ему, и он подходит ко мне.

— Говоришь с кем-то особенным? — спрашиваю я, а сама вся сжимаюсь при звуке своего голоса: мелочный, ревнивый, саркастичный.

Он только тихо улыбается и смотрит мне в глаза:

— Теперь да, — отвечает он мне.

— Хочешь, уйдем? — спрашиваю я.

И чувствую, как его рука обнимает меня за талию, а его влажные губы касаются моей шеи. Он слегка сжимает меня, и я отвечаю на его объятие, становясь на цыпочки и прижимаясь к нему грудью. Через какое-то время он отпускает меня и убирает мне волосы с лица.

— Пойдем за одеждой, — улыбается он.

Мы обращаемся спиной к хаосу и спускаемся вниз.

Примечания

прим.1

Хэрродс — Большой универмаг в Найтсбридже в Лондоне, где одеваются богатые. Известен дорогой и необычной одеждой (здесь и далее примечания переводчика).

прим.2

«картонный город» — Район, где живут бездомные, часто в картонных коробках. В Лондоне самый большой — в районе Ватерлоо.

прим.3

Вест Хам (West Ham) — британский футбольный клуб в Восточном Лондоне, официальное название West Ham United.

прим.4

Хаммерсы — Неформальное название Вест Хам (West Ham), футбольной команды, — см. ранее.

прим.5

Оксфорд-стрит — Одна из центральных улиц Лондона, известная своими магазинами и оживленностью.

прим.6

Борнмут — Город на Южном побережье Англии, популярное место отдыха.

прим.7

Уэльс для валлийцев, англичане, убирайтесь домой.

прим.8

Мэт — Офицер Метрополитен Полис — лондонская полиция.

прим.9

Донкастер — Промышленный город в Южном Йоркшире, Северная Англия.

прим.10

Шеффилд — город в Южном Йоркшире, известный как центр производства стали, инструментов и кухонной утвари.

прим.11

Серпентин — Озеро в Гайд-Парке.

прим.12

сова или клинок — Прозвища фанов Шеффилд Юнайтед и Шеффилд Венсдэй.

прим.13

Хибсы — название футбольного клуба.

прим.14

Эрик Кантона — французский футболист, игравший за национальную сборную Франции и за Манчестер Юнайтед, популярный в начале девяностых.

прим.15

Майкл Портилло — британский политик, консерватор, один из кандидатов в премьер-министры.

прим.16

Нодди — персонаж детских книг английского писателя Энида Блайтона. Носит голубую шапочку с колокольчиком и ездит на красно-желтом автомобиле по Игрушечному городу.

прим.17

SNP — Шотландская национальная партия, выступает за отделение Шотландии от Великобритании, имеет несколько голосов в парламенте.

прим.18

Гластонбери — город на юго-востоке Англии, где расположено одно из самых старинных аббатств. Согласно некоторым легендам, там похоронен король Артур. Летом в Гластонбери проходит один из самых значительных музыкальных фестивалей, привлекающий тысячи молодых людей.

прим.19

Тинз и Уотерстоунз -Большие книжные магазины, где есть специальные зоны для чтения.